

1483,

ДВОРЯНСТВО ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

СОЧИНЕНІЕ
УЧИТЕЛЯ 2-Ѣ КІЕВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Н. С. ТУМАСОВА.

К І Е В Ъ.
Въ Университетской типографіи.
1869.

Дозволено цензурою 26 марта. Кіевъ, 1869 года.

ДВОРЯНСТВО ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

Contenti simus inventis, aliquid veritati et
posteris conferant.

Плиній.

Прежде чѣмъ приступлю къ вопросу о Дворянствѣ Западной Россіи, считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько необходимыхъ поясненій. Поясненія этѣ касаются прежде всего задачи предлагаемаго изслѣдованія. Что нужно разумѣть подѣ именемъ Западной Россіи? Западною Россіею я называю область на право отъ Днѣпра, вмѣщающую въ себѣ нынѣшнія Губерніи: Гродненскую, Ковенскую, Виленскую, Витебскую, Минскую, часть Могилевской, Смоленской и Черниговской, Кіевскую, Волынскую и Подольскую, то есть, все то пространство, которое, подѣ именемъ Литвы и Руси, входило въ разсматриваемую пору въ составъ Польско-Литовскаго Государства. Дворянство Западной Россіи XVI вѣка есть, стало быть, Дворянство Литовское и Русское. Второй вопросъ касается сочиненій, которыми я пользовался при составленіи разсужденія. Этѣ сочиненія слѣдующія:

1. Литовскій Статутъ, во «Временникѣ» за 1854 г., кн. XVIII и XIX, и за 1855, кн. XXII.

2. Volumina legum, т. I — II, изд. Огрызка.

3. Zbiór praw Litewskich od r. 1389 do r. 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od r. 1544 do r. 1563. Poznań 1841. Изд. Дзялынскаго.

4. Акты Западной России, т. I, II, III. Спб.

5. Жизнь Князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Два тома. Изд. Коммисіи, учрежденной при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. 1849 г.

6. Acta Tomisiana. 8 томовъ. Познань, 1852 г.

7. Vetera Poloniae monumenta. 1863 г.

8. Historica Russiae monumenta. Спб. 1841 г.

9. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи. Н. Бантышъ-Каменскаго. Москва. 1805.

10. Литовская Церковная Унія. М. Кояловича. Спб. 1859 — 1861, 2 части.

11. Zbiór pamiętnikow o dawnej Polsce. Нѣмцевича. 4 тома. Warszawa 1822 г., w Lipsku 1838—1840, 5 томовъ.

12. Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej z drugiej połowy XV i pierwszej połowy XVI w. Морачевскаго. Познань 1832—1855 г. 9 томовъ.

13. Starożytności Polskie. Его же.

14. Starożytności historyczne Polskie. Грабовскаго. Краковъ. 1840 г.

15. Prawo pospolite Królestwa Polskiego. Готфрида Ленгница. Польскій переводъ Мартына Мощенскаго. 2 тома, 1761 г.

16. } Стрыйковскаго, изд. въ Кенигсб. 1582, въ Варшавѣ 1846, 2 тома.

17. Хроники: } Гваньина. Франкфуртъ 1584.

18. } Бѣльскаго. Краковъ 1550, 1564.

19. Jus publicum Regni Poloniae. Хвальковскаго. Года изданія не показано, но изъ сочиненія видно, что оно явилось въ XVII в. «Янъ Казимиръ теперь царствуетъ,» сказано тамъ, на стр. 552.

20. Dzieje w Koronie Polskiej za Żygmunta I-go i Żygmunta II-go. Луки Гурницкаго. 1750 г.

21. Ubiory w Polsce. Голембѣвскаго. Варшава 1830 г.

22. Ostatnie lata panowania Żygmunta Starego i początek panowania Żygmunta Augusta. Лелевеля. Варшава 1821 г.

23. Życia sławnych Polaków, изданіе Бобровича. Лейпцигъ 1837 г., 5 томовъ.

24. Epistolae illustrium virorum. Карнковскаго. Краковъ 1578 г.

25. Historia prawa Polskiego. Я. В. Бандтке. Варшава 1850 г.

26. Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajow i zwyczajow, w czterech częściach opisana przez Maciejowskiego. Спб. и Варш. 1842 г., 4 тома.

27. Rys dziejow kultury i oswiecenia narodu Polskiego. Червинскаго. Перемышль 1816 г.
28. Wybor pisarzow Polskich. Варшава 1805 г.
29. Исторія Россіи, С. Соловьева, и, само собою разумѣется,
30. Исторія Р. Г., Карамзина.
31. Исторія Кіевской Академіи. Булгакова. Спб. 1843 г.
32. О Древнерусскихъ училищахъ. Н. Лавровскаго. Харьк. 1854 г.
33. Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego (извлеч. Онацевичемъ изъ рукописи Альбетранди).
34. Dzieje literatury w Polsce. Кондратовича (Сырокомли). Вильна 1850—1852 г., 2 тома.
35. Obraz Litwy. Ярошевича. Вильна 1844 г.
36. Rys dziejow piśmiennictwa Polskiego. Леслава Лукашевича. Познань 1859 г.
37. Historia literatury Polskiej w zarysach. Вуйцицкаго. 4 тома. Варшава 1859—1860 г.
38. Historia, literatura i krytyka. Маіоркевича. Варш. 1850 г.
39. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, Спб. 1865 г.

Кромѣ того, я пересмотрѣлъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Восточную Европу во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка, какъ, на прим., Флетчера, Бусова, Петрея, Герберштейна и др., ознакомился съ Хрониками Mathiae a Michovia, Jakobi Prilusii, Martini Kromeri, Jodoci Ludowici Decii (de vetustatibus Poloniae), и перечиталъ нѣсколько тысячъ актовъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ.

Называя этѣ сочиненія, я хочу сказать, что большая часть ихъ касается Дворянства, жившаго на пространствахъ нынѣшней Волынской, Подольской и Кіевской Губерній. Что же касается Дворянства Литовскаго и Бѣлорусскаго края, то въ нихъ нельзя найти много указаній. Это обстоятельство съ одной стороны, и съ другой то, что мнѣ пришлось пользоваться матеріалами по большей части въ сыромъ видѣ (in crudo), и подъ рукою не было ни одного сочиненія, которое содержало бы въ себѣ разсмотрѣніе вопроса, составляющаго предметъ моего изслѣдованія (я сомнѣваюсь, чтобы такое сочиненіе существовало гдѣ ни будь; по крайней мѣрѣ мои поиски въ этомъ случаѣ оказались безуспѣшными), лишили

меня возможности сдѣлать то, чего я желалъ и что я могъ сдѣлать. Въ этомъ изслѣдованіи, по всей вѣроятности, отыщутся значительныя ошибки, но такова уже судьба починаемаго дѣла. Вопросъ, литература котораго обширна, имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что его всегда можно удачнѣе рѣшить, чѣмъ тотъ вопросъ, который не имѣетъ литературы. Частое занятіе однимъ и тѣмъ же дѣломъ ведетъ непременно къ усовершенствованію. На этомъ основывается развитіе ремесла, развитіе искусства и развитіе вопроса въ области науки. Иногда случайное и даже ничтожное указаніе человѣка наводитъ насъ на новыя мысли, на новыя соображенія, а болѣе счастливыхъ и на открытія. На оборотъ, работа новая, не имѣющая примѣра, ведетъ едва ли не всегда къ огромнымъ промахамъ.

Обращаясь къ рѣшенію вопроса, я долженъ прежде всего остановить вниманіе на составѣ народонаселенія Западной Руси въ теченіе XVI столѣтія. Въ предѣлахъ области, составляющей нынѣшнюю Западную Россію, искони жили Русскіе и Литовцы. Во второй половинѣ XVI в. совершилось событіе, знаменитое по своимъ послѣдствіямъ. Это — Люблинская Унія. Езуитское воплощеніе (wcielenie) Литвы и Руси въ тѣло Короны Польской дало Польскому Дворянству законное основаніе селиться на Литовско-Русской землѣ въ средѣ Русскихъ; впрочемъ, это явленіе не ново. Люблинская Унія не создала, а только узаконила, событіе. Поселеніе на Литовско-Русской почвѣ Польскаго люда началось гораздо раньше Унии. XVI вѣкъ засталъ уже сдѣсь Поляковъ. Они входили сюда разными путями: путемъ занятія правительственныхъ, придворныхъ и судебныхъ должностей, путемъ женитьбы и путемъ пріобрѣтенія поземельной собственности. Еще въ началѣ XVI столѣтія, именно въ 1506 году, Литовское Дворянство жаловалось Сигизмунду I-му, что крѣпости, города и земли находятся въ распоряженіи иностранцевъ, и просило назначить на ихъ мѣсто Литвиновъ: ¹ иностранцемъ же они считали каждого, кто не родился Литовцемъ, причисля къ этому разряду и Поляка. Въ актахъ Западной Россіи помѣщены документы, изъ которыхъ ясно видно, что подъ иностранцемъ Литовцы разумѣли почти всегда Поляковъ. Король издавалъ привилей, въ которыхъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе; но подобныя обѣщанія

скихъ Королей часто оставались голыми обѣщаніями и рѣдко, рѣдко исполнялись, или по тому, что исполненіе ихъ противорѣчило основѣ Государственной политики, стремившейся ополчавать Литовско-Русскій край, или по тому, что Короли потеряли столько силы, что могли только обѣщать. Особенно рѣзко выдается безсиліе Королевской власти со второй половины XVI столѣтія. Непрерывныя и настойчивыя просьбы Литовцевъ и Русскихъ, заносимыя къ Королевскому престолу въ продолженіе цѣлаго столѣтія, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, во 1-хъ, того, что они не забывали протестовать противъ Польскаго поселенія; во 2-хъ, того, что ихъ заявленія и просьбы оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ 1544 году былъ Сеймъ въ Бересты. На Сеймъ явились Литовскіе Послы, и отъ имени всей Литвы подали Королю письменную жалобу на то, что, вопреки привилегіямъ Княжества, Поляки занимаютъ въ ихъ странѣ разныя должности, и просили положить конецъ такому нарушенію правъ.² На эту просьбу Король отвѣчалъ такъ уклончиво, темно и сбивчиво, что Послы ровно ни чего не поняли изъ его словъ и возвратились къ товарищамъ съ тѣмъ, съ чѣмъ были высланы на Сеймъ. Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить людей, требовавшихъ положительнаго рѣшенія дѣла. Въ Генварѣ 1547 года, когда собрался Сеймъ въ Вильнѣ, они возобновляютъ старую просьбу и, чтобы не оставить ни какого сомнѣнія въ томъ, что имъ нужно, они говорятъ съ такою ясностью и опредѣленностью, какую только возможно требовать. «Мы просимъ, говорили они, чтобы а) Король не раздавалъ чужеземцамъ ни земскихъ, ни придворныхъ должностей; чтобы онъ не поручалъ управленію ихъ Литовскихъ замковъ, городовъ и волостей, принадлежащихъ Его Королевской Милости; б) чтобы онъ не назначалъ этѣхъ людей ревизорами своихъ имѣній и кассы, хранящейся въ этѣхъ имѣніяхъ; наконецъ в) чтобы при вѣздѣ въ Литву онъ оставлялъ за Литовскимъ рубежемъ тѣхъ чиновниковъ, которые сопровождали его на пути въ Литву, и окружилъ себя Литовцами.»³ Побужденія, въ слѣдствіе которыхъ они вынуждены были утруждать Короля просьбою, заявлены въ слѣдующемъ видѣ: «Раздавая должности Полякамъ, Король оказываемъ имъ предпочтеніе предъ Литовцами, ставитъ ихъ выше Послѣднихъ, какъ будто между этѣми послѣдними нѣтъ людей

умныхъ, способныхъ честно исполнять возложенную на нихъ обязанность. Если во время пребыванія Короля въ Литвѣ придворныя обязанности будутъ полнить Поляки, а не Литовцы, то что стоятъ этѣ титулы Крайчаго, Подчашаго и т. д. безъ дѣйствительной обязанности? Да, наконецъ, дѣло не только въ одной обидѣ: не довольствуясь оказываемымъ имъ предпочтеніемъ, они чинятъ обиду и притѣсненія Старостамъ, Державцамъ и ихъ урядникамъ и, въ довершеніе всего, вывозятъ капиталы за границу.» ⁴ Последнее обстоятельство даетъ себя чувствовать во всякое время, но особенно чувствительнымъ казалось оно въ то время, когда люди основывали богатство страны на количествѣ звонкой монеты. На нѣкоторые изъ пунктовъ Король далъ, по видимому, благопріятный отвѣтъ; на другіе опять уклончивый. Вотъ содержаніе его отвѣта: «Сколько ему извѣстно, Литовскія должности никогда не раздавались иностранцамъ. Что касается его имѣній, то для ревизіи ихъ онъ воленъ посылать, кого ему угодно, лишь бы посылаемые имъ лица надлежащимъ образомъ полнили свою обязанность; относительно послѣдней просьбы общаетъ поступать по старинѣ.» ⁵ Слишкомъ четыре года прошло съ этѣхъ поръ, и ни одного шагу не сдѣлано въ пользу требованій Литовско-Русскаго Дворянства. Оказалось нужнымъ возобновленіе опять тѣхъ самыхъ требованій, тѣхъ же самыхъ просьбъ, и онѣ не замедлили явиться, какъ только открылся новый Сеймъ въ Вильнѣ въ 1551 г. На этотъ Сеймъ явившіеся Депутаты къ прежней просьбѣ о недопущеніи иностранцевъ къ дѣламъ казны и ко всякимъ другимъ должностямъ, прибавили двѣ новыя: а) чтобы имъ не позволено пріобрѣтать въ Литвѣ поземельной собственности, и б) чтобы женщины, выходящія за мужъ за Литовскую границу, продавали свою недвижимость кому ни будь изъ своихъ родственниковъ. ⁶ Король, извиняясь предъ Дворянствомъ въ томъ, что, въ силу особенныхъ, неотразимыхъ обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ поступить именно такъ, а не иначе, т. е., назначать иностранцевъ чиновниками въ Литву, обѣщая не давать на будущее время послѣднимъ ни какихъ урядовъ, онъ, однако же, долженъ отложить окончательное постановленіе по этому вопросу. Переходя къ вопросу о поземельной собственности, которая, по выраженію просителей, переходитъ въ чужія руки, Король отказывается отвѣчать что либо опредѣленное, по тому что это не

его вина, а ихъ собственная, если иностранцы завладѣютъ ихъ землями: не продавай имъ, и они не купятъ. Независимо отъ этихъ просьбъ, Дворяне Волынской земли просили Короля учинить имъ правду и судъ на Поляковъ, которые наѣзжаютъ на ихъ имѣнія и производятъ грабежи и разбои. Въ отвѣтъ послѣдовало Королевское обѣщаніе удовлетворить просителей на будущемъ сеймѣ. ⁷ Въ 1554 г. состоялся третій Сеймъ въ Вильнѣ, и на немъ повторились тѣ же просьбы, и получено то же удовлетвореніе. ⁸ Еще 15 лѣтъ, и Поляки добились давно желаннаго соединенія Литовской Руси съ Короною. Актъ Люблинской Уніи освятилъ Польское населеніе: онъ уничтожилъ возможность просьбъ, онъ заключилъ въ форму закона то, что существовало на дѣлѣ. Изъ перечня событій, сейчасъ приведенныхъ, легко усмотрѣть ту постепенность, которую преслѣдовало Польское населеніе въ Литвѣ въ теченіе 48, лѣтъ. Явившись на чужой землѣ, сначала въ качествѣ управляющихъ Королевскими имѣніями и надзорщиковъ за цѣлостію его казны, Поляки женятся потомъ на Литовкахъ, и наконецъ дѣлаются поземельными собственниками. Поселеніе растетъ быстро. Къ концу XVI столѣтія, рядомъ съ родами Русскаго происхожденія, мы встрѣчаемъ на Литвѣ и Русѣ очень много родовъ Дзялынскихъ, Вержбицкихъ, Домбровскихъ, Малинскихъ, Касперскихъ, Тарновскихъ, Жолкевскихъ, Ставинскихъ, Станишевскихъ, Ленчицкихъ, и т. д. ⁹ Не смотря на быстрые успѣхи, Польское населеніе не могло вытѣснить мѣстнаго. Во второй половинѣ этого столѣтія предъ лицомъ исторіи дѣйствовали еще многіе Литовскіе и Русскіе роды. Бантышъ-Каменскій, въ своей Церковной Уніи, насчитываетъ 64 Русскіе и Литовскіе роды, ¹⁰ члены которыхъ имѣли большое вліяніе на дѣла, ибо многіе изъ нихъ заседали въ Сенатѣ. Такъ онъ указываетъ на роды: Вишневецки хъ, Волынскихъ, Головчинскихъ, Друцкихъ-Горскихъ, Дубровицкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Корецкихъ, Кошырскихъ, Крушинскихъ, Лукомскихъ, Масальскихъ, Огинскихъ, Острожскихъ, Полубинскихъ, Пронскихъ, Пузиныхъ, Ружинскихъ, Сангушковъ, Соколинскихъ, Соломирецкихъ, Черторыйскихъ. Это Княжескіе роды. Дворяне, упоминаемые въ памятникахъ того времени, были: Боговитины, Бокіи, Березовскіе, Воины, Воловичи, Вяжевичи, Габурды, Глѣбовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайскіе, ДЕРЕ-

винскіе, Ермолинскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кирдѣвы, Кмиты, Кишки, Концы, Корсаки-Кропивницкіе, Лозки, Мелешковы, Мишковы, Обуховичи, Олизаровичи, Павловичи, Пацы, Потѣи, Сапегі, Сосновскіе, Сѣмашки, Тышкевичи, Тризны, Халецкіе, Ходкевичи, Хребтовичи, Чолганскіе, Шишкевичи и Ярмолинскіе. Итакъ, повторяемъ, на Литовско-Русской почвѣ, рядомъ съ Дворянами Русскими и Литовскими, жили и Дворяне Польскіе. Имѣя дѣло съ столь смѣшанной матеріей, становишься въ затруднительное по отношенію къ ней положеніе, тѣмъ болѣе затруднительное, что источники, изъ которыхъ можно черпать матеріалы, для изображенія бытовой стороны, почти всѣ говорятъ о Полякахъ, да о Полякахъ, и очень рѣдко о Русскихъ и Литовцахъ. Впрочемъ, затрудненіе, въ которое поставленъ изслѣдователь, значительно распутывается, благодаря слѣдующему обстоятельству. Поляки, болѣе счастливые, чѣмъ ихъ Восточные сосѣди, близостью своей страны къ просвѣщенному Западу, болшею безопасностью со стороны кочевыхъ непріятелей, могли подвинуться по лѣстницѣ образованія на высшій щепень, чѣмъ послѣдніе, и, въ силу неизмѣнныхъ, вездѣ одинаково дѣйствующихъ, законовъ, могли вліять, и дѣйствительно вліяли, на образованіе послѣднихъ, измѣняя его на Польскій ладъ. Подражатели относительно Европейскаго Запада, они стали образцомъ для Восточныхъ братій. Послѣдніе, во имя образованія, перенимали у нихъ привычки, обычаи, одежду, языкъ, а въ концѣ XVI ст. даже религію, стали, однимъ словомъ, похожи, по стремленіямъ и понятіямъ, на своихъ учителей. Думаемъ по этому, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если нѣкоторыя изъ указаній иностранцевъ о Польскомъ Дворянствѣ, и подобныя же извѣстія самихъ Поляковъ, отнесемъ къ Дворянству Русскому (тамъ, гдѣ будетъ рѣчь объ его частномъ бытѣ).

Личность, дѣйствующая на политическомъ и общественномъ поприщѣ, только тогда очерчивается выпукло, и только тогда понятны всѣ ея дѣйствія, когда извѣстно ея умственное и нравственно-религіозное образованіе, ея домашній бытъ. На этомъ основаніи я раздѣлилъ свое изслѣдованіе на двѣ части. Въ первой части я постараюсь изобразить образованіе и домашнюю жизнь Дворянства Западной Россіи въ XVI в. Тутъ мы узнаемъ,

каковы были обстоятельства, слагавшія ту личность, которой суждено было дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, какъ увидимъ ниже, безапелляціонно. Во второй части я поставлю Дворянина того времени предъ лицомъ Монархической власти и другихъ, жившихъ рядомъ съ нимъ, сословіи, и попытаюсь показать, чѣмъ онъ былъ въ томъ и другомъ случаѣ.

1.

Итогъ образовательныхъ силъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ въ рассматриваемое время былъ весьма значителенъ, особенно по сравненію съ Европейскимъ Западомъ и Россіею. Не уступая ни сколько Западу, это Государство стояло неизмѣримо высоко надъ тогдашнею Москвою. Въ то время, какъ Московское Государство страдало отъ недостатка или, еще вѣрнѣе, отъ крайней бѣдности въ училищахъ, ¹¹ Польско-Литовское Государство обладало двумя Академіями, нѣсколькими Коллегіями и Семинаріями и многими низшими учебными заведеніями. Высшимъ образовательнымъ заведеніемъ оставалась Академія, отъ которой, въ большей или меньшей, степени, зависѣли другія школы. Всѣ этѣ школы дѣлились по Вѣроисповѣданію на Католическія, Православныя, Армянскія и Протестантскія. Выше другихъ стояли школы Католическія, по тому что имъ покровительствовали и Правительство, и частныя лица; а ниже всѣхъ, кажется, Православныя, по тому, во 1-хъ, что онѣ не пользовались покровительствомъ власти; во 2-хъ, что не имѣли способныхъ и дѣльныхъ учителей. Духовенство, исполнявшее тогда повсюду просвѣтительное посланничество, сдѣсь, по выраженію современниковъ, *in tabernis publicis vinum adustum totos dies potant. Cumque jam nec pedes officium faciunt, saepe, velut emortui, in mediis plateis concidunt et obdormiunt.* ¹²

Между Католическими школами самую громкою извѣстностью пользуется Краковская Академія. Первая по времени основанія, ¹³ она сдѣлалась первою по своей учености. Въ то время, когда другія Академіи развлекались разными, чуждыми наукъ, стремленіями, она вѣрно и непреклонно служила чистымъ цѣлямъ науки, не отступая отъ нея ни на шагъ. Въ то время, когда въ другихъ школахъ господствовали исключительно Богословіе и Риторика

Краковская Академія дала у себя пріютъ всѣмъ извѣстнымъ тогда наукамъ. Основанная по образцу заграничныхъ Университетовъ, она сдѣлалась представительницею Западно-Европейскаго образованія на Польско-Литовско-Русской почвѣ. Сюда стекались, для слушанія лекцій, Поляки, Литовцы, Русскіе, Угры и другіе иностранцы. Посмотримъ, чему они выучились сдѣсь.

Наука Академическая дѣлилась на четыре Факультета: Богословскій, Философскій, Юридическій и Медицинскій. ¹⁴

Богословскій Факультетъ считался главнымъ: онъ обнималъ собою всѣ Богословскія науки. Поступить на этотъ Факультетъ могъ только тотъ, кто предварительно учился свободнымъ наукамъ (*artes liberales*) и пріобрѣлъ за познанія въ нихъ степень Магистра. По вступленіи на Факультетъ, студентъ обязывался изучать два года *Sententias* Петра Ломбарда и посѣщать бесѣды и диспуты Богословскіе, происходившіе въ Академіи каждый день. ¹⁵ Послѣ двухлѣтняго обученія, испытанный студентъ посвящался въ санъ Священника и удостоивался права преподавать въ Академіи (въ качествѣ Приватъ-Доцента). Для того, чтобы Богословъ былъ признанъ настоящимъ Профессоромъ, нужно было выдержать еще два испытанія: на Магистра и на Доктора. Этотъ Факультетъ имѣлъ цѣлью образовывать духовенство.

Философскій Факультетъ по справедливости стоитъ того, чтобы назвать его именемъ цѣлаго учрежденія, по тому что онъ-то былъ собственно Академіею, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Сдѣсь преподавались: Схоластическая Философія, Математика (Астрономія и Астрологія) и Литература. Тонъ всему давала древняя Философія, почерпнутая изъ книгъ древняго мудреца, Аристотеля. Вмѣстѣ съ своими объяснителями, онъ занималъ и поглощалъ всѣ умы, всѣ науки. Онъ служилъ источникомъ знанія, а его объяснители образцомъ критики и предметомъ ученыхъ диспутовъ и прѣній. Философіею Аристотеля объясняли Откровеніе; его Эстетика дала начало Схоластической Логикѣ и Риторикѣ; его Естествознаніе замѣняло Физику, словомъ, Аристотель тогда замѣнялъ собою все. Нужно ли было, на пр., объяснить тайну пресуществленія Евхаристіи въ дѣйствительное тѣло и кровь Христову, или тайну

воплощенія, обращались къ этому оракулу Среднихъ Вѣковъ и, основываясь на его познаніяхъ въ Философіи и Естествознаніи, старались доказать дѣйствительную возможность подобнаго чуда. Такъ же, какъ и на Западѣ Европы, ученые Академики досиживались до полной сѣдины въ своихъ келіяхъ, занимаясь изобрѣтеніемъ Философскаго камня, или жизненнаго элексира, или гада-ніемъ по звѣздамъ, этѣмъ тайнымъ хранилищемъ судебъ человѣка.

Юридическій Факультетъ имѣлъ задачею изученіе Римскаго и, въ особенности, Каноническаго Права.

На Медицинскомъ Факультетѣ изучалась одна Медицина. Состояніе этой науки было плачевно: Анатоміи не существовало; Химія еще не развертывалась изъ своего зародыша; Ботаника считалась первостепенною Медицинскою наукою. На этомъ Факультетѣ, какъ и на другихъ, преобладала Схоластика: силлогизмы, словопрѣнія имѣли больше вѣса, чѣмъ дѣйствительное знаніе. Независимо отъ этого, существовали весьма стѣснительныя для науки правила: всякій оканчивающій Медикъ давалъ обязательство не выступать изъ предѣловъ, положенныхъ для науки Академическими требованіями, а этѣ требованія состояли въ томъ, чтобы Медикъ не смѣлъ помышлять даже о развитіи науки, или, какъ тогда выражались, не вольнодумничалъ. "Разсматривая Схоластическіе трактаты того времени, невольно удивляешься комизму ихъ выводовъ, не имѣющихъ ни чего общаго съ точною наукою; не смотря, однако же, на это, мы готовы отнести къ нимъ скорѣе съ благоговѣніемъ, чѣмъ съ насмѣшкою, по тому что имѣемъ на памяти основоположеніе, ради котораго создавались этѣ трактаты. Ученые того времени, иногда до смерти трудившіеся на поприщѣ чепухи, но чепухи въ настоящемъ, а не по отношенію къ прошлому, посвящавшіе этой ученой чепухѣ лучшіе годы своей молодости, наживавшіе при ней горбъ, морщины и сѣдину, были люди высшаго образованія: они все таки служили жертвеннику науки. Кромѣ справедливаго уваженія къ такому тяжелому и кропотливому труду, какъ наука, мы должны помнить заслуги тогдашнихъ ученыхъ, оказанныя въ другомъ направленіи. Своимъ примѣромъ они создавали и поддерживали въ обществѣ стремленіе къ образованію. Громкая

извѣстность, пріобрѣтенная Академіею за границею, привлекала къ себѣ учениковъ отовсюду. Трудно представить себѣ, сколько лѣтъ полнѣйшаго невѣжества провели бы люди безъ этого высшаго, ученаго учрежденія. Мало того: Академія была разсадникомъ многихъ школъ низшаго разряда, давала имъ учителей, заботилась объ ихъ улучшеніи. Къ числу школъ, подвѣдомыхъ Академіи, относятся прежде всего Семинаріи. Въ одномъ Краковѣ ихъ считалось семь. Кромѣ Семинарій, Академіи подчинялись еще другія училища, въ Краковѣ, Познани, гдѣ, кромѣ того, существовала Коллегія, въ Холмѣ, Пинчовѣ, Тарновѣ, Корчинѣ, Гнѣзнѣ, Влодавѣ, Варшавѣ, Плоцкѣ, Пултускѣ, Перемышлѣ, Львовѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Преподаваніе въ этихъ школахъ ни чѣмъ не отличалось отъ Академическаго; какъ здѣсь, такъ и тамъ, оно не выступало изъ границъ Схоластики. О другихъ школахъ мы знаемъ такъ мало, что приходится ограничиться двумя, тремя, голыми указаніями. Объ Езуитской Академіи въ Вильнѣ намъ извѣстно, что она основана въ 1569 году подъ именемъ Коллегіи, а переименована въ Академію въ 1578 г.; что она дѣлилась на 7 классовъ, по которымъ размѣстились Богословіе и Классицизмъ. *Infima, Grammatica, Syntaxis, Poësia, Rhetorica* составляли пять низшихъ классовъ, *Philosophia* и *Theologia* два высшихъ. Изъ этого дѣленія видно, что Езуиты обращали исключительное вниманіе на изученіе Латыни и Богословія. Философскій, Юридическій и Медицинскій отдѣлы Краковской Академіи здѣсь не существуютъ. Подобно Краковской Академіи, она имѣла подчиненныя себѣ школы въ Познани, Львовѣ, Калишѣ, Краковѣ, Каменцѣ и въ другихъ мѣстахъ.⁴⁸ Что касается Протестантовъ и Православныхъ, то школы первыхъ существовали въ Лешнѣ, Козминкѣ, Любартовѣ и Холмѣ, а послѣдніе образовали училища въ Кіевѣ, Острогѣ, Львовѣ, и въ тѣхъ городахъ въ послѣдствіи, гдѣ были Братства. И въ этихъ школахъ преподаваніе шло Схоластическимъ путемъ. Не смотря на всеобщее господство Схоластики, которая не щадила, кажется, ни какихъ силъ на то, чтобы затуманить голову и закутать мысль въ непроницаемую пелену, изъ которой бы она развернуться не сумѣла, не смотря, однако, на все это, мысль не переставала работать. Принужденная трудиться за стѣнами Академіи, въ области вопросовъ не разъяснимыхъ, она пріобрѣтала опытность и, выступивши на поприщѣ общественной

жизни, стала трудиться надъ разрѣшеніемъ вопросовъ разрѣшенныхъ, и разрѣшала ихъ легко, по тому что они были легки въ сравненіи съ Академическими. Мы встрѣчаемъ въ XVI стол. много дѣятелей на различныхъ поприщахъ, дѣятелей, учившихся нѣкогда въ этѣхъ школахъ. Одни изъ нихъ оказали великія услуги обществу дѣятельностью на военномъ поприщѣ Государственнаго управленія, другіе вошли въ общество учителями, и уча, доканчивали его образованіе, начатое въ школѣ. Въ тѣ времена на общество производили сильное вліяніе сатира, краснорѣчіе и исторія; остальные науки дѣйствовали не прямо, а косвеннымъ путемъ. Знакомство съ училищами страны еще не исчерпываетъ всѣхъ образовательныхъ силъ ея. Независимо отъ школъ, страна располагала и другими средствами для распространенія образованія. Богатые и даже небогатые Дворяне иногда предпочитали образовывать своихъ дѣтей дома. Этотъ путь имѣлъ свои хорошія и дурныя стороны. Съ одной стороны можно было ожидать лучшихъ слѣдствій, чѣмъ тѣ, которые давала школа, по тому что ни чѣмъ нестѣсненный учитель могъ освободиться отъ школьной Схоластики и, вмѣстѣ съ собою, освободить и ученика. Съ другой стороны отсутствіе надзора давало учителю право на произволъ, учить чему угодно и какъ угодно. Изъ собранія свѣдѣтельствъ, приводимыхъ современниками о домашнемъ образованіи, видно, что оно шло, говоря вообще, не совсѣмъ удачно, по тому что личность учителя цѣнилась низко, его уважали вообще дурно, а отъ такого порядка вещей не лзя ждать хорошихъ плодовъ. Между Дворянами того времени были еще такіе, которые не удовлетворялись родными школами; они искали чего-то высшаго, чего-то лучшаго. Этѣ-то люди выслали своихъ учиться за границу. Такъ какъ жизнь есть другая школа, въ которой каждый человѣкъ доканчиваетъ свое образованіе, то намъ необходимо послѣдовать за человѣкомъ изъ школы въ жизнь и посмотреть, чему онъ выучился въ этой послѣдней школѣ. Первое вниманіе обращаютъ на себя передовые учителя, писатели, которыхъ всѣ уважали, которыхъ книжки почти всѣ читали (многіе, по крайней мѣрѣ, читали), которые дѣйствительно содѣйствовали сложенію и образованію общественнаго смысла, ума и убѣжденій. Знакомство съ ними проливаетъ довольно яркій свѣтъ на исторію XVI в. Укажемъ на нѣкоторыхъ.

Николай Рей. Воспитанникъ Краковской Академіи, зѣвавшій на лекціяхъ замысловатыхъ Профессоровъ, сталъ скептически относиться къ ихъ наукѣ, бросилъ и ихъ, и науку, и явился въ жизнь съ комическимъ и сатирическимъ настроеніемъ духа, готовымъ посмѣяться надъ каждою слабостью, надъ каждымъ недостаткомъ. Послѣ его смерти осталось много сочиненій. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія, мы остановимся на одномъ главномъ. Оно озаглавлено такъ: «Zwierciadło, albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawom, jako we zwierciadle, przypatrzeć (напеч. 1568 г.). Оно распадается на отдѣлы, изъ которыхъ важнѣйшіе суть:

1.

Какого рода занятія родители должны доставлять своимъ дѣтямъ?

«Родители должны вмѣнить себѣ въ обязанность позаботиться о томъ, какое бы образованіе дать дѣтямъ, по тому что наше естество есть голая доска, на которой, что напишешь, то на вѣки и останется» (*tabula rasa*, Аристотеля). По его мнѣнію, образованіе должно состоять въ томъ, чтобы дѣти выучились читать, ѣздить верхомъ, метать копья, стрѣлять въ цѣль и въ лѣтъ. Ни чего не мѣшаетъ дѣтямъ иногда посидѣть въ благородномъ и не пьяномъ обществѣ, поболтать, поострить. Не мѣшаетъ также попрыгать, поиграть на дудкѣ, все это прекрасное препровожденіе времени. Заниматься подобными дѣлами гораздо лучше и благороднѣе, чѣмъ пролежать боровомъ въ берлогѣ и потратить по пустому время, этотъ дорогой даръ, который, если уйдетъ, то уйдетъ на вѣки и назадъ не вернется. Нѣтъ вещи гаже гнусной лѣности. Мы видимъ на лошадяхъ и другихъ животныхъ, что чѣмъ больше выдерживаешь ихъ, тѣмъ они умнѣе; волъ же такъ таки воломъ и останется (такъ!). Огонь тѣмъ ярче горитъ, чѣмъ больше сухихъ полѣнъ подложишь; такъ и юноша. Далѣе онъ совѣтуетъ, чтобы знанія сообщались дѣтямъ не вдругъ, а съ постепенностью, по тому что, въ противномъ случаѣ, выйдетъ то же, что съ проливнымъ дождемъ, который побиваетъ растенія и мѣшаетъ ихъ съ грязью.

2.

Произведенія ума не могутъ быть дурными.

Ни въ какомъ случаѣ не лзя назвать хорошимъ того, что не сдѣлано съ помощью ума, честности и нравственности. Всѣ богатства и дары судьбы можно назвать въ одно и то же время и дурными, и хорошими. Если употребляемъ ихъ умѣренно и честно, имѣя въ виду не однихъ себя, но и ближнихъ своихъ, то само Св. Писаніе не воспрещаетъ намъ пользоваться ими; но если мы, бросившись на нихъ съ алчностью, предадимся обжорству и пьянству, на свою же голову, тогда этѣ блага становятся дурными. Такъ, на пр., баринъ въ какихъ бы богатыхъ ни сидѣлъ палатахъ, какъ бы пышно онъ ни одѣлся и надушился, а ума въ немъ нѣтъ, то ни какіе духи ни чего ему не помогутъ; онъ завоныется какъ козель (такъ!). Снимите съ него золотое покрывало, уши, хвостъ, голова и шея обличать въ немъ чорта. И органы хороши, пока не разстроены; разстрой ихъ, и, вмѣсто музыки, получишь сопѣніе. Вотъ свойство вещей. Палачъ—явленіе гадкое; ибо наноситъ человѣку смерть; но что дурнаго онъ можетъ сдѣлать, если ему не дать повода сдѣлать дурное? Мечъ весьма дуренъ; ибо проливаетъ кровь человѣческую; но не подавайте повода, онъ самъ не подойдетъ къ вамъ, не ударитъ васъ. Золото блеститъ въ какомъ угодно грязномъ мѣшкѣ: такъ и честный человѣкъ: дурное ему мѣшать не можетъ.... Честный и умный человѣкъ подобенъ солнечному лучу, который освѣщаетъ, согреваетъ и осушиваетъ всѣ углы, и хорошъ не только для самого себя, но и для другихъ. Опытный морякъ полезенъ и себѣ, и другимъ; то же самое лѣкарь и судья и вообще умный человѣкъ. Случается видѣть, что иной такую силу пріобрѣтаетъ надъ львомъ, что сообщаетъ ему робость зайца, а тотъ опять водить медвѣдя за носъ, другой же умѣетъ укротить дикую, табунную лошадь на столько, что она становится на колѣна, когда онъ садится на нее. На все нужно умѣнье. Точно такимъ же способомъ можно укротить упрямыхъ и сильныхъ людей, — этого льва свирѣпаго, и обуздать этѣхъ бѣшеныхъ лошадей, этѣхъ медвѣдей, называемыхъ мужиками (такъ!).

3.

Что такое правда?

Должно быть правда вещь великая, когда самъ Богъ называлъ себя правдою. Это Майскій дождь для растений. Честный человѣкъ столько долженъ заботиться объ ней, чтобы его слово было по Евангелію: да, да; нѣтъ, нѣтъ, и чтобы онъ не вилялъ на право и на лѣво. Не даромъ же наши предки держались этого полезнаго правила: Ты дѣлай себѣ, что хочешь, шути, какъ хочешь, но не появляйся съ ложью, по тому что на языкѣ апелляціи нѣтъ.» Правду можно назвать лучшимъ сокровищемъ человѣка.

4.

Объ истинномъ другѣ, какъ его найти и какъ беречь.

Если тебѣ удастся встрѣтить человѣка, котораго ты можешь назвать своимъ другомъ, о, то береги его, какъ сокровище; ибо поступки въ дружбѣ играютъ такую роль, какъ салатъ при жаркомъ: (такъ!) гдѣ они не искренны, то это все равно, что красный хвостъ у гадкой лошади. Раскрась такого человѣка самымъ лучшимъ образомъ, а клыка клычей такъ и останется. Если же между друзьями выростетъ и окрѣпнетъ любовь, то что можетъ быть роскошнѣе? У нихъ все общее, у нихъ покровъ и защита. Случится ли болѣзнь, или другое несчастіе, другъ начинаетъ суетиться, утѣшаетъ, бѣжитъ за врачомъ; словомъ, хлопочетъ больше, чѣмъ для самаго себя. Случится ли одному изъ нихъ запутаться въ тяжбу, смотри, уже другой сейчасъ подаетъ помощь.

5.

Чтеніе есть очень полезное дѣло.

Если умѣешь читать, не пріятно ли во время досуга почитать книжку, познакомиться съ своими правами и обязанностями? Побесѣдовать съ мудрецами и философами, познакомиться съ

подвигами людей, записанными въ книжкахъ, значить почти то же, что изъѣздить весь свѣтъ, видѣть все собственными глазами, быть вездѣ самому: и все это получаешь сидя дома, не дѣлая ни шагу. Не удовольствіе ли узнать природу разныхъ животныхъ, каждой птички, cadaго деревца, каждой травки? Тутъ можно и хозяйству выучиться и въ нуждѣ помочь себѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ обществѣ дармобытомъ, ни чего не знающимъ. Далѣе совѣтуетъ читать не Горация и Овидія, а исторію людей; ибо чтеніе Исторіи гораздо полезнѣе сухихъ расказней обоихъ вмѣстѣ.

6.

Какъ славно Польское Королевство?

Указавши сначала на богатство страны, на значеніе ея между сосѣдними Государствами, онъ переходитъ къ изображенію темной стороны ея, и представляетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: «Посмотрѣвши на оборотную сторону медали, отыщешь ли другое несчастное, пощрое и беззаботное Государство, какъ наша славная отчина? Ни одинъ народъ, ни одна орда, даже Цыганская, не могутъ быть сравниваемы съ нею: они лучше обезпечены, чѣмъ наше Королевство. На тотъ случай, когда непріятель вторгается внезапно въ наши предѣлы, есть ли у насъ какое ни будь прочное учрежденіе, вмѣсто этѣхъ пустячныхъ вещей? (воззваніе къ войнѣ)! Или, есть ли у насъ постоянное мѣсто сбора? Или, знаемъ ли мы навѣрное положеніе дѣлъ непріятеля? Посмотри на любого изъ насъ! Готовъ, какъ говорится, съ чортомъ мѣряться, а посмотри, когда ударить легкая тревога, что съ ними тогда дѣлается! Бѣгаютъ, мечутся, не знаютъ куда дѣваться. Умные бѣжатъ, а простаки прячутся по лѣсамъ. Какъ тутъ непріятелю не набрать отваги и какъ не влюбиться чорту въ безпечную душу, зная такихъ славныхъ, богатыхъ и храбрыхъ людей, и зная также ихъ безпечность и безурядицу? Послушайте-ка со стороны, какъ подтруниваютъ надъ нами Поганые, а между тѣмъ, какъ бы они боялись насъ, если бы у насъ былъ заведенъ порядокъ! Если бы не милосердый Богъ, чтобы съ нами было доселѣ; да и Ему скоро надоѣстъ наше хозяйничанье.»

Другой писатель, воспитывавшійся въ той же Академіи, что и Рей, но дѣйствовавшій не силою насмѣшки, а силою положительнаго убѣжденія, былъ Лука Гурницкій. Его сочиненія принадлежатъ къ разряду сочиненій важнаго значенія. Онъ занимался Исторіею и Публицистикою. Изъ сочиненій его мы приведемъ одно «Dworzanin» (Придворный). Вотъ его содержаніе: «Была у Грековъ пословица: Живи такъ, чтобы никто не чувствовалъ, что ты существуешь на свѣтѣ. Плутархъ порицаетъ эту пословицу и доказываетъ, что нѣтъ человѣка, которому было бы прилично оставаться во тьмѣ; ибо кто живетъ разумно, тому нѣтъ нужды скрываться по угламъ; онъ выходитъ на свѣтъ, и приноситъ пользу нуждающимся въ ней; дураку тоже не зачѣмъ скрываться: обнаруживая свои недостатки, онъ можетъ найти врача, который его вылѣчитъ. Я согласенъ съ Плутархомъ и говорю, что какъ умному, такъ и глупому, не слѣдуетъ отыскивать себѣ мѣста между мертвецами: глупецъ долженъ обнаруживать свою глупость для того, чтобы избавиться отъ нея (позволить себя лѣчить значитъ сдѣлать первый шагъ къ мудрости); умный же обязанъ радѣть объ общественномъ благѣ, пріобрѣтать похвалу и славу, но не сходить въ могилу молча, какъ сходятъ безсловесныя животныя. Желая оставить воспоминаніе о своей привязанности къ народу, я задумалъ писать о «Придворномъ,» взявши мысль у Графа Бальцера Кастильоне (*Balcera Castiglione*)......»

«Мнѣ кажется, что всѣ этѣ забавы, какъ то: пляска, игра, музыка, вещи пустыя и способны скорѣе унижить человѣка, чѣмъ украсить его; ибо всѣ увеселенія, которыя изобрѣтаются изъ угожденія женщинамъ, что ни говорите себѣ, а они рѣдко ведутъ къ добру: мужчина обабится, а юноша непременно развратится. Цѣль, къ которой придворный долженъ стремиться, есть та, по моему мнѣнію, чтобы говорить правду своему госнодину, чтобы направлять его на добро и честность. Веселый, умный, ловкій придворный всегда найдетъ случай кстати вернуть слово и наглядно показать своему госнодину, сколько добра получаютъ его подданные и онъ самъ, когда будетъ справедливъ, щедръ и великодушентъ, и, наоборотъ, какъ много потеряетъ онъ отъ жадности, ничтожества (мелочности) и другихъ недостатковъ.» Да-

дѣе, изображая ничтожность и глупость придворныхъ, жившихъ въ его время, онъ сравниваетъ ихъ съ гробами повапленными, и находитъ, что они не только похожи на этѣ гробы, но что даже хуже ихъ, по тому что такой гробъ крѣпко сколоченъ и уставленъ, и не скоро, по этому, разсыплется, а они разваливаются уже теперь.

Ознакомившись съ этѣми двумя писателями XVI вѣка, мы переходимъ къ тѣмъ передовымъ дѣятелямъ, которые учились въ Протестантскихъ школахъ. Что же касается учениковъ Езуитскихъ Коллегій, то объ нихъ мы не беремся говорить, такъ какъ между ними мы не отыскиали ни одного, который написалъ бы дѣльное сочиненіе небогословскаго содержанія.²⁰ Знаніе же Богословія не завершаетъ собою еще полноты образованія, и для этого нужны другія знанія, другія науки, знаніе права, природы, людей; а въ этой области Езуиты не принесли, кажется, ни какой пользы тогдашнему обществу; кромѣ знанія Латыни, другихъ положительныхъ знаній они не дали. Другое видимъ въ людяхъ школъ Протестантскихъ. Для образца приведемъ нѣсколько мыслей одного изъ нихъ.

Гличнеръ (такъ назывался тотъ ученый, о которомъ мы намѣрены говорить) написалъ книжку о воспитаніи дѣтей. Въ ней говорится, что дѣтя не слѣдуетъ нѣжить, а воспитывать его запросто и, отдавши на науку въ училище, пригрозить, чтобы оно «не стало похоже на тѣхъ, которые не прилежны въ наукахъ, которые ходятъ изъ кабака въ кабакъ, отыскивая, гдѣ лучшее вино, или пиво.» Въ школахъ юноши должны находиться подъ присмотромъ хорошаго учителя, а, по окончаніи ученія, родители должны предоставить имъ свободный выборъ службы и занятія и не приневоливать ихъ, ради денежныхъ выгодъ, къ духовному сану. «Ты готовишь сына въ Священники, хотя онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты поступить въ духовный санъ; пусть сынъ твой возьметъ въ руки плугъ и, погоняя воловъ, сдѣлается хорошимъ мужикомъ: это лучше, чѣмъ быть плохимъ Попомъ.»²¹ Потомъ совѣтуютъ женить сына до 30-ти лѣтъ, а при выборѣ невѣсты «обращать больше вниманія на добродѣтели, чѣмъ на красоту лица и деньги.»²²

Мы замѣтили выше, что нѣкоторые родители не желали воспитывать своихъ дѣтей въ общественныхъ школахъ и предпочитали имъ домашнее воспитаніе и воспитаніе за границей. И то, и другое не оставалось безъ послѣдствій для общества. И тамъ, и сдѣсь, и дома, и за границей удавалось нѣкоторымъ людямъ образоваться на столько, чтобы прослыть въ послѣдствіи знаменитыми Государственными людьми и даже учеными. На небо-склонѣ того вѣка блестяли довольно яркія звѣзды, какъ, на пр., Янъ Тарновскій, Карлъ Радивилъ, Юрій Осолинскій, Левъ Сапега. Но ярче всѣхъ сіяли личности Яна Замойскаго, Константина Острожскаго и Коперника. Первый и второй прославились, какъ великіе Государственные люди и покровители науки, послѣдній какъ величайшій ученый. Замойскаго современники называли величайшимъ изъ Канцлеровъ. Онъ написалъ сочиненіе о Римскомъ Сенатѣ, которое пользовалось долгое время славою авторитета. Ученикъ заграничнаго Университета, по возвращеніи на родину, основываетъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Замостьѣ, Академію, куда приглашаетъ различныхъ Профессоровъ, кромѣ Профессора Богословія. «Между учениками есть много дѣльныхъ юношей, обѣщающихъ въ будущемъ многое. Самъ Канцлеръ посѣщаетъ Академію и въ теченіи года, и во время испытаній, и самъ задаетъ вопросы. У Канцлера большая библіотека.» Такъ говоритъ о немъ его современникъ, иностранецъ Моганте.²³ Личность Коперника слишкомъ громкую и обширную получила извѣстность, чтобы распространяться о ней. Извѣстно, что его новая система произвела переворотъ и въ наукѣ, и въ жизни. Съ именемъ Острожскаго неразрывною цѣпью связано воспоминаніе о Православіи и Братствахъ. Къ числу личностей, вліявшихъ на общество своею образованностью и умомъ, усовершенствованными въ заграничныхъ Университетахъ, относится личность Андрея Модржевскаго (Протестанта). Онъ оставилъ сочиненіе, носящее слѣдующее заглавіе: «De republica emendanda.» Такъ какъ это сочиненіе даетъ, во 1-хъ, понятіе о взглядѣ лучшихъ людей того времени на Государство, и, во 2-хъ, понятіе о томъ, чему этѣ люди хотѣли научить читающее общество, то не лишне ознакомиться съ его содержаніемъ:

«Республика, говоритъ онъ въ началѣ книжки, есть разумное собраніе людей, составленное изъ сосѣдей для взаимной поль-

зы и добра (Теорія XVIII вѣка. Въ этомъ случаѣ онъ опередилъ своихъ современниковъ двумя столѣтіями). Республика есть организмъ, въ которомъ нѣтъ ни одного органа, который служилъ бы одному себѣ, но и око, и руки, и ноги служатъ взаимно другъ другу: они выполняютъ свою службу такъ, чтобы цѣлый организмъ благоденствовалъ; ибо если цѣлому организму хорошо, то и отдѣльнымъ органамъ не обидно..... Какъ членъ, оторванный отъ тѣла, никуда не годится, такъ и членъ Республики, оторванный отъ нея, не можетъ и не долженъ жить. Та Республика совершеннѣйшая, въ которой всѣмъ заправляетъ власть Королевская, въ которой должности даются достойнѣйшимъ и въ которой всѣ находятся подъ однимъ закономъ.» Такъ какъ дѣятельность людей зависитъ въ значительной степени отъ того, какое они получили воспитаніе, то Модржевскій сейчасъ же переходитъ къ этому вопросу, и подаетъ совѣты и наставленія, которыми родители, по его мнѣнію, должны строго слѣдовать, если хотятъ возможно лучшимъ образомъ воспитать своихъ дѣтей. «Пусть родители приложатъ стараніе на то, чтобы ихъ дѣти съ начала образованія читали и выучивали такія книги, изъ которыхъ бы они уже въ дѣтствѣ узнавали, что честно, а что не честно, а особенно должны отъучать ихъ отъ роскоши; ибо гдѣ роскошь становится хозяиномъ, тамъ нѣтъ добродѣтели. Пусть они научатъ дѣтей воздерживаться въ пищѣ: пища не должна быть горячительною, по тому что возрастъ и безъ того горячій, за чѣмъ же подливать въ огонь масло? Пусть они научатъ ихъ переносить жаръ, холодъ и твердую постель. Они обязаны смотрѣть, чтобы ихъ мальчики и дѣвочки не проводили первые молодые годы въ лѣнности, а для этого пусть дѣлаютъ такъ, чтобы они всегда имѣли работу и давали отчетъ въ сдѣланномъ. Не слѣдуетъ воспрепятствовать имъ верховой ѣзды, прогулокъ, прыганья и метанья камнемъ и игры въ мячъ, но только въ мѣру. Пусть еще научатъ ихъ понимать свои отношенія къ родителямъ, сосѣдямъ и Государству, пусть водятъ ихъ въ церковь. Узнавши способности юноши, родители обязаны дать ему такое занятіе, къ которому онъ обнаруживаетъ больше охоты. Такъ какъ дѣти не только ушами, но и глазами, берутъ примѣръ, прежде всего, съ своихъ родителей, то послѣдніе должны такъ жить и поступать, какъ хотѣли бы, чтобы въ послѣдствіи ихъ дѣти жили и поступали. Отецъ пьяни-

ца не докажетъ того чуда, чтобы въ сынѣ могъ возбудить трезвость; мотъ не научить сына умѣренной и скромной жизни; разбойникъ, жестокосердый и кровопійца не поселить въ своихъ дѣтяхъ мягкости, кротости и любви къ народу. Сыновья великихъ баръ почти всѣ воспитываются въ игрѣ и развратѣ: ихъ развеселяютъ пляскою, музыкой и безстыдными пѣснями, окружаютъ льстецами, толпою прислуги и учителями, и по этому они очень рано знакомятся съ чванствомъ, спесью и дерзостью, прежде умѣютъ различать шелковое платье отъ не шелковаго, чѣмъ начинаютъ говорить, завидуютъ на золотыя цѣпи и огромную челядь; еще въ дѣтствѣ думаютъ о томъ, какими они сдѣлаются Господами. Набравшись такихъ привычекъ, они не поддадутся уже ни какой наукѣ, ни какой учитель не переучитъ ихъ; что они всосали въ себя съ молокомъ, того во всю жизнь свою не покинутъ. Обыкновенно родители высылаютъ дѣтей своихъ ко Двору, но это не всегда полезно для юноши. Теперь придворные убиваютъ время въ игрѣ въ кости, въ пьянствѣ, въ сластолюбіи, презираютъ не только физическій трудъ, но и умственное угражненіе.»

Отъ Педагогикѣ Модржевскій переходитъ собственно къ Государству и говорить: «Независимо отъ Короля и Сената, огромное вліяніе у насъ на дѣла имѣетъ Шляхта, которая высылаетъ на Сеймъ изъ каждаго Повѣта пословъ, безъ согласія и позволенія которыхъ ни одинъ законъ, ни одинъ уставъ не получаетъ силы и дѣйствительности; на нихъ-то лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы Государство не потерпѣло какого ни будь урона. Однако часто случается, что они больше заботятся о своихъ словесныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ Государства.» Такъ какъ благо Государства зависитъ также отъ людей, окружающихъ особу Короля, то онъ останавливается и на этомъ вопросѣ: «Кромѣ хорошаго Сената не мѣшаетъ, чтобы Короля окружали лица, достойныя довѣрія, съ которыми онъ могъ бы совѣтываться о дѣлахъ. Совѣтники Короля не должны быть корыстолюбивы и мстительны; ибо сердце, находящееся подъ вліяніемъ любви, или ненависти, не способно узнать правду.» Коснувшись Сената, онъ замѣчаетъ, что подача голосовъ лишена разумнаго основанія и нуждается въ преобразованіи. «Я считаю очень вреднымъ полагаться на количество голосовъ, а не на цѣнность ихъ, говорить онъ, и

въ доказательство приведу басню. Члены человеческого тѣла разсуждали однажды о солнцѣ, о томъ, свѣтлое ли оно, или темное? Всѣ члены сказали темное, одни глаза только утверждали, что свѣтлое. Умъ, собравши голоса, утвердилъ мнѣніе глазъ, хотя большинство голосовъ и не было на ихъ сторонѣ. Остальные члены разсердились; тогда ихъ спросили: какая разница между свѣтомъ и тьмою? Отвѣта они не дали, по этому рѣшеніе ума признано удовлетворительнымъ.»

Слѣдующій отвѣтъ онъ посвящаетъ вопросу о Старостахъ. Старосты, по его мнѣнію, обязаны «поддерживать спокойствіе между людьми, давать отпоръ внезапному нападенію врага, приводить въ исполненіе рѣшенія Короля и судей. Между тѣмъ я видѣлъ собственными глазами безправіе по городамъ и замкамъ, точно будто мы живемъ въ лѣсу. Милостивѣйшіе Государи! Вы очень лѣнны, и лѣность ваша приноситъ большой вредъ обществу благодѣлю; по этому васъ слѣдуетъ подвергнуть тяжелому наказанію.» Далѣе онъ останавливается надъ Государственнымъ устройствомъ Греціи и Рима, и приходитъ къ мысли о необходимости учредить общественныхъ надзирателей (цензоровъ). «У Грековъ и Римлянъ существовали надзиратели. Сенаторъ, Дворянинъ, женщина и остальная толпа помнили свои обязанности, по тому что иначе подвергались наказанію. У насъ также слѣдуетъ завести подобную стражу: во 1-хъ, для надзора за супружескою связью; во 2-хъ, за торговлею, не допуская продавать дорого тогда, когда произведенія дешевѣютъ (о хлѣбѣ), и не доводя одному лицу закупать товаръ по всему Государству; въ 3-хъ, за общественными зданіями, сберегая ихъ отъ разрушенія и огня; въ 4-хъ, за общественною нравственностью, преслѣдуя пьяницъ и праздношатающихся, по тому что Богъ еще въ началѣ міра поставилъ, чтобы человѣкъ въ потѣ лица снискивалъ себѣ хлѣбъ. Разнообразіе членовъ дано не напрасно, но какъ птицамъ крылья для летанья, такъ человѣку члены для работы. Трудъ укрѣпляетъ наши внѣшнія чувства, бездѣйствіе, напротивъ, расслабляетъ ихъ. Негодаѣй тотъ, кто ѣстъ хлѣбъ, добытый трудомъ чужихъ рукъ. Наконецъ надо обратить вниманіе на нищихъ и за ними ввести надзоръ. Есть несчастные, которые въ самомъ дѣлѣ не могутъ трудиться, но есть и такіе, которые шатаются по

улицамъ и, принявъ на себя видъ калѣкъ, выпрашиваютъ милостыню: этѣхъ нужно заставить работать. Для всего этого нужно создать такую должность, чтобы человекъ, занимающій ее, исключительно завѣдывалъ этѣми людьми.» Отсюда онъ переходитъ къ должностнымъ лицамъ и совѣтуетъ, чтобы они избирались по заслугамъ. «Король пусть не увлекается древностью происхожденія: это дымъ; а пусть ознакомится съ его рѣчью, съ его совѣтами, пусть узнаетъ его поступки. Многіе думаютъ, что при раздаваніи должностей нужно руководствоваться происхожденіемъ, а не талантами; это ошибка, и ее надо исправить. Если врачъ не родитъ врача, ремесленникъ ремесленника, то подобающее ли дѣло, чтобы Дворянинъ родилъ Дворянина?» Отдѣлъ XX-й этой книги разсуждаетъ объ отношеніяхъ Господъ къ крестьянамъ. «Въ числѣ привилегій есть привилегія, въ силу которой дѣти наследуютъ по отцамъ власть надъ крестьянами. Эта власть у насъ имѣетъ очень жестокую форму; ибо кметъ (крестьянинъ), получившій самую тяжкую обиду, не имѣетъ права жаловаться на своего господина; а есть такіе жестокие господа, что обходятся со своими слугами, какъ съ скотиною. Учрежденные для этого надсмотрщики обязаны узнавать о такихъ господахъ и подвергать ихъ наказанію. Бусурмане и тѣ лучше обходятся съ людьми; ихъ законъ воспрещаетъ обращать въ неволю людей одной съ ними Вѣры. А мы, исповѣдующіе истинную Вѣру Христа, не стыдимся держать въ неволѣ такихъ же, какъ и мы, Крестіанъ, отнимаемъ у нихъ землю, имущество, а другіе даже продаютъ ихъ, какъ скотину.» Переходя къ вопросу о законахъ, онъ говоритъ: «Законы должны быть справедливы и устремлены къ общей пользѣ; ибо кто скажетъ спасибо за такое лѣкарство, которое одну часть тѣла излѣчиваетъ, а другой вредитъ? Въ нашемъ Государствѣ существуетъ между тѣмъ законъ, на основаніи котораго крестьянинъ, убившій Шляхтича, наказывается смертію, а Шляхтичъ, убившій мужика, можетъ откупиться денежной пеней. Каждое насилье, въ особенности же убійство, должно всегда наказываться смертію. Что жъ это за звѣрство, что мы такъ мало цѣнимъ жизнь мужика, того человека, безъ услугъ котораго мы существовать не можемъ? Но насъ не трогаетъ горе простого человека, насъ не шевелитъ кровь невинно убитыхъ. Бойтесь Бога и Его суда, чтобы онъ не наслаля на васъ бури, ко-

торая можетъ обрушить не только дома и народы, но и самое имя ихъ!»

Разсуждая о различныхъ судахъ, онъ выражаетъ мнѣніе, что не всѣ дѣла должны поступать на судъ Короля и Сеймовъ, ибо ихъ накапливается такое огромное количество, что Король физически не въ состояніи управиться съ ними; Сеймы бываютъ часто, а между тѣмъ люди не перестаютъ терпѣть притѣсненія отъ ихъ притѣснителей и враговъ. Для разбирательства жалобъ нужно учредить Верховный Судъ, который состоялъ бы изъ девяти мужей (трехъ изъ Духовенства, трехъ изъ Шляхтичей и трехъ изъ гражданъ), имѣющихъ постоянное засѣданіе, за исключеніемъ праздниковъ, времени жнива и Сейма. Время для окончанія каждаго дѣла можно опредѣлить въ три мѣсяца; судьи, засѣдающіе въ этомъ судѣ, пусть имѣютъ права окончательнаго рѣшенія, не допускающаго переноса, развѣ случилось бы что ни будь новое, непримѣрное; тогда можно допустить переносъ къ Королю, или на Сеймъ. Рѣшеніе Короля становится для будущаго закономъ. Кромѣ этого въ книгѣ Модржевскаго заключаются еще два занимательныя разсужденія: одно о правахъ современниковъ, другое о войнѣ. Пропуская вещи, которыя встрѣчаются и у Гурницкаго, и у другихъ, на прим., о пьянствѣ, ѣдѣ, одеждѣ и т. п., укажемъ на тѣ, которыя отличаются самобытностью:

«Намъ не правится, когда къ намъ говорятъ въ единственномъ числѣ. Требуется обращаться къ лицу, такъ вести рѣчь, какъ будто говоришь ко многимъ. Отсюда всѣ этѣ *wielmożności, jasności, miłości, miłościwania, wielebności, świętobliwości.*» Право, смѣшной обычай; а какъ начать переплетать свою рѣчь разными *«gaczeniem, waszmościami,*» да предложеніемъ себя и своихъ услугъ...»

«Прежде чѣмъ непріятель войдетъ въ предѣлы страны, Шляхта успѣваетъ уже надѣлать людямъ обиды вдоволь и выступаетъ на войну, забирая съ собою слезы народа.» Далѣе онъ ведетъ рѣчь о границахъ, крѣпостяхъ и войнахъ, и требуетъ учрежденія постоянной казны: «Тѣ, кто побогаче, пусть бы внесли въ казну каждый, на первый разъ, половину своихъ доходовъ, а на

слѣдующій, каждый годъ—пятую часть. Всякое должностное лицо и державца—годовой доходъ (одновременно), кметы же должны быть свободны отъ всѣхъ податей, по тому что они платятъ ежегодную подать своему Пану и каждый день работаютъ на него. Кромѣ той пользы, которую бы принесла подобная казна во время войны, она принесла бы пользу еще и въ другомъ отношеніи: принесла бы пользу тѣмъ, кто бы хотѣлъ занимать у нея, и самой себѣ; ибо вѣритель давалъ бы проценты, 4%, или 5%.

Нѣтъ сомнѣнія, что на просвѣщеніе имѣетъ большое вліяніе описаніе путешествій по чужимъ землямъ: знакомство съ чужими краями расширяетъ кругъ мысли и даетъ ей большій просторъ для дѣятельности. XVI вѣкъ нельзя назвать бѣднымъ въ этомъ отношеніи: отъ него сохранились до нашего времени нѣсколько описаній, на пр., описаніе Литвы, Московскаго Государства, Іерусалима... Между писателями этого рода извѣстны Гваньинъ, Коммендонн, Карлъ Радивилъ и другіе. Извлеченія изъ путешествій бесполезны въ настоящемъ случаѣ, и по тому мы ихъ пропустимъ.

Изъ писателей разсматриваемой поры мы нарочно выбрали такихъ, которые изображаютъ современную имъ жизнь въ самомъ выпукломъ видѣ, при помощи котораго, слѣдовательно, осязательно выдаются черты Дворянскаго быта.²⁴ Давая себѣ отчетъ въ прочитанномъ, мы повторимъ сжато мысли, разсѣяныя этѣми писателями по ихъ сочиненіямъ. Изъ нихъ (не говоря о другихъ источникахъ, съ которыми мы будемъ имѣть случай встрѣчаться въ послѣдствіи) мы узнаемъ, что Польско-Литовское Государство XVI в. страдало отъ очень большихъ язвъ, которыми было покрыто въ различныхъ мѣстахъ своего организма. Язвы этѣ коснулись воспитанія дѣтей, коснулись мушницъ и женщинъ, вообще, кромѣ Короля и крестьянъ, Дворянъ и гражданъ, коснулись управленія, суда, закона и частной, домашней жизни въ частности. Изъ нихъ мы узнаемъ, что многіе отцы дурно воспитывали своихъ дѣтей, вселяя въ молодую душу любовь къ роскоши, разврату и безразсудной гордости и жестокости; что многіе изъ нихъ сами были цѣнщиками, развратными,

гордыми и жестокими. Этѣ же писатели сообщаютъ намъ, что сословіе Дворянъ имѣло огромную власть въ Государствѣ, что за то крестьянское сословіе переносило на себѣ всѣ тягости несвободнаго, рабскаго состоянія, что управленіе, судъ и законы требовали исправленія. Обо всѣхъ этѣхъ недостаткахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ вѣкъ, ни одинъ народъ (есть и всегда были недовольные современнымъ порядкомъ вещей), они, какъ истые патріоты, говорятъ съ досадою и негодованіемъ, пророчески предсказывая своимъ соотечественникамъ неминуемую гибель отъ подобнаго общественнаго строя, если только они не позаботятся объ его исправленіи. «Если бы не милосердый Богъ, не знаю, что было бы съ нами доселѣ; и ему скоро надобѣтъ наше хозяйничанье», восклицаетъ Рей. Еще яснѣе видно пророчество гибели въ вѣщихъ словахъ Модржевскаго. Досаду на неуваженіе къ личности крестьянина, онъ заключаетъ свою досаду извѣстнымъ уже намъ обращеніемъ къ Дворянству: «Бойтесь Бога и Его суда! Вѣдь Онъ нашетъ на васъ бурю, которая ни чего не пощадитъ; Онъ истребитъ дома, племя, самое имя народа Польскаго.»

Выражая негодованіе, они въ то же время предлагаютъ средства исправить зло, не упуская изъ виду ни одной стороны жизни. Первообразомъ ихъ стремленій было создать, съ одной стороны, крѣпкихъ и сильныхъ людей, могущихъ наводить страхъ на непріятелей ихъ страны, съ другой — умныхъ, добрыхъ, честныхъ, свободныхъ и образованныхъ гражданъ. Начертивши такой первообразъ, они проповѣдывали: 1) въ области Педагогики: Поведите воспитаніе дѣтей такъ, чтобы они упражняли и развивали физическую силу и ловкость, занимались наукою, искусствомъ и научились мудрости въ обществѣ честныхъ, бывалыхъ людей. Для достиженія этого заставьте ихъ заниматься гимнастикою, какъ-то: верховою ѣздою, прыганьемъ, пляскою, игрою въ мячъ и т. п., заставьте ихъ читать книги благочестиваго, нравственнаго содержанія, книги описательной естественной исторіи, какъ, на пр., описаніе животныхъ и растений, книги дѣяній человѣческихъ (исторію); наконецъ предлагается и музыка, какъ вещь, имѣющая воспитательную силу. Въ каждомъ рядѣ этѣхъ упражненій совѣтуется умѣренность, какъ и во всемъ. Для прі-

ученія людей къ терпѣнію, перенесенію невзгодъ и укрощенію страстей, совѣтуютъ подвергать юношей испытанію жара и холода и удалять отъ нихъ роскошь въ одеждѣ, ѣдѣ и напиткахъ. 2) Для введенія лучшихъ началъ въ кругъ общественнаго строя, надо постоянно стремиться къ тому, чтобы всѣ части его согласовались между собою. Лучшее сочетаніе силъ составитъ тогда, когда будутъ соблюдены слѣдующія условія: а) во главѣ правленія долженъ стоять Король, окруженный Сенаторами и умными, разумѣется, и честными, совѣтниками; б) передъ закономъ должны быть всѣ равны; в) Шляхетское сословіе не должно тиранствовать надъ крестьянами; г) долженъ быть учрежденъ Верховный Судъ послѣдней степени (Трибуналъ); д) должны быть поставлены цензоры для надзора за супружествомъ, трезвостью, трудолюбіемъ, нищими и жестокими Господами; е) должно положить конецъ наѣздамъ и грабежамъ. Этѣ и имъ подобныя мысли и желанія, какъ добрый духъ, носились надъ страной и нетерпѣливо ожидали воплощенія. Но мысли воспринимаются не вдругъ и не всѣми, а полное осуществленіе желаній возможно только въ будущемъ: настоящее бѣжитъ отъ него. Наконецъ, лучшихъ людей всегда и вездѣ не много. Ниже мы увидимъ, какіе изъ ихъ совѣтовъ современники приняли и какихъ не приняли, увидимъ также, что они многого не приняли. При этомъ не могу не замѣтить, что во всѣ времена люди имѣютъ подъ рукою достаточно средствъ для усовершенствованія внутренней природы и матеріальнаго быта, но не всегда употребляютъ ихъ, или не хотятъ, или не могутъ ими. Съ XVI в. повторилось то же самое, что и со всѣми вѣками. Если какая ни будь пора и произвела что ни будь великое, если она дала толчекъ образованію, то не надо забывать, что этѣ толчки обошлись очень дорого: много крови пролито, много стонѣвъ вознеслось къ небу, прежде чѣмъ осуществились желанія, прежде чѣмъ человѣкъ получилъ то, что было цѣлью его пламенныхъ желаній, его завѣтныхъ стремленій. XVI в., встрѣченный Русскими и Литовцами, потребовалъ себѣ отъ нихъ въ жертву также кровь, и много пролилось ея на алтарь образованія. Правдивое, какъ міръ, старое изреченіе говоритъ: «Искушеніе возможно только кровію.»

Отъ школы и учителей обратимся теперь въ другую сторону и посмотримъ на домашній порядокъ Дворянина разсматриваемой поры. Изученіе его, этого порядка, важно для насъ въ настоящемъ случаѣ въ двоякомъ отношеніи: домашняя обстановка и домашнія занятія служатъ и всегда служили школою для дѣтей (будущихъ гражданъ); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи важно изученіе домашней жизни, какъ школы. Далѣе: домашняя жизнь человѣка опредѣляетъ его личность. Пусть миѣ расскажутъ, когда такой-то человѣкъ встаетъ съ постели, чѣмъ онъ занимается въ продолженіи дня, когда ложится спать, когда ѣстъ и что ѣстъ, какъ проводитъ досугъ, т. е., чѣмъ и какъ онъ развлекается и забавляется, во что онъ одѣвается, и я, едва ли не безошибочно, могу заключить о самой личности, объ его способности, или неспособности, къ общественной жизни, къ работѣ въ пользу другихъ, по тому что въ ѣдѣ, одеждѣ, даже въ часъ веселья и разгула обнаруживается личность и обнаруживаетъ свое умственное и нравственное развитіе. Природа грубая всегда и вездѣ проявляется въ грубыхъ движеніяхъ; природа же высшая, образованная и заявляетъ себя въ движеніяхъ, носящихъ печать высшаго образованія. И можно и должно по сему остановиться на этомъ вопросѣ. Касаясь передовыхъ дѣятелей этой поры, мы получили уже возможность познакомиться отчасти съ личностью Дворянина; теперь намъ остается подойти къ предмету нѣсколько ближе.

«Шляхта встаетъ обыкновенно рано. Если представляются какія ни будь дѣла, то она предается имъ утромъ.» Такъ говорить объ ней иностранецъ,²⁵ не поясняя, какого рода были этѣ дѣла, которыми она могла заниматься. Очевидно, онъ разумѣетъ сдѣсь чиновный людъ, который имѣетъ опредѣленные занятія, о которыхъ нечего распространяться. Если бы онъ разумѣлъ всю Шляхту, то, вѣроятно, сказалъ бы другое, по тому что, по отношенію къ труду, Шляхта дѣлилась на двѣ части, на чиновниковъ и простыхъ землевладѣльцевъ (на работниковъ и тунеядцевъ). Первые, разумѣется, имѣли занятія, и этѣ занятія они старались оканчивать утромъ; вторые же, говоря вообще, не имѣли ни какихъ важныхъ занятій. Живя въ глуши своихъ имѣній, они, сколько извѣстно, не занимались ни какимъ полезнымъ дѣломъ; землю обрабатывали не они, а ихъ крестьяне, учиться и читать,

по увѣренію безпристрастныхъ современниковъ, они не любили, предоставляя дѣло науки презрѣнной черни (разумѣется, преобладающее большинство). Шляхта, говоритъ Модржевскій, стремясь къ богатству и славѣ, занятіе наукою предоставляетъ людямъ низкаго происхожденія.²⁶ Бѣльскій говоритъ, что многіе изъ нихъ не умѣютъ читать и писать; то же подтверждаетъ и Рей.²⁷ «У насъ, у Поляковъ, иной скорѣе повѣсится, чѣмъ заплатить деньги за обученіе сына.» Привычкою не платить заражены не только люди посредственнаго состоянія, но даже и Вельможи, у которыхъ и денегъ куча и огромные стоги хлѣба на гумнѣ. Деньги идутъ на пиво, на одежду, а не на уплату учителю. Его сбываютъ обыкновенно двумя, тремя, грошами за четверть, придерживаясь будто бы стараго обычая: «introitales (входныхъ) два pienądze, kretales (?) pienądz, remissionales (отпускныхъ, отходныхъ) szeląg, a pretium kwartalne два groszy.» Имъ и дѣла нѣтъ до того, что учитель съ этого живетъ, съ этого покупаетъ книги и одежду. Кромѣ того, сыновья такихъ отцовъ недолго сидятъ въ школѣ и мало чему выучиваются. Иные отцы не умѣютъ уважать человѣка, которому ввѣрили воспитаніе своего дѣтяти. Они считаютъ учителя за нуль; собака и лошадь пользуются у нихъ большимъ почетомъ, чѣмъ ученый, который ведетъ ихъ дѣтей на добрую дорогу.²⁸

Если эта Шляхтичи не занимались ни образованіемъ самихъ себя, ни образованіемъ дѣтей своихъ, ни земледѣліемъ, ни, какъ увидимъ ниже, торговлею; ибо это занятіе считалось оскорбительнымъ для Дворянскаго званія, то чѣмъ же занимались они? Вѣдь ровно ни чего не дѣлать — не возможно? Если исключить время Сеймовъ и войны, гдѣ работа представлялась дѣйствительно важная, то остальное время всецѣло поглощалось разнаго рода увеселеніями, военными упражненіями и наконецъ паѣздами на сосѣднія имѣнія. Къ числу увеселеній надо отнести и на первомъ мѣстѣ поставить охоту. Страна представляла къ тому всѣ удобства; еще теперъ, не смотря, на систематическое истребленіе лѣсовъ, Западный край можно называть лѣсистымъ, а въ тѣ времена лѣсу было очень много; въ лѣсахъ же всякаго дикаго звѣря и дикой птицы также очень много; природа, стало быть, давала возможность развернуться

развлеченіемъ этого рода. Дикія козы, лоси, зубры, туры, бобры, лисицы, зайцы, тетерева, утки. . . . давали обильную пищу для охотника, и Шляхта не спускала съ глазъ этого матерьяла для удовольствій. Содержа огромныя своры собакъ и птицъ, приученныхъ для охоты, Панъ содержалъ для нихъ также цѣлую толпу охотниковъ, и подраздѣлялъ ихъ на нѣсколько разрядовъ: псарникъ, охотникъ, и бакалавръ; каждый изъ нихъ, начиная съ низшаго (псарника) и оканчивая высшимъ (бакалавромъ), имѣлъ опредѣленный кругъ знаній и опредѣленный кругъ обязанностей, а во время охоты мѣсто на ложахъ. Приготовленіе къ охотѣ начиналось съ вечера, и чуть свѣтъ на другой день огромная компанія ²⁹ отправлялась въ лѣсъ, и проживала въ лѣсу иногда цѣлые дни. ³⁰ Второй родъ увеселеній состоялъ въ турнирахъ, гдѣ молодые люди имѣли случай заявить о своихъ талантахъ, а пожилые и старики, глядя на нихъ, любовались и вспоминали молодые, удалые годы. Кромѣ этѣхъ двухъ главныхъ родовъ забавы были и другія: пляски, музыка, игра въ кости и карты (недавно изобрѣтенныя) и т. п.

Обѣдъ обыкновенно подавался очень поздно, а вскорѣ послѣ обѣда ужинъ, такъ что промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ длился не долѣе двухъ часовъ. За столомъ просиживали до полуночи, а иногда до бѣла свѣта. ³¹ За обѣдомъ и ужиномъ ѣли и пили, въ особенности пили, много, а когда собирались гости, что случалось не рѣдко, тогда пили до полусмерти. Молодые старались перещеголять старыхъ, а захоренѣлые въ пьянствѣ старики старались перепить молодыхъ, чтобы только не ударить передъ ними лицомъ въ грязь. Случалось иногда, что хозяинъ дома устраивалъ у себя нарочные пьяные вечера, на которые собиралъ извѣстныхъ прослыившихъ питоковъ: тогда отводилась для нихъ особая комната, затворялись вплотную окна, чтобы кто ни будь со стороны не подмѣтилъ пьянаго безобразія, и тогда пили до того, что не рѣдко просыпались избитыми и израненными, не помня ни того, когда ихъ избили, ни того, кто ихъ избилъ, ни того, наконецъ, за что ихъ избили. Пить считалось, кажется, достоинствомъ, по крайней мѣрѣ, съ этѣмъ недостаткомъ не очень прятались; объ немъ знали и лучшіе люди изъ ихъ же среды, и заграничные гости-посѣтители. ³² У Гличера, Рея,

Кохановскаго, нѣсколько разъ повторяются указанія на этотъ порокъ. Иностранецъ Липоманъ, посѣщавшій Польшу въ 1575 году, рассказываетъ, что «Поляки, какъ и всѣ Сѣверные народы, склонны къ пьянству; отказываться отъ питья у нихъ считалось неприличнымъ; они проводятъ въ пированьяхъ по семи и восьми часовъ. До прїѣзда Королевы Боны они пили гораздо больше; но примѣръ воздержности, поданный Итальянцами и самою Королевой, удержалъ ихъ немного отъ этого порока; впрочемъ, очень не много, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время еще существуетъ обычай, въ силу котораго хватаются за сабли и готовы изрубить того, кто отказывается пить. Это излишество въ питьѣ они называютъ зеркаломъ души.³³ Кто не хотѣлъ пить, къ тому приставляли сторожа, который бы слѣдилъ за нимъ и заставилъ бы его осушить кубокъ до дна, говорить другой современникъ.»³⁴

При звукахъ музыки, смѣшанныхъ съ бряцаніемъ сабель, со стукомъ бокаловъ и съ шумомъ пѣнящагося меда и вина, шелъ живой, одушевленный, иногда важный, а чаще пустой, разговоръ; болтали о чемъ попало. Одинъ вспоминалъ рыцарскіе военные подвиги свои и чужіе; другой — подвиги на поприщѣ любви; тотъ просто на просто лгалъ, и лгалъ такъ безудержно, что приходилось призывать слугу, обязанность котораго состояла въ каждомъ данномъ случаѣ утверждать, что несомнѣнно было такъ, какъ говорить его Господинъ.³⁵ Вѣкоторые изъ нихъ рассказывали о чудесахъ Новаго Свѣта (въ то время открывались Американскія земли), гдѣ люди имѣютъ собачьи морды, гдѣ сыновья ѣдятъ своихъ отцевъ. Зоилы и преслѣдователи Духовенства, которыхъ въ это время было очень много,³⁶ рассказывали другъ другу о воицѣ, который, вернувшись съ войны, рассказывалъ, сколько онъ нагрѣшилъ, и какъ и за что монахи разрѣшили его отъ грѣховъ (предметъ, взятый у Эразма Роттердамскаго). Тотъ опять рассказывалъ повѣсти въ родѣ слѣдующихъ:

1. Извѣстный настоятель монастыря потерялъ позывъ къ ѣдѣ; для поправленія его, онъ рѣшился отправиться за границу на Минеральныя Воды. На дорогѣ онъ встрѣтился съ нѣкимъ рыцаремъ, который взялся вылѣчить его въ своемъ замкѣ въ пять

разъ дешевле, чѣмъ обошлись бы ему Минеральныя Воды. Настоятель согласился. Рыцарь затворилъ его въ спальню, и цѣлый день не далъ ему ни чего ѣсть, а на другой день спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ? «Не слишкомъ хорошо,» отвѣчалъ чернецъ. — «Будетъ лучше,» — сказалъ рыцарь, и на этотъ день также не далъ ему пищи. На третье утро чернецъ объявилъ, что ему какъ будто хочется поѣсть. На четвертый день чернецъ, уже не дожидаясь, пока спросятъ его о здоровьи, кричалъ во всю глотку: «Ради Бога, дайте мнѣ ѣсть!» Тогда рыцарь сказалъ ему: «А, правда, мое лѣкарство лучше Минеральныхъ Водъ? Давай же 200 злотыхъ, и поѣзжай домой!»

2. Какой-то чернецъ пришелъ къ умирающему Попу, который ни чего не могъ говорить, кромѣ слова «да!» Чернецъ спросилъ его: «Такъ ты жертвуешь на нашу братію тысячу, на колокола сто гривень?» На все это больной отвѣчалъ: «Да!» Старшему сыну это не понравилось; чиновникъ между тѣмъ сталъ уже записывать отвѣты больного въ завѣщаніе. Видя, что тутъ не шутки, онъ, въ свою очередь, спросилъ отца: не выбросить ли чернеца черезъ окно? — «Да,» отвѣчалъ тотъ. Тогда сынъ велитъ чиновнику записать волю отца въ завѣщаніе и готовится выбросить чернеца, но послѣдній въ испугѣ отказывается отъ всего, и спасаетъ такимъ образомъ свою жизнь.

3. Пришлось одному Шляхтичу во время путешествія увидѣть возлѣ дороги висѣльника. Изъ милосердія надъ нимъ, онъ велѣлъ его отцѣпить и употребилъ всѣ старанія, чтобы возвратить ему жизнь. Но на первомъ же почлегѣ спасенный обокралъ Шляхтича и скрылся. Вскорѣ послѣ того Шляхтичъ опять увидѣлъ того же самого висѣльника на висѣлицѣ, но на этотъ разъ не сжался уже надъ нимъ. (Рей)

Иногда подтрунивали надъ правовѣдами, предлагая разрѣшать имъ разныя комическія тяжбы, въ родѣ, на пр., спора между пастухомъ и господиномъ о волкѣ, лошади и козѣ. «На косога рѣ паслись козы, а по сосѣдству съ ними въ низу паслись лошади принадлежащія другому хозяину. Напалъ волкъ и хотѣлъ погнать козъ; въ это время одна изъ козъ уткнула въ волчью паст

свои рога, и, въ завязавшейся борьбѣ, оба упали въ долину на хребетъ лошади. Лошадь испугавшись понесла обонхъ, и принесла прямо въ конюшню хозяина. Тотъ удивился не мало, увидя на одномъ боку лошади волка, держащагося на козьихъ рогахъ, на другомъ козу. Что дѣлать? Волка убили, а козу Панъ присвоилъ себѣ. Но въ это время является пастухъ и требуетъ не только своей козы, но и волчьей шкуры, на томъ основаніи, что волкъ пойманъ за живо его козою.

Случалось также, что подгулявшіе Паны толковали о Государственномъ устройствѣ своей страны. Не скрывая нѣкоторыхъ его недостатковъ, они вообще горою стояли за начало, господствовавшее въ немъ. Начало это — ни чѣмъ не стѣсненная свобода Шляхетской личности; ограничить эту свободу значило разрушить зданіе Республики. «Лучше (говорили они), чтобы непріятель трижды завоевалъ ее, чѣмъ затронуть хотя одну черточку изъ законодательства; ибо если нарушите законъ въ одномъ, то нарушите его и въ другомъ, т. е., если Вельможи уступятъ что ни будь изъ своихъ правъ Шляхтѣ, то Шляхта будетъ вынуждена поступиться своими правами толпѣ народной (Рей называетъ ее медвѣдемъ и бѣшеной лошадыю), и такимъ образомъ рухнетъ цѣлое зданіе Республики.» Этѣ и имъ подобныя мысли находили (во второй половинѣ XVI в.) сильную опору въ Езуитахъ, всегда вторившихъ музыкѣ сильнаго: это было ихъ правило. Въ настоящемъ случаѣ они тянули ту же ноту и увѣряли, что Паны совершенно правы. Мало того: они доказывали, что Паны такъ умны, что умнѣе ихъ нѣтъ на свѣтѣ; что имъ удивительно, за чѣмъ они ѣздятъ въ чужіе края. Кастическая воля (свобода) становилась отъ этого во сто разъ дороже, хотя для нихъ же самихъ не было тайною, что эта свобода, собственно говоря, призрачная, а не дѣйствительная; ибо безсиліе исполнительной власти не могло ограждать личной свободы: право сильнаго было въ полномъ развитіи. Они сами говорили, что Польское управленіе даетъ возможность наживаться Стряпчимъ, которые сдѣсь считаются самыми желанными людьми. Отъ разбора внутренняго порядка часто переходили они къ разсужденію о внѣшнихъ отношеніяхъ къ пограничнымъ сосѣдямъ. Московское Государство и нѣмцы обращали на себя немалое вниманіе. Московскій Царь,

какъ представитель Русской Вѣры и Русской народности, могъ всегда изъяслять притязаніе на Галичъ, и вообще на всѣ завоеванія Литвы: половина Польско-Литовской области была населена Русскими. Нѣмецкій же Императоръ не давалъ покоя за Пруссію, которая, чрезъ посредство Крестоносцевъ, считалась Нѣмецкимъ владѣніемъ.

Тутъ же разсуждали о заселеніи пустопорожнихъ земель Подола гуляющими людьми, объ основаніи въ Украинѣ Рыцарскаго училища и заведеніи Крестоносцевъ по правиламъ Св. Лазаря, которые, вмѣстѣ съ Запорожскими Козаками, составляли бы оплотъ противъ Турокъ. Наконецъ истинные сыны Отечества давали другъ другу совѣты на счетъ исправленія судебного порядка. Они высказывали сожалѣнія, что ихъ «вѣкъ, наслѣдовавшій отъ прошлыхъ вѣковъ Государство, этотъ великолѣпнѣйшій рисунокъ, нѣсколько полинявшій отъ времени, не только не заботился обновить его, но даже и сберечь его не сумѣлъ. Всѣ говорили худо, худо, а никто не указывалъ средства исправить зло.» (Слова современниковъ). ³⁷

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ одеждѣ. Въ разсматриваемое время Шляхтичи носили одежду не по одинаковому образцу и не одинаковаго цвѣта. Вообще, она разнообразилась по временамъ года и подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ; въ частности, она видоизмѣнялась по вкусу и желанію каждаго. По свѣдѣтельству одного изъ современниковъ (Легата Комендони), ³⁸ тогда носили различные покрои. Одни ходили въ народномъ покроѣ, другіе въ Угорскомъ, Татарскомъ, гретъи въ Итальянскомъ, нѣкоторые во Французскомъ; цвѣтъ любили зеленый, голубой и багряной; шубы, обшивали шелкомъ и золотомъ. Старовольскій, въ сочиненіи: «*Status regni Poloniae descriptio*,» 1632 г., говоритъ: «Одежда въ Польшѣ не одинакова и не приспособлена къ званію лицъ: каждый одѣвается такъ, какъ ему угодно; однако же рыцарской Шляхтѣ наибольше правится заграничная мода. Нашими законодателями въ области моды военные. Когда мы воевали у Днѣпра, тогда наше платье было длинное и широкое, подшитое дорогими соболями, или же рысьими мѣхами, и высокіе колпаки; въ началѣ войны съ Тур-

цією, въ подражаніе Татарамъ и Туркамъ, мы начали носить платье въ обтяжку и покороче, а въ войнѣ съ Пруссіей широчайшіе кожаные шаровары, плащи и другую одежду Нѣмецкаго покроя.³⁹ И зажиточные и бѣдные старались соблюдать въ одеждѣ роскошь и богатство, употребляя, для удовлетворенія этой прихоти, серебро, золото, шелкъ и бархатъ. Роскошь и расточительность ради платья дошла до того, что многіе стали переводить огромныя имѣнія на платье по модѣ. Это подавало поводъ людямъ строгой нравственности и зрѣлаго ума дѣлать заблуждающимся рѣзкія замѣчанія, въ родѣ слышанныхъ уже нами. Самымъ рѣзкимъ изъ всѣхъ, какія мнѣ приходилось читать, есть замѣчаніе Смоленскаго Каштеляна Ивана Мелешка, помѣщенное по Польски въ «Zbiór pamiętnikow o dawnej Polsce», и по Русски въ Актахъ «Южной и Западной Россіи.»⁴⁰ Мелешко былъ посломъ на Варшавскомъ Сеймѣ 1589 г., гдѣ, въ присутствіи Короля, велъ рѣчь о различныхъ вопросахъ и, между прочимъ, объ одеждѣ. Эта рѣчь въ высшей степени замѣчательна: она изображаетъ, во 1-хъ, образованность Дворянства Русскаго, во 2-хъ, его волю. Тонъ ея смѣлый, откровенный. Ее я помѣщаю цѣликомъ:

«Найяснѣйшій, Милостивый Король и на мене ласковыя Паны Братія! Выѣхавши зъ дому, Богомъ ся помолилъ, чтобы къ вамъ здоровъ, прѣѣхалъ, да Вашу Милость здоровыхъ огледалъ, и привиталъ. Пришло мнѣ зъ вами радыты, а я на гетакихъ зѣздахъ няколи не бывалъ и зъ Королемъ, Его Милостью, няколи не засѣдалъ; только за покойниковъ Князевъ нашихъ, которые корелевали, что Воеводами бывали, сененціи гетакихъ не бывало, по просту правымъ сердцемъ говорили, политики не знали, а правдою въ ротъ, яко солию въ глаза, кидывали. Скоро жъ Короли больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразъ, што наши старшіе собрали, то все Нѣмцамъ роздали нашие господамы, пручъ Зыгмунта Короля (того ничега въ люды личыть, бо той Подлясье и Волынь выницылъ, Ляхомъ мянующися), але Зыгмунда Первого, солодкаая памѣть его, то той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростыми велымъ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ, и гораздо лучшей за его мѣва-
лися, хотя въ такъ дорогихъ свитахъ не ходывали: другіе безъ

ногавецъ, какъ Бернардины гуляли, а сорочки ажъ до костей, а шапки ажъ до самого пояса, нашивали. Дай Боже и зновъ такой годины прыждаты и теперъ! Я самъ коли по домовому уберусь, то Еи Мосць, Пани Мстиславска, малжонка моя, патѣшаться и насмотрѣть на меня не можетъ.

Надто уже насмотрывся на гето, Милостивые Паны Братя, и на тые пудные Нѣмецкія штуки, што на рады; а коли жъ то у нихъ бывало: въ сукняхъ перѣстныхъ ходять, то ни гиги! Да уже у насъ змѣшались, и по Польску такъ умѣють говорить, и все лихое Королѣмъ, Паномъ Рѣчи Посполитной, какъ могутъ баламутять. А коли самъ Нѣмчина иде, или жонка его постунае, то черезъ скурку скрипитъ, шемститъ и дорогимъ ппжмомъ воняетъ. Коли жъ до тебе паничыкъ прыѣде, частуй же его достаткомъ, да и жонку свою подлѣ его посады; а онъ сыдыть какъ бѣсъ надувшыся, махаеъ шапкою или капляюшемъ, и зъ жонкою нашептываеъ, да и въ лодонь скребетъ! Да коли жъ бы я гетого чорта кулакомъ въ морду, или по лицамъ, по хрыптѣ, такъ кобы Король, Его Милость, не слыхалъ! Нехай бы морды такой поганой не надымалъ.

Помню я Короля Генгрыха, которій зъ заморской стороны Нѣмецкой былъ, до зрозумѣвъ, што мы ему не много давали шыбинковаты, а Нѣмцы его не вельми перекрывали, такъ и онъ, познавши, што то не шутка, да и самъ, никому не оказавшись, прочъ поѣхалъ ажъ у свою сторону, ажъ за море скикнулъ.

Кажучы правду, не такъ виноватъ Король, якъ гетые радные баломуты, што пры нимъ сидять да крутятъ. Много тутъ гетакихъ есть, што хоть наша костка, однако собачымъ мясомъ обросла и воняетъ; тые-то насъ деруть и за ихъ баламутнями нашия не поживятея, Рѣчь Посполитая, и Волинь съ Подлясемъ пропали! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боймо. А коли бъ гетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ бы другой мутыты!

И то, Милостивые Панове, не мала шкода, слуги ховаемъ Ляхи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормы его тлусто,

а зъ нихъ службы не пытай, и только убравшися, на высокихъ подковахъ до дѣвокъ дыбле и ходить, а зъ великого кубка трубить; ты, Пана, за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяся; ты за фляжку, а онъ за другую, а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ. Только пильнуеть: скоро зъ дому ты, то онъ мовчкомъ прыласкается до жонки. И такого чортополоха зъ Нѣмцами выгнаты, што до насъ влѣзли противъ праву нашему.

Але зрадно поговорились о разныхъ нашихъ интересахъ. И гетая не малая штука—кони дрыганты на стойни держати: давай же имъ въ лѣто и въ зимѣ овесъ и сѣно, подстилай же што ночь, ховай же для нихъ слугу Ляха, конюшню и маштелѣра; а зъ нихъ жадной службы не пытай; а коли жъ еще Ляхъ, какъ жеребецъ ржетъ коло дѣвокъ, какъ дрыгантъ коло кобылъ, прыйми жъ къ нему двоихъ Литвиновъ на стражъ; бо и самъ дѣдко не упильнуеть.

И гетая на свѣтѣ дурнына: годинникъ мнѣ притрафился на тандетѣ въ Кіевѣ купиты; далисьмы за его три копы грошы, а якосьмы послали до Вильна на направу, ажъ онъ на пятую копу крутымъ злодѣй заморщикъ! Добры то нашъ годинникъ пѣтухъ, што не хыбне о полночи какарѣкаетъ.

И то вельмы страшная шкода—гологузые куры ховать: ихъ достаткомъ варыты. А за моей памети присмаковъ гетихъ не бывало; добро было: гуска съ грибами, кашка зъ перчикомъ, печонка зъ цыбулькою, или чеснокомъ, а коли на перепытные достатки—каша рыжовая зъ шафраномъ. Вина Венгерского не заживали передъ тымъ, — малмазыю скромно пїяли, медокъ и горѣлочку дзюбали. А грошы подостаткомъ мѣвали, муры муровали и войну славную крѣпко и лучей держали, какъ теперь.

И то не до речи: въ богатыхъ сукняхъ наши панѣ ходять; не знали передъ тымъ португале или фортугале, а подолокъ рухается, а около подолка чепляется; а дворянинъ въ ножку, какъ соколъ, загледаеть, штобъ гдѣ щипнути солодкого мяся. Я тоже радилъ бы, нехай бы бѣложонки наши въ запинанье давные

убѣралися козакинки, шиурованные назадъ носили роспорки, а къ тому штобы зъ Нѣмецка не заживали плюндырки: не такъ бы скоро любительну скрадывали бредню. А теперь хотя зъ рогатыною на вартѣ стой, въ живые очи такого бѣса не упишнуеть. Дабы о чемъ радыти, не знаю; то только Вашей Милости припоминаю, штобы завсегда, сколько Сенаторовъ и Пановъ Литовскихъ при Королѣ, Его Милости, было, былъ бы и я. Только Крелевщизны не маю, бо передъ другими не схопылъ. А што жъ есмо сказали, то все правда. И Аннульку Королеву, Еи Милость, миленко въ ручку поцѣловали, какъ другыя младшыя Сенаторщыки. Давно о томъ радилъ весь Повѣтъ не только въ Смоленску, але и въ Мозыру, кого бѣ мудрого до Васъ на тотъ зѣздъ выборы и сентенціи выправыты; мене вядомого до Вашей Милосты, штобъ Господь Богъ умѣты предъ Королемъ, Его Милостыю, и Вами, Панове Братія, одкрыты нашыя врады. Сказалъ би кто зъ Васъ лутче, только не баламутячы, то я на томъ перестану.»

Замѣчательною рѣчью Мелешка я оканчиваю первую часть моего труда. На концѣ пройденнаго пути весьма полезно остановиться и дать себѣ отчетъ въ произведенныхъ на ономъ наблюденіяхъ, и для памяти записать ихъ. Такъ дѣлаютъ умные путешественники, и я хочу послѣдовать ихъ примѣру. Изучая Дворянство, въ разнообразныхъ условіяхъ его частной жизни, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что при такихъ условіяхъ могъ выработаться извѣстный кастическій первообразъ, именно первообразъ Шляхты. Разсмотримъ, что это за первообразъ.

Проводя дѣтство въ домѣ родителей, гдѣ все, начиная отъ стѣнъ дома, украшенныхъ алебастромъ и мраморомъ, и оканчивая толпою слугъ и прислужницъ, готовыхъ читать и понимать въ малѣйшемъ движеніи бровей господина его волю, его желанія, гдѣ все, повторяю, говорило о богатствѣ, пышности и роскоши, проводя молодость посреди безпечной обстановки, дававшей все готовое и не требовавшей въ замѣнъ ни какого труда и усилія (крестьяннинъ несъ Пану послѣдній трудовой грошъ), Шляхтичъ рано пріучался относиться презрительно къ промышленному труду. За чѣмъ трудиться самому, когда на тебя трудятся другіе?

Вотъ естественный логическій вопросъ, раждавшійся въ головѣ каждаго Шляхтича. Очевидно, отвѣтъ слѣдовалъ отрицательный. Независимо отъ этого, пренебреженіе къ труду должно было вырасти и усиливаться отъ вліянія другихъ сочетаній.

Промышленный трудъ, поведенный правильно, требуетъ личнаго участія самого промышленника, и ставитъ его въ положеніе работника, у котораго руки не чисты, лицо не бѣлое, платье не изысканное, и времени мало для развлеченія и гульбы; а это все такъ заманчиво, такъ нравится молодости; привычки же, созданныя молодостью, не забываются до глубокой старости. Вотъ тайна того, по чему промышленный трудъ становится столь непривлекательнымъ. Трудъ находится въ родовой связи съ личностью работника; презрѣніе къ труду ведетъ само собою къ неуваженію личности трудящагося, къ неуваженію, далѣе, правъ и крестьянина, и горожанина, и купца. Вотъ первая отличительная черта Шляхты. Въ Vol. legum есть законы, которыми запрещается не Шляхтѣ чѣмъ бы то ни было приближаться къ Шляхтѣ, и осквернять ее своимъ приближеніемъ; такъ предписаны особая одежда тѣмъ, кто не Шляхетскаго рода; такъ запрещено Шляхтѣ заниматься мѣщанскимъ ремесломъ. Чѣмъ длиннѣе дѣлалось разстояніе, отдѣлявшее, на пр., кметовъ отъ Шляхты, тѣмъ желаннѣе становилось приближеніе къ ней, если не правами, то хоть нарядомъ. Лягушка, надувавшаяся до того, чтобы стать волкомъ, лопаесть; такъ и сдѣсь было: кметы лезли въ неоплатные долги и кончали темницею. Правительство наконецъ обратило на это вниманіе, и запретило носить дорогую одежду. ⁴¹

Толпа слугъ и прислужниковъ есть хранилище лести и обольщенія. Шляхтичъ, окружавшій себя ими, не замѣчалъ, да и замѣтить не могъ, какъ онъ попадалъ въ сѣти, сплетенныя пороками невольной человѣческой природы. Изъ такихъ сѣтей можно выйти не иначе, какъ съ приростами, не совсѣмъ завиднаго качества. Гордость, высокомеріе, чванство, деспотическій произволъ — вотъ что пріобрѣтается въ этой школѣ, гдѣ учителя — лакейское униженіе и овечья покорность.

Роскошь въ ѣдѣ, напиткахъ и одеждѣ отпечатываетъ на характерѣ печать самодовольства и самонаслажденія. Застольныя бе-

сѣды, допускавшія свободную критику внутренняго правленія страны, вели къ развитію политическаго ума. Вотъ признаки, по которымъ можно узнать истаго Шляхтича размариваемаго времени. И такъ логическій выводъ, который мы рѣшаемся дѣлать, находитъ себѣ значительную поддержку со стороны домашней жизни Шляхтича. Чѣмъ онъ былъ дома, мы знаемъ, благодаря свѣдѣтельству стоящихъ довѣрія современниковъ. Если онъ проявлялъ себя такимъ же образомъ и при столкновеніи условіями гражданскаго и политическаго быта, то мы имѣемъ право утверждать, что черты, сейчасъ наши приведенныя, составляютъ настоящую, неотъемлемую принадлежность его первообраза. Изученіе Шляхты въ политическомъ быту составляетъ вторую часть нашего труда; къ ней мы и обращаемся.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ существуютъ сословія и Монархи, съ тѣхъ поръ существуетъ между ними взаимное столкновение и ни на мгновение не прерывавшаяся борьба за право, за власть.

Характеръ столкновения опредѣляетъ характеръ и направленіе борьбы. Проявленіе этой борьбы отличается, съ одной стороны, разнообразіемъ, съ другой повсемѣстностью; нѣтъ ни одного угла на земномъ шарѣ, гдѣ бы не произошло то и другое. Изученіе этой борьбы есть изученіе исторіи сословій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторіи Монархическаго начала; на оборотъ, знать исторію сословія значитъ понимать смыслъ исторической борьбы. Дворянское сословіе въ Западной Россіи въ столѣтній періодъ XVI в. столкнулось съ тремя силами: Монархическою, городскою (мѣщанскою) и сельскою (крестьянскою); независимо отъ этого, оно боролось съ своею собственною силою. Такимъ образомъ борьба завязалась на четырехъ точкахъ, и на каждомъ изъ нихъ принимала дѣйственное направленіе. Любопытно прослѣдить и здѣсь и тамъ ея ходъ и познакомиться съ послѣдствіями.

Начинальная точка сопрякосновенія Дворянства съ Королемъ стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается царствованіе Королей, т. е.,

при вступленіи ихъ на престолъ. Въ началѣ XVI в., въ теперешней Западной Руси дѣла стояли такъ, что тотъ, кто желалъ сдѣлаться Королемъ Польши и Великимъ Княземъ Литвы, долженъ былъ желать также, чтобы его признали таковымъ; ибо безъ этого желанія всѣ остальные значили ровно ни чего и могли разбиться при первомъ толкѣ. За наследственность, за право на престолъ, не говорила ни одна буква закона. Всѣмъ руководилъ обычай, или простой случай. Правда, въ прежнее время Короли и Великіе Князья всегда избирались изъ дома Ягайлова, но это было скорѣе дѣло случая, чѣмъ закономъ, или обычаемъ освященное право. Такъ, сынъ Владислава Ягайла вступилъ на престолъ не по тому, что имѣлъ на него право по закону наследованія, а по тому, что отецъ его купилъ ему позволеніе Шляхты увеличеніемъ ея вольностей. Онъ обѣщалъ ей за это: 1, оставить непрекосновенными свѣтскія и духовныя должности; 2, оставить неприкосновенными всѣ ея привилегіи; 3, раздавать должности только туземной Шляхтѣ и при томъ осѣдлой (т. е., имѣющей поземельную собственность, а не иностранной); 4, управленіе замками, каштеляніями и староствами не поручать Князьямъ, или чужеземцамъ; 5, возвращать потери во время войны и выкупать плѣнныхъ; 6, требовать отъ Шляхты вести войну только въ предѣлахъ Государства; въ случаѣ же необходимости воевать въ предѣлахъ чужой земли, онъ (Король) обязывается платить пять марокъ на каждое конье (*super quamlibet hastam*); 7, освободить имѣнія, принадлежащія свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, отъ повинности поднимать Королевскія станціи, во время проѣзда его по Государству; 8, ни кого изъ поземельныхъ собственниковъ (которыми были исключительно Дворяне) не подвергать темничному заключенію, не доказавши предварительно на судѣ ихъ виновности.⁴² Казимиръ IV купилъ престолъ для одного изъ своихъ сыновей цѣною новыхъ уступокъ требованіямъ Дворянства.⁴³ Такимъ образомъ шли дѣла до начала XVI столѣтія, когда, избранный еще прежде Великимъ Княземъ Литовскимъ, Александръ вступилъ на престолъ Польши, соединивши въ своемъ лицѣ оба Государства въ послѣдній разъ. Вступая на престолъ Польши, онъ обѣщалъ дать Дворянству листъ, подтверждающій ихъ вольности, и дѣйствительно сдержалъ свое слово.⁴⁴ Что же касается Литвы, то нѣтъ прямыхъ и подробныхъ указаній на то, чтобы Литовскіе

Дворяне, при избраніи Александра на престолъ, потребовали отъ него какихъ либо уступокъ въ пользу своихъ правъ; но что онъ вступилъ на престолъ не безъ ограниченій, на это есть нѣсколько свѣдѣтельствъ. Мартинъ Бѣльскій рассказываетъ такимъ образомъ о вступленіи его на престолъ: «Вскорѣ послѣ смерти Казимира Литовскіе Вельможи собрались на Сеймъ въ Вильну, гдѣ Василій и Михаилъ Глинскіе, Симеонъ, Князь Слуцкій, и Князья Ольшанскіе, Мстиславскіе и Гедройцы, избрали Александра Великимъ Княземъ. Послѣ благословенія его Епископомъ, выступилъ впередъ Литвинъ Хребтовичъ, Литовскій Маршалъ, и, подавая ему мечъ, сказалъ: «Возьми, Князь, этотъ мечъ, и управляй нами, но помни, что ты долженъ такъ управлять, чтобы въ одной рукѣ былъ мечъ, а въ другой милость. Если вздумаешь поступить не милостиво, то знай, что сдѣлаешься причиною и своей и нашей гибели.» Александръ, принявши мечъ, обѣщаль быть всегда милостивымъ Государемъ.»⁴⁵ Рѣчь Хребтовича напоминаетъ собою вассаловъ Западной Европы, извѣстныхъ своею силою, т. е., я хочу сказать, что Литовское Дворянство имѣло большую власть и значеніе, если представитель его могъ такъ говорить къ Великому Князю.

Въ Актахъ Западной Россіи собраны листы и привилегіи, данныя Александромъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ (Шляхетскаго рода) на различныя права и льготы, что доказываетъ и необходимость существованія условій, которыми этотъ Князь и Король обязывался дать обѣщаніе (при вступленіи на престолъ) сохранять непорушимость и цѣлость, раньше пріобрѣтенныхъ сословіемъ, преимуществъ и правъ.

Изъ тѣхъ же Актовъ и изъ другого источника видно, что Сигизмундъ I, его преемникъ, также не былъ свободенъ отъ ограниченія.⁴⁶ Ему наследовалъ сынъ его, Сигизмундъ-Августъ, которому всѣ сословія присягнули на вѣрность и послушаніе еще въ то время, когда жилъ отецъ его. Въ это время Дворянство пріобрѣло такую силу, что Король ни какими мѣрами не могъ остановить начавшагося теченія вещей. Подобно своимъ предкамъ, онъ долженъ былъ подтвердить права и вольности Дворянства.⁴⁷ Со смертію Сигизмунда-Августа прекратился знаменитый въ исторіи

домъ Ягайловъ. Наступило время избирать Королей между членами царственныхъ семействъ Западной Европы. Братъ Французскаго Короля, Генрихъ Валуа, удостоился чести быть избраннымъ предпочтительно предъ другими соискателями Польско-Литовскаго престола. Это было въ 1573 г. Съ этѣхъ поръ къ обычнымъ «*confirmaciones jurium*» (подтверженіямъ правъ) прибавились новыя ограничительныя требованія, извѣстныя подъ именемъ «*Pacta conventa*» (условія избранія). Этѣ *Pacta conventa* не имѣли опредѣленныхъ границъ; каждый новый Король подписывалъ новыя каждый разъ *Pacta*. Они зависѣли отъ времени, отъ характера международныхъ отношеній, отъ числа и личности соискателей Королевскаго вѣнца. Такъ, Генрихъ Валуа согласился принять условія, по которымъ онъ обязывался: 1, соблюдать вѣчный миръ между Польско-Литовскимъ Государствомъ и Франціею; 2, привести съ собою, для войны съ Московскимъ Царемъ, 4000 Гасконцевъ, и содержать ихъ своими собственными средствами; 3, завести флотъ; 4, на берегу Франціи дать одну пристань для Польско-Литовскихъ кораблей; 5, изъ доходовъ своихъ Французскихъ имѣній внести въ общественную казну 450 тысячъ злотыхъ; 6, уплатить всѣ долги Рѣчи Посполитой, сдѣланные его предшественникомъ и Сенаторами во время междоцарствія; 7, улучшить бытъ Краковской Академіи, выписать для нея и содержать на свой счетъ ученыхъ; 8, воспитывать въ Краковской и Парижской Академіяхъ на свой же счетъ молодыхъ Дворянъ; 9, не приводить съ собою иностранцевъ, кромѣ необходимаго (слѣд. небольшого) числа людей, нужныхъ для прислуживанія при Дворѣ; но этѣ люди должны быть вскорѣ высланы изъ Государства; не давать имъ ни земель, ни должностей, и наконецъ 10, подтвердить всѣ права, преимущества и привилегіи каждаго сословія.⁴⁸

Послы Стефана Баторія предложили отъ его имени слѣдующія условія, при которыхъ онъ согласенъ царствовать: 1, Седмиградскій Воевода дастъ присягу сохранять свято и ненарушимо всѣ права; 2, онъ обѣщаетъ уплатить всѣ Государственные долги; 3, возвратить всѣ завоеванія Московскаго Царя; 4, сохранять вѣчный миръ съ Турками; 5, устроить пограничныя дѣла; 6, заплатить Рѣчи Посполитой 200 тысячъ злотыхъ;⁴⁹ 7, выкупить Русскихъ Дворянъ, попавшихъ въ плѣнъ къ Татарамъ, на деньги частию благотворителей, частию на его собственные (*tum favore, tum propriis sumptibus*).⁵⁰

Вступленіе на престолъ Сигизмунда III сопровождалось тоже условіями договора. Этотъ Король обязался: 1, быть всегда въ союзѣ съ Шведскимъ Королемъ, Іоанномъ III, противъ общихъ враговъ Польско-Литовскаго и Шведскаго Государствъ. По смерти Короля Швеціи, Сигизмундъ наследуетъ, по праву наследованія, Шведскій престолъ, а ему наследуютъ его дѣти въ мужескомъ колѣнѣ. Дочери его получаютъ приданое отъ народа, согласно обычаю и стариннымъ постановленіямъ Королевства Польскаго. Если Королю представится необходимость ѣхать въ Швецію, то онъ обращается къ Чинамъ Государства и требуетъ ихъ согласія; 2, Шведскій Король возвращаетъ Польско-Литовской Рѣчи Посполитой ту часть Ливоніи, которою она владѣетъ; 3, Сигизмундъ III обѣщаетъ отстроить и отдать въ распоряженіе своего новаго Государства флотъ, и предоставить ему свободное плаваніе по Балтійскому морю; 4, доставлять изъ Швеціи на свои деньги военные припасы и снаряды на случай, если придется воевать Новгородъ, Псковъ, или Смоленскъ; 5, обѣщаетъ подарить долгъ, сдѣланный Сигизмундомъ-Августомъ въ 1561 г., а также всѣ долги Рѣчи Посполитой. Кромѣ того, даетъ обѣщаніе уступить часть Неаполитанской суммы, предназначенной искони на Королевскій столъ; 6, обѣщаетъ подарить Польшѣ и Литвѣ орудія, взятые при Венденѣ у Москвитей соединенными войсками обоихъ Государствъ; 7, обѣщаетъ построить на свой счетъ пять крѣпостей и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ; 8, обѣщаетъ не допускать ни одного чужеземца въ Польско-Литовское Государство, и отправить обратно въ Швецію тѣхъ изъ нихъ, которые придутъ съ нимъ въ Польско-Литовскій край. Сдѣлавшись Королемъ Швеціи, онъ обязывается никогда не допускать Шведскихъ чиновниковъ занимать какія бы то ни было должности въ области Польско-Литовскаго Государства; 9, стражу своей особы (тѣлохранителей) учредить изъ туземцевъ (т. е., изъ Поляковъ и Литвиновъ), не выключая и начальника ея. Иностранцы не получаютъ права занимать должности и приобрѣтать имѣнія. Если же кто ни будь изъ нихъ вмѣшается въ Польско-Литовскія дѣла, то онъ позволяетъ поступать съ нимъ такъ, какъ будетъ постановлено на Коронаціонномъ Сеймѣ; 10, обѣщаетъ не только не трогать Конфедераціи, которая существуетъ между Разновѣрцами (Диссидентами) относительно Религіи, но и пре-

слѣдовать всѣхъ враговъ этого союза; 11, наконецъ, обѣщаетъ подтвердить всѣ прежнія права...

Вотъ главные статьи договора, заключеннаго между этѣмъ Королемъ и Дворянствомъ. Изъ обозрѣнія всѣхъ этѣхъ договоровъ оказывается, что они рѣшительно зависѣли отъ характера и обстоятельствъ, вызвавшихъ тѣ, или другія статьи. Обстоятельства, сопровождавшія избраніе Генриха, были не тѣ, что при Стефанѣ Баторіѣ, а Стефанъ Баторій вступалъ на престолъ при обстоятельствахъ иныхъ, чѣмъ Сигизмундъ Ваза. Различны обстоятельства, различны по этому и *Pacta conventa* ихъ. Согласившись на предложенныя договорныя статьи, Король давалъ присягу исполнить сдѣланное раньше обѣщаніе. Въ этой присягѣ обращаютъ на себя вниманіе, по важности послѣдствій, слѣдующія слова, сказанныя Генрихомъ и повторяемыя съ этѣхъ поръ его преемниками: «Если въ чемъ либо нарушу присягу, то народъ воленъ отказать мнѣ въ послушаніи.»⁵² Этѣ слова присяги показываютъ, съ одной стороны, степень зависимости Короля отъ своихъ избирателей, съ другой силу и независимое положеніе послѣднихъ. Король, дававшій такое право на свою личность, долженъ былъ бояться за каждый свой шагъ, за каждый поступокъ; ибо каждый его шагъ и поступокъ находился подъ учетомъ тѣхъ, кто могъ «*nullam obedientiam praestare*.» На сколько невыгоднымъ становилось положеніе Короля, на столько выгоднымъ дѣлалось положеніе Дворянства, со времени Сигизмунда-Августа единственнаго участника въ избраніи Короля. Значеніе его возрастало тѣмъ больше, чѣмъ выше была цифра искателей Польско-Литовскаго престола; ибо каждый изъ нихъ старался предложить возможно выгодныя условія, лишь бы только занять престолъ одного изъ первыхъ по величинѣ и силѣ Государствъ Европы. По смерти послѣдняго Ягайловца, во время междоцарствія, чужеземные послы бѣдили взадъ и впередъ по Польшѣ и Литвѣ, отъ дому до дому Шляхтичей, соря деньгами и обѣщаніями.⁵³

По открытіи Сейма являлись послы Императора Германскаго, Короля Шведскаго, Царя Московскаго, Королей Французскаго и Испанскаго. Каждый изъ нихъ прославлялъ своего кандидата и предлагалъ условія одно другому выгоднѣе. Шведскій по-

солъ говорилъ, что трудно найти въ свѣтѣ лучшаго Короля, какъ Король Шведскій, и что выборъ его на Польско-Литовскій престолъ доставитъ неисчислимыя выгоды для избирающаго люда. Во 1-хъ, оба Королевства соединились бы въ одно; во 2-хъ, соединенныя силы составили бы страшное ополченіе на Московскаго Царя; въ 3-хъ, можно было бы сохранить миръ съ Турками и Татарами; въ 4-хъ, Шведскій Король легче, чѣмъ кто либо другой, можетъ остано­вить Нарвскую навигацію, откуда на Польшу и Литву излились бы разныя блага; въ 5-хъ, онъ можетъ подарить заемъ, сдѣланный у него Сигизмундомъ-Августомъ.⁵⁴ Императорскій посолъ, предлагая Дворянству Эрнеста, втораго сына Императора Максимилиана, обѣщалъ за него, что если его изберутъ Государемъ, то онъ: 1, прежде всего учинитъ присягу строго хранить прежнія права и вольности, и даже готовъ прибавить къ нимъ новыя; 2, должности духовныя и свѣтскія будетъ раздавать природнымъ жителямъ страны и ни въ какомъ случаѣ чужеземнымъ; 3, прекратить споръ, который идетъ между Короною и Германіей изъ за Пруссіи; уничтожить также Нарвскую навигацію; 4, заключить союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Поморскими городами; 5, постарается выхлопотать у Испанскаго Короля возвращеніе Коронѣ Княжества Баръ, и даже можно бы заключить съ нимъ вѣчный союзъ, въ силу чего онъ давалъ бы помощь на непріятелей Государства всякій разъ, какъ представилась бы въ ней нужда; 6, постарается возвратить всѣ завоеванія Московскаго Царя; 7, возобновитъ договоры, существовавшіе между Короною, Угрією и Чехією, и усилитъ ихъ торговыя сношенія; возобновитъ миръ съ Турецкимъ Султаномъ; 8, приметъ на свой счетъ воспитаніе ста молодыхъ Дворянъ въ Вѣнскомъ Университетѣ, либо въ Италіи, либо же при дворѣ иностранныхъ Князей; 9, выхлопочетъ у Рудольфа (своего брата), Короля Угорскаго, освобожденіе вина, отправляемаго въ Польшу и Литву, отъ всякаго мыта на все время царствованія своего.⁵⁵ Послѣ побѣга Генриха во Францію, число искателей Польско-Литовскаго престола также было не малое, и каждый изъ нихъ предлагалъ свои *Rasta conventa*, дававшія возможность произвести болѣе удачный выборъ. Кромѣ прежнихъ, какъ ихъ называетъ Бѣльскій, компетаторовъ (искателей), явились новые въ лицѣ Седмиградскаго Воеводы, Стефана, и Князя Феррарскаго, Альфонса. Послѣдній предложилъ: 1, подтвердить права

и вольности; 2, должностей не раздавать иностранцамъ; 3, сохранять Вѣроисповѣднѣйшій миръ; 4, украсить Краковскую Академію учеными; 5, вынискать изъ Италіи на свой счетъ искусныхъ мастеровъ для постройки замковъ; 6, открыть для купцовъ пристань на берегу Италіи; 7, привести и въ теченіи семи мѣсяцевъ содержать на свой счетъ четыре тысячи Итальянской пѣхоты для войны съ Московскимъ Государствомъ; 8, въ случаѣ надобности, пайти между Итальянскими владѣтелями союзниковъ; 9, присутствовать лично на войнѣ; 10, во время мира быть добрымъ Королемъ и облажать свое Государство; 11, уплатить всѣ долги Государства; 12, доходы съ своихъ имѣній доставлять въ Польскую и Литовскую казну; 13, подарить Королевству Польскому свое право на Княжество Корну во Франціи; 14, воспитывать за границей на своемъ содержаніи 50 Шляхтичей; 15, прислать до своего пріѣзда въ Польшу 300 тысячъ злотыхъ. ⁵³ Шляхта видѣла и понимала цѣну, которую платили иностранцы за престолъ, находившійся въ ея рукахъ; она сознавала свое положеніе, положеніе капиталиста-монополиста, которому ни чего не мѣшаетъ положить какую угодно цѣну на свой товаръ. Престолъ въ рукахъ Шляхты былъ товаромъ, который продавался тому, кто дороже заплатитъ. Подтвержденіе прежнихъ правъ и привилегій было *conditio sine qua non* всякаго Короля, вступающаго на Польско-Литовскій престолъ.

Какія же это были права, которыми такъ дорожили въ то время? Что это за знамя, которое Шляхта несла предъ собою каждый разъ, когда хотѣла напомнить Королю о своемъ существованіи?

Едва Сигизмундъ I-й сѣлъ на престолъ, какъ стовсюду посыпались къ нему челобитныя о подтвержденіи старинныхъ правъ. Въ Декабрѣ 1507 года Князья, Папы, Бояре, Земляне и вся Шляхта Кіевской земли били челомъ Королю, чтобы онъ подтвердилъ своимъ Королевскимъ листомъ всѣ права, данныя имъ его предками, Казимиромъ IV и Александромъ. Эта права касаются во 1-хъ, отношеній Дворянства къ Верховной Власти; во 2-хъ, отношеній крестьянамъ, въ 3-хъ, хозяйственнаго порядка. Желая оградить свою личность отъ посвяительства на нее Королевской власти, Дворянство просило Короля, чтобы онъ въ отношеніяхъ

къ нему руководствовался закономъ, а не личнымъ усмотрѣніемъ; чтобы, по этому, онъ безъ права (безъ суда) людей не казнилъ, не губилъ и не отнималъ имѣній. Оно просило также, чтобы, на основаніи Листовъ Казимира и Александра, онъ не отнималъ (родовыхъ?) имѣній у родственниковъ преступника и имѣній, называемыхъ выслуги о чизны; власть собственника на послѣднія должна быть свободна отъ всякихъ ограниченій. Кромѣ того, оно просило, чтобы Король не вмѣшивался въ ихъ имущество, не запрещалъ имъ (Князьямъ и Панамъ) выѣзжать за границу, кому выѣздъ нуженъ, исключая военного времени (если не будетъ земской службы), ⁵⁷ и Государства, находящагося съ Польско-Литовскимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Уѣзжающій за границу давалъ обязательство оставлять на своемъ мѣстѣ человѣка, который замѣнилъ бы его во всемъ, въ отправленіи повинностей податной и военной, въ случаѣ нападенія враговъ, а также въ случаѣ требованія судебной власти. Въ каждой области были Намѣстники, Воеводы, имѣвшіе значительное вліяніе и власть. Надо было оградить себя и съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что они, поставляемые на Воеводства непосредственно самимъ Королемъ и смѣняемые тѣмъ же Королемъ, могли распоряжаться съ своихъ мѣстъ довольно произвольно. Шляхта это знала, и по тому просила Короля, чтобы онъ запретилъ Воеводѣ устанавливать произвольно новыя мыта, а Старостѣ судить людей, принадлежащихъ Пану; обезъ извѣщенія его о томъ, что его человѣкъ требуется Судомъ. Не менѣе важнымъ считалось не допускать населенія края иностранцами; это подало поводъ къ просьбѣ «волости Кіевскія должны быть держимы только Кіевлянами.» Далѣе Шляхта требуетъ, чтобы ей предоставлено было старое право разбирать и судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ; но и уголовныя дѣла, а смѣл., и уголовное право, не остались безъ вліянія на нихъ Шляхты, какъ это сейчасъ увидимъ. «Король, просить Шляхту, пусть не вмѣшивается въ дѣла людей, принадлежащихъ церквамъ, Князьямъ, Панамъ и Боярамъ, а также въ земли, доходы и приходы... А на церковные люди, и на Князскіе и на Боярскіе дѣцкихъ ⁵⁸ не давати, первѣй обослати листомъ, чтобы къ праву сталъ (тотъ, кому принадлежитъ крестьянинъ), а любо человѣка поставилъ, до кого дѣло будетъ (т. е., крестьянина, до котораго дѣло будетъ):

ино тогда дѣцкаго дати, и вину Государю осужденную заплатить (долженъ тотъ), чьй будетъ человекъ. А коли преступить Бояринъ, ино Намѣстнику нашему Королевскому осудивъ и за поруку давши, до насъ, Короля, отложить, а мы пакъ вольни будемъ въ той винѣ взяти и отпустить.» Судья не долженъ допускать показаній (и вѣрить имъ) холоповъ и рабовъ на Господъ (сочити). Несостоятельный тать долженъ быть повѣшенъ. Наконецъ, если кто изъ Королевскихъ людей женится на Княжеской, Панской, или Землянской, дѣвкѣ, то обязанъ заплатить выводную куницу тому Господину, чья дѣвка; если же дѣвка принадлежить Королю, то женихъ платитъ выводную куницу Королевскому Воеводѣ. Что касается хозяйственнаго дѣла въ этой просьбѣ, то надо замѣтить, что Шляхта старалась какъ можно болѣе уменьшить количество лежащей на ихъ крестьянахъ Государственной повинности, отбываемой въ тогдашнее время чаще всего натурою. Такъ она требовала, чтобы ея люди были свободны отъ подводной повинности, отъ ѣздовъ, сѣнокоса..... Король подтвердилъ эти права, прибавивши, что онъ «старины не нарушаетъ, а новины не вводитъ, хочетъ все по тому мѣти, какъ будетъ было за Великаго Князя Витовта и за Жикшмонта.»⁵⁹ Въ Августѣ 1509 года Владыка Владимирскій и Владыка Луцкій, Князья, Паны, Земляне и вся Шляхта Волынской земли били челомъ Королю, прося, подобно Кіевской землѣ, подтвержденія своихъ, какъ они говорили, старинныхъ правъ, ибо эти права получены ими еще при Казимирѣ (IV). Ихъ права касаются почти тѣхъ же самыхъ статей, которыя выставлены въ челобитной Кіевской земли. Главнѣйшія требованія по каждой изъ статей состоятъ въ слѣдующемъ: Старосты и Намѣстники посылаютъ Шляхтѣ дѣтскихъ не сразу, а послѣ двукратнаго требованія на судъ; Старосты и Намѣстники, Маршалъ Земскій, Ключникъ и Конюшій не должны брать головщины; если случится, что чей либо человекъ убьетъ кого ни будь, то головщина принадлежить его Господину, а не упомянутымъ Чиновникамъ. Староста не смѣетъ грубо обходиться съ Шляхтою (злыми словами соромотити), не можетъ подвергать ее тюремному заключенію, а извѣщать Короля о преступленіи: какъ Король разсудитъ, такъ ему и поступить. Староста и Намѣстники не вмешиваются въ судъ Помѣщика надъ его крестьяниномъ. Если случится въ городѣ уголовное преступленіе, то

Староста производить судъ въ Королевскомъ замкѣ. Староста и слуги его не берутъ ни на комъ зарукъ (закладныхъ денегъ), развѣ кто ни будь станетъ похваляться, что онъ дѣлаетъ наѣздъ на имѣніе, или побьетъ кого ни будь, тогда только берется зарука. ⁶⁰ Далѣе въ этомъ актѣ говорится: 1, о томъ, кто судить лицъ, совершившихъ преступленіе на ярмаркахъ Жидичинской и Дорогобужской, и какъ судить; 2, о мытѣ, отъ котораго Шляхта освобождается; 3, объ аппеляціи къ Королю, которую Старосты должны допускать во всякомъ случаѣ. «А къ тому тежъ (говорится въ концѣ акта), зъ особливоѣ ласки наше, бачучи ихъ вѣрную а пильную, накладную, николи не омѣшканую, службу, которую жъ они здавна, завжды не лютуичи горль своихъ (не жалѣя), цнотливе предкомъ нашимъ и намъ... оказывали, зъ ласки наше на ихъ покорную просьбу и чоломбитье, пожаловали есмо ихъ, отпустили есмо имъ зъ ихъ людей воловщину, по всей Волиньской земли, которую жъ воловщину здавна... люди ихъ даивали... и тое воловщины мы вжо, Господарь, не маемъ зъ людей ихъ брати, а ни потомкове наши, нижыли коли Панове Рада наша Великого Князства Литовского, для котороѣ великоѣ потреби земскоѣ, зволютъ который платъ зъ людей своихъ дати; тогда Князи и Панове и вся Шляхта Волинскоѣ земли мають такожъ тотъ платъ зъ своихъ людей давати.»

Въ 1511 г. дана подобная же подтвердительная грамота прежнихъ привилегій жителямъ Полоцкой области. Въ силу этой грамоты Король обязывался не вступать въ дѣла церквей, никого не казнить на заочное обвиненіе безъ суда, сосхранять неприкосновенность имѣній, данныхъ Шляхтѣ Витовтомъ и Скиргайломъ, не посылать дѣтскихъ ни на Боярскихъ людей, ни на мѣщанскихъ сябровъ (владѣльцевъ нераздѣльнаго имѣнія). ⁶¹ Дальше идетъ дѣло о мѣщанахъ, Боярахъ и о мытѣ. Актъ оканчивается готовностью Короля «давать Воеводу Полочаномъ по ихъ воли; а который будетъ Воевода нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу иншого дати по ихъ воли; а пріѣхавши Воеводѣ нашому къ Полоцку, первого дня ему крестъ цѣловати къ Полочаномъ на томъ, што онъ безъ ихъ sprawy Полочанина не казнити ни въ чомъ. А воеводу городамъ не дарити.» ⁶²

Не за долго до 1529 года сгорѣло Берестье (Берестъ Русскій), и въ немъ погорѣли грамоты и другіе документы, въ числѣ которыхъ сгорѣла также грамота, данная Сигизмундомъ I-мъ жителямъ Кіевской области въ подтвержденіе ихъ правъ, которыя они пріобрѣли при Казимирѣ IV и Александрѣ. Въ слѣдствіе чего жители Кіевской области обратились къ Королю съ просьбою дать имъ новый листъ, который бы подтверждалъ собою права, заключавшіяся въ сгорѣвшемъ актѣ. «Мы зъ ласки наше, за ихъ вѣрные и знаменитые къ намъ службы, ижъ они пыльнѣ и охотнѣ и вѣриѣ намъ заслуговали, и крови свое не мало за насъ и за панѣства наши съ поганѣствомъ и съ иными непріятельми нашими розлили, и въ поганѣскихъ рукахъ многіе съ нихъ у вязеньи будучи, окрутными смертьми и нятствы и обтяженьи нужу пріймовали и терпѣли, а вѣру свою сталѣ (стойко) и цнотливѣ и непорушнѣ заховали и заховываютъ къ намъ, яко къ пану своему прироженому дѣдичному;—тые права водлѣ первое данины славноѣ памяти отца и брата нашего, Королей Ихъ Милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Напервѣй церквамъ Божіимъ.» и проч. (см. выше актъ подъ № 30).

Изучая юридическіе памятники XVI вѣка, мы убѣждаемся, что прошенія Дворянства не останавливались на простомъ подтвержденіи правъ; они шли гораздо дальше; ибо стремились къ безпредѣльному расширенію правъ. Каждый новый годъ прибавлялъ что ни будь къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ. Да и не могло быть иначе. До XVI вѣка условія были таковы, что при нихъ не успѣло выработаться и получить законченность самоуправленіе Шляхты; граждане только что стали на ноги, крестьяне еще не были вполне и повсюду закрѣплены, а Шляхта не имѣла общей связи, общихъ выгодъ. Общая связь, которою она стала сильна и непобѣдима, создана именно въ XVI столѣтіи, когда, по указу Сигизмунда I-го, получило жизнь устройство Сеймовъ (главныхъ, большихъ), а съ 1550 года и Сеймиковъ (Повѣтовыхъ, малыхъ Сеймовъ). ⁶³ До сихъ поръ Сеймы или собранія Шляхты, были случайными и при томъ областными, т. е., такими, на которые собиралась не вся Шляхта, а извѣстная часть ея, Шляхта одной какой ни будь области. Служа выраженіемъ интересовъ извѣстной области, областные Сеймы не касались во-

просовъ, общихъ для цѣлаго Государства, и никогда не возбуждали ихъ. Сеймы же XVI вѣка превратились въ собранія постоянныя, открывающія правильно отъ времени до времени свои засѣданія. Тѣ изъ нихъ, которые назывались главными, служили представительствомъ всей Шляхты, которая стала заявлять теперь не о нуждахъ области, а о нуждахъ цѣлаго Государства. Впрочемъ, существованіемъ своимъ они не исключали существованіе областныхъ Сеймовъ, которые мало по малу превратились въ Повѣтовые Сеймы, т. е., такіе, которые служили какъ бы приготовленіемъ къ главнымъ (вальнымъ). Со времени установленія правильности въ открываніи Сеймовъ, появилась общественная связь, выработалось единство стремленій и общность интересовъ. На нихъ-то, на этѣхъ Сеймахъ и Сеймикахъ, выработалась страшная кастическая сила Шляхты. Прежде чѣмъ приступимъ къ изученію пути, по которому шло развитіе этой силы, не лишне познакомиться съ тѣмъ учрежденіемъ, которое служило пособіемъ къ развитію, т. е., съ Сеймомъ.

Число Сеймовъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ было небольшое. Названія ихъ различны. Были Сеймы Конвокаціонныя, Элекціонныя, Коронаціонныя, Вальныя, Генеральныя, Повѣтовые. Первые три созывались обыкновенно во время междуцарствія. послѣднія собирались по указу Королей всякій разъ, когда представлялась надобность обсудить вопросъ, рѣшеніе котораго не зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія Короля. Были вопросы съ общественнымъ характеромъ, какъ, на пр., вопросъ о войнѣ, о податяхъ, вообще о правахъ Шляхты. Безъ согласія съ нею Король не могъ разрѣшать ихъ ни такъ, ни иначе, и по тому созывалъ Сеймъ въ Вильну, Варшаву, или въ другой какой ни будь городъ, и предоставлялъ ему обсужденіе и окончательное рѣшеніе. До Сигизмунда-Августа Шляхта только на Генеральномъ Сеймѣ узнавала, за чѣмъ ее созвали, и рѣшала дѣла, такъ сказать, *ex promptu*. Сигизмундъ-Августъ далъ, въ 1550 г., привилей, по которому обязался созывать не только Генеральный Сеймъ, но и Повѣтовые, ⁶⁴ на которыхъ должны быть подвергнуты обсужденію (предварительному) тѣ вопросы, о которыхъ будетъ рѣчь на Сеймѣ Генеральномъ. Въ силу этого закона, Сеймики предшествовали Генеральному и открывались обыкновенно за шесть недѣль

до Вальнаго Сейма. Дѣла чрезвычайныя, не терпѣвшія отлагательства, могли сократить этотъ срокъ на три недѣли. Мѣстомъ для собранія Сеймика назначался какой ни будь городъ въ Воеводствѣ. Каждое Воеводство имѣло свой Сеймикъ; случалось, впрочемъ, что отдѣльные Повѣты Воеводства имѣли свои особенныя собранія, такъ что въ Воеводствѣ могло быть нѣсколько Сеймиковъ. Собравшаяся на Сеймикъ Шляхта обсуждала всѣ общественныя вопросы, а иногда и частныя, касавшіеся одной какой либо личности. Такъ въ 1553 г. шла рѣчь о Димитріѣ Сангушкѣ, который похитилъ Гальшку, дочь Ильи, Князя Острожскаго. Въ 1587 г. спорили объ Ягѣ Замойскомъ и Зборовскомъ.⁶⁵ Въ 1554 г. Литовцы разбирали на Сеймикѣ поведеніе Виленскаго Городничаго, Іона, который избилъ Хоружича, Николая Курклевскаго, и посламъ поручено было говорить объ немъ на Сеймѣ и просить Короля учинить справедливость.⁶⁶

Сеймики составлялись изъ мѣстной Шляхты подъ предѣтельствомъ Маршала. Въ Польскихъ областяхъ Маршалъ избирался для каждаго новаго Сеймика, а въ Литовско-Русскихъ областяхъ эта должность возлагалась разъ навсегда на Земскаго Маршала. Обязанность Маршала состояла въ томъ, что онъ собиралъ голоса, мирилъ поссорившихся и вообще наблюдалъ порядокъ. Сеймикъ открывался богослуженіемъ, послѣ котораго избирался Маршалъ (если Сеймикъ созванъ въ Польскихъ областяхъ); за тѣмъ Королевскій посолъ объявлялъ вопросы, которые будутъ подняты на Сеймѣ и уходилъ. Послѣ его выхода собраніе начинало совѣщаться, не ограничиваясь при этомъ вопросами, предложенными Королемъ; тутъ рѣшались также вопросы, возбужденные мѣстными интересомъ. Сдѣлавши извѣстное постановленіе, Сеймикъ поручалъ выбраннымъ изъ среды Шляхтичей лицамъ передать это постановленіе на Сеймъ и настаивать на его утвержденіе. Лица, высылаемыя на Сеймъ, назывались послами.⁶⁷ Когда наступало время обсужденій, тогда могъ говорить всякій, кому хотѣлось. Первое, безъ чего Сеймикъ не могъ обойтись, была свобода слова. Чтобы свободно говорить, необходимо обезнеченіе личности говорящаго. Въ обществѣ всегда найдутся люди, готовые прислуживаться и доносить; отъ такихъ-то людей прежде всего стараются охранить себя. Сеймики не могли не обратить на это вниманія. Имѣя

дѣло съ общественною жизнью, съ учрежденіями страны, которыя никогда не бываютъ на столько совершенными, чтобы не требовали исправленія, имѣя дѣло съ распоряженіями Короля, который, какъ человѣкъ, также не свободенъ отъ погрѣшностей, имѣя дѣло съ вещами подобнаго рода, говорящій не всегда могъ сохранить спокойствіе и умѣренность: онъ легко могъ сказать лишнее слово, употребить рѣзкое выраженіе, какъ противъ лицъ, стоявшихъ на верху правительственной сферы, такъ даже и противъ личности Короля. Рѣзкость же и нескромность выраженія противъ такой особы, какъ особа Королевская, давали пищу прислужникамъ и доносчикамъ и могли вести за собою весьма непріятныя послѣдствія для того, кто, въ порывѣ увлеченія, вытекающаго чаще всего изъ любви къ родинѣ, употребилъ неловкое слово. Ограждая себя съ этой стороны, Шляхта выхлопотала право, записанное и въ Vol. leg., и въ Литов. Статутѣ всѣхъ трехъ изводовъ, быть свободной отъ доносовъ въ оскорбленіи Величества. По смыслу закона, оскорбленіе Величества не существуетъ въ томъ случаѣ, когда доносчикъ не доказалъ взведеннаго обвиненія судебнымъ порядкомъ; но доказать судебнымъ порядкомъ преступленіе этого рода было не возможно, или, по крайней мѣрѣ, очень трудно. Тутъ нужны свѣдѣтели; свѣдѣтелями же могли быть только тѣ, кто заѣдалъ на Сеймикѣ. Вопросъ: могъ ли кто ни будь изъ Шляхты свѣдѣтельствовать на такое дѣло, стать обвинителемъ своего товарища? Онъ шелъ бы тогда противъ столь дорогой для него свободы слова и, стало быть, личности; онъ шелъ бы противъ самаго себя; ибо кто поручится, что на слѣдующемъ Сеймикѣ онъ самъ не скажетъ ни чего рѣзкаго противъ власти? Наконецъ нужна огромная рѣшимость со стороны доносчика. Не доказавшій обвиненія подвергался тому же наказанію, какому подвергался обвиненный, если бы онъ не былъ оправданъ судомъ. За оскорбленіе Величества въ извѣстномъ случаѣ наказаніе полагалось больше: виновный лишался имущества и умиралъ какъ гражданскою, такъ и политическою, смертію. Два этѣ обстоятельства были, значить, сильною помѣхою для доказательствъ подобнаго рода. Вотъ эта статья закона: «Объѣцуюмъ словомъ нашимъ Господарскимъ (всему Дворянству и горожанамъ Великаго Княжества Литовскаго, земель Киевской, Русской, Жомойтской, Волынской, Подляшской, Смоленской, По-

лоцкой, Витебской, Мстиславской и иныхъ), ижѣ надѣ жадного челоуѣка выданье, альбо осоченье (доносъ) явное, таемное и подозрѣнье тыхъ становъ вышемененыхъ карати не хотимъ, а ни винити которою колвекъ виною пенежною, кривавою, везеньемъ, або достоинствъ, врьдовъ, або имѣнья отнятемъ, нижли ажбы первой у суду явнымъ рядомъ и поступомъ права, коли жалобникъ, то есть, поводъ и отпоръ обжалованный очевистъ стануть и достаточнѣ наконецъ будутъ поконаны, которые по судѣ и по таковомъ поконанью винни, мають быти караны виною, у артыкулахъ ниже описанныхъ меновите назначоною (т. е., такіе честь, имѣнье и горло тратятъ. Стат. 1556 г., Арт. 3.). А хто бы кого тежѣ обмовляючи вчинилъ ко соромотѣ и зелживости, а штобы о честь, або о горло, або о которое колвекъ скаранье, тогды тотъ, хто на кого мовить и ведеть, а не доведеть, тымъ караньемъ самъ маеть быти каранъ....⁶⁸ А за обмовенье славною о парсунѣ нашей Господарской за доводомъ слухнымъ справа и суду маемъ карати ведлѣ важности выступу и словъ, вѣдыже ласкою нашою Господарскою, а честью и горломъ, а ни имѣнья отнятемъ, за то карати не будемъ.»⁶⁹

Огражденіе свободы слова съ этой стороны не можетъ быть названо еще полнымъ обезпеченіемъ Сейма. Былъ другой врагъ, врагъ очень сильный, который держалъ въ страхѣ какъ Сеймики, такъ и Сеймы. Это—сама же Шляхта. Еще въ XV в. многие изъ Шляхтичей имѣли огромныя поземельныя владѣнія и могли выставить огромное войско. Одровонжамъ, на прим., принадлежали земли Львовская и Жидачовская, Буцацкимъ значительная часть Подола (Морач. кн. XIV, стр. 296). Въ XVI вѣкѣ имѣнія Сангушкови, Замойскаго, Острожскаго, Вишневецкаго, да еще двухъ, трехъ Вельможъ, составляли область нынѣшней Кіевской, Волынской и Подольской Губерній. Остальные землевладѣльцы, чуть не всѣ, находились отъ нихъ въ подручной зависимости. Располагая огромными средствами, Вельможи обнаруживали большое вліяніе на Сеймъ; ибо за нихъ говорили весьма внушительная сила богатства и самоналовъ. Чтобы освободить Сеймъ отъ посягательства на его свободу съ этой стороны, Шляхта настаивала на изданіе строгихъ законовъ на нарушителей Сеймоваго порядка. Особенно сильна стала боязнь за свободу Сейма съ того времени, когда

прекратился домъ Ягайловцевъ, когда на Сеймѣ 1573 года явилось много лицъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Тогда-то вышло постановленіе, что кто явится на мѣсто сеймованія съ другимъ оружіемъ, кромѣ обыкновеннаго: меча, сабли и шпаги, тотъ подвергается смертной казни.⁷⁰ Этотъ законъ былъ началомъ цѣлаго ряда законовъ въ подобномъ родѣ: всѣ они были вызваны укоренявшеюся мало по малу привычкою являться на Сеймъ не иначе, какъ съ вооруженною силою. Не только Сеймы, созванные во время междоусобицъ, въ смутное время, окружались войскомъ, но даже Сеймы самаго мирнаго, какъ кажется, свойства, Сеймы законодательные и судебные, которые меньше всего нуждаются въ содѣйствіи штыка и ружья, вдругъ окружались тысячами воиновъ, готовыхъ, по первому указанію своего предводителя, начать кровавый бой. Сильные Вельможи и сдѣсь стремились къ тому, чтобы навязать другимъ свой образъ мыслей, свое мнѣніе, заставить Сеймъ опредѣлить то, что было бы пріятно, что льстило бы ихъ самолюбію. Противъ этѣхъ-то личностей и изданы законы 1578 и 1581 годовъ (въ Польшѣ уже въ 1510 году существовалъ законъ противъ нарушителей Сеймоваго порядка). Законъ 1578 г. гласитъ: «Какъ на Сеймѣ, созданный для избранія Судей, такъ и на мѣсто производства Суда, ни кто не смѣетъ являться вооруженнымъ и привозить съ собою другого оружія, кромѣ меча и сабли. Если же кто осмѣлится показаться (на Сеймѣ, или на Судѣ) съ запрещеннымъ оружіемъ, тотъ, не сходя съ мѣста, долженъ уплатить пятьдесятъ гривенъ, подѣ страхомъ наказанія пененю въ четырнадцать марокъ; но если кто, не смотря на этотъ законъ, уйдетъ съ Сейма, или Суда, съ шумомъ (*temere*), то отсылается въ такомъ случаѣ на Судъ Старосты (*ad loci Capitaneum*). Если кто на три недѣли до открытія Сейма, или Суда, и за три недѣли по окончаніи того и другого, ранитъ, или убьетъ, кого ни будь, тотъ подвергается такому же наказанію, какъ тотъ, кто сдѣлалъ это въ присутствіи Короля.»⁷¹ По Литовскому Статуту даже ранившій кого ни будь въ Судѣ наказывался смертію.⁷²

Оказывается, что полное обезпеченіе свободы Сеймы получили не раньше второй половины XVI в.; до этого времени они находились подъ сильнымъ вліяніемъ личности Короля и сильныхъ

Вельможъ. Получивши скоротечную (въ XVII в. мы видимъ тотъ же произволъ Вельможъ, создавшій безурядицу и погубившій Польшу, какъ самостоятельное Государство) свободу, Сеймъ превращался въ колыбель, гдѣ могли воспитаться и возрасть: 1) ораторское краснорѣчіе и 2) Шляхетское самоуправленіе. Чтобы получить понятіе о томъ, какъ и что говорилось тогда на Сеймахъ, стоитъ прочесть нѣкоторыя рѣчи. Кромѣ знакомой намъ рѣчи Мелешка, заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія:

1. Рѣчь Петра Зборовскаго, говоренная Сигизмунду I-му на Сеймѣ въ деревнѣ Бонскѣ. Въ ней замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Народъ (т. е., Шляхта) обязанъ вести только оборонительную войну, а не наступательную (Король хотѣлъ вести тогда войну съ Валахіею): по этому, если въ рукахъ Короля нѣтъ денегъ, то напрасны его усилія заставить Шляхту ити бесплатно на войну за предѣлы Государства.... Теперь собрана на посполитое рушеніе самая нищая Шляхта, а Вельможи взяли отпускъ. Сомнительно, чтобы Король могъ раздавать отпуска, если онъ самъ не свободенъ отъ личнаго участія на войнѣ. Вся тяжесть войны падаетъ исключительно на бѣдныхъ Шляхтичей, которыхъ выжимаютъ и во время мира; ибо Шляхтича безъ всякаго Суда, по простому приказанію сильнаго, выгоняютъ изъ имѣнія, наказываютъ также безъ Суда, который безсиленъ на Вельможъ. Сенаторы, засѣдающіе на Сенаторскомъ креслѣ для того, чтобы оборонять Шляхту, вмѣсто этого занимаются изобрѣтеніемъ разныхъ тягостей.... Королевичъ со временемъ сдѣлается Королемъ, а между тѣмъ не получаетъ соответствующаго образованія. Вмѣсто того, чтобы при отцѣ изучать Государственное управленіе, онъ губитъ молодые лѣта въ кругу женщинъ, забавляясь пѣснями и пляскою. Людовикъ Ягайловецъ потерялъ такимъ способомъ Угрію.»

2. Отрывокъ рѣчи Дембинскаго, говоренной на томъ же Сеймѣ: «Панове Рада говорятъ, что не чего заботиться объ исправленіи существующаго порядка; но вѣдь же не безызвѣстно имъ, что они сами вырвали имѣніе изъ рукъ Станислава Одровонжа, Воеводы Подольскаго, у Литинскихъ и Казановскихъ, которыхъ даже на Судъ не считали нужнымъ позвать. Король, купивши множество имѣній, помѣстилъ въ нихъ разныхъ чинов-

никовъ, которые никогда не жалуются на Шляхту мѣстному Суду, а таскають ихъ на Судъ Королевскій, гдѣ позванный мало что выиграетъ, хотя бы его дѣло было самое правое. Наши предки (умные это люди были) постановили, чтобы ни кто изъ родственниковъ Короля не пріобрѣталъ имѣній въ странѣ; они имѣли основательную причину бояться, чтобы ихъ свобода не потерпѣла ущерба, а теперь въ имѣніяхъ Королевы хозяйничаютъ чужеземцы. Прежде и Сенатъ и Король повиновались законамъ, а теперь какіе-то новички стоятъ выше закона. Изъ имѣній Королевскихъ ни кто не выходитъ на войну, вся тяжесть ея падаетъ на Шляхту. Тѣ, кто живетъ въ этѣхъ имѣніяхъ, умѣють одно—ловить деньги, тогда какъ Шляхта проливаетъ кровь, и къ тому еще, когда она возвратится обѣднѣлая и оборванная, ее въ конецъ разоряють.» ⁷³

3. Въ началѣ третьяго Статута помѣщено предисловіе Льва Сапѣги, читанное на Сеймѣ. Оно обращено къ Королю и къ Шляхтѣ.

Обращеніе къ Королю:

«Милостивый, Свѣтлѣйшій Государь мой! Было время, что въ этомъ Собраніи людей, которое мы зовемъ Республикою, Государи управляли не на основаніи писанаго Закона или Статута, а по своему убѣжденію и произволу, и часто отступали отъ своихъ обязанностей, заботясь не о благѣ общества, а о своихъ личныхъ выгодахъ. Изъ этого вышло, что люди стали презирать ихъ управленіе и царствованіе и прозвали ихъ тиранами. Съ тѣхъ поръ народъ сталъ строить безопасность и добро Речи Посполитой на одномъ только Статутѣ или на законѣ писанномъ. Не даромъ великій философъ Аристотель сказалъ, что тамъ, гдѣ человекъ управляетъ произвольно, живетъ *bellua*, а по нашему дикій звѣрь; гдѣ же во главѣ управленія стоитъ законъ или Статутъ, тамъ управляетъ самъ Богъ, а это по тому, что законъ, по выраженію другого мудреца, есть истинный разумъ и стражъ человеческого ума, которымъ Богъ одарилъ человеческую природу для того, чтобы она всегда обращалась къ честному и береглась безчестнаго. Такъ какъ природа создала не всѣхъ одинаково спо-

собными подчиняться указаніямъ ума, а не животнымъ побужденіямъ, то Богъ и святой законъ Его наложили на такихъ дерзкихъ удило или мундштукъ, по силѣ котораго безчестные получаютъ наказаніе, а честные достойную награду.... Это—цѣль всѣхъ закономъ на этомъ свѣтѣ. Тѣ, которымъ нравится своеволие, рады бы сбросить съ себя это удило и уничтожить законы. Они доказываютъ, что такъ какъ законъ глухъ, такъ какъ онъ безразлично относится и къ бѣдному, и къ богатому, такъ какъ онъ неумолимъ, а у Пана сердце всегда открыто для ласки, для снисхожденія къ личности человѣка, то по этому гораздо лучше жить подъ полною верховностію Короля.... Мы, Свѣтлѣйшій Государь, считаемъ себя счастливейшимъ народомъ именно по тому, что Богъ даетъ намъ такихъ Королей, какъ Вы и Ваши предки, которые не только не хотятъ управлять нами произвольно, но еще сами позволили намъ ограничить свою власть, требуя одного опредѣленія границъ ея. За это они заслужили у насъ безмертіе, а Ты, Милостивѣйшій Государь, прославилъ свое имя, позволивши ввести въ употребленіе этотъ новопоправленный Статутъ, за что именемъ всей Рѣчи Посполитой приношу Тебѣ благодарность ...»

Обращеніе къ Литовскимъ Панамъ:

«Мудрые люди всѣхъ временъ понимали, что для честнаго человѣка ни чего не можетъ быть дороже свободы, а рабство должно казаться столь отвратительнымъ, что, для отогнанія его отъ себя, онъ не долженъ щадить ни сокровищъ, ни самсѣй жизни. Вотъ по чему честные люди смѣло несутъ противъ врага имущество и жизнь, лишь бы не подпасть подъ его владычество и не лишиться воли. Но не довольно было бы, если бы человѣкъ освободился отъ внѣшняго непріятеля, а не былъ бы свободенъ отъ врага домашняго и терпѣлъ бы отъ него неволю; на этотъ-то случай и изобрѣтена узда, которая бы сдерживала всякаго, кто готовъ насиловать и угнетать слабого; для этого-то и установлены законы, чтобы сильный не все дѣлалъ, что ему вздумается; мы невольники закона для того, говоритъ Цицеронъ, чтобы могли пользоваться свободою. Если честный человѣкъ въ отечествѣ своемъ не боится, чтобы кто либо оскорбилъ его честь, или поку-

вился на его здоровье и имущество, то за все это онъ обязанъ закону. Мы гордимся предъ другими своею свободою по тому, что у насъ нѣтъ владыки, который управлялъ бы нами не по законамъ, а по своей прихоти. Но правдѣ сказать, мы имѣемъ за что благодарить Бога, ибо подъ управленіемъ нашихъ Государей мы пользуемся свободою и, составляя себѣ законы, можемъ надзирать за ея неприкосновенностью такъ, что не только нашъ соотчичъ, но и Король, не можетъ располагать властію, большею той, которую ему дозволяетъ законъ....»

Возвращаясь къ прерванной нити, повторяемъ, что первое, къ чему стремилась Шляхта, было огражденіе личности. Въ области этого рода стремлений Шляхта достигла цѣлаго ряда законодательствъ, освобождающихъ отъ посягательства на ея личность, во 1-хъ Короля, во 2-хъ Чиновниковъ, и опредѣляющихъ какъ кругъ ихъ дѣятельности, такъ и кругъ ихъ обязанностей. Въ приведенномъ выше актѣ, 1507 года, ⁷⁴ Дворянство просило Короля, чтобы онъ ни кого не казнилъ, не губилъ безъ права (т. е., не по закону, не по Суду). Та же просьба раздалась въ 1511, въ 1529 году; въ 1530 году она нашла удовлетвореніе. Въ этомъ году изданъ, давно ожидаемый, Литовскій Статутъ. Въ началѣ его помѣщены знаменитыя слова, извлеченныя изъ привилея Владислава Ягайла: ⁷⁵ «Общаю ни кого (изъ Шляхты и горожанъ) не казнить по заочному обвиненію; всякое преступленіе должно быть доказано на Судѣ». Но эта статья не говорила, какого рода преступленіе наказывается казнію. Въ слѣдствіе этого Дворянство заговорило на Сеймахъ новыми прошеніями, прошеніями объ опредѣленіи преступленій, подлежащихъ этому наказанію. Въ Статутахъ, второмъ и третьемъ, есть статьи, доказывающія собою, что это желаніе Шляхты удовлетворено. Приведемъ эти статьи:

«О ображенъе маестату Господарского такъ се розумѣтъ, коли бы хто змову, альбо спикненъе (заговоръ), альбо бунтъ учинилъ на здоровье наше Господарское, хотя бы Панъ Богъ ухвалъ, ижъ бы оная змова не была учынкѣмъ пополнена, таковой, заслушнымъ доводомъ.... честь и горло и имѣнье тратить. Тежъ кгда маестатъ нашъ ображонъ бываетъ съ тое причины, кгда

хто бунтовалъ покой посполитый, врушаючи противъ насъ, Господара, ку шкодѣ и Речи Посполитое, и мынцу безъ воли наше билъ явне, а чого Боже уховай на насъ смерти, такъ тежъ и на потомки наши, Великіе Князи Литовскіе, по зешстяхъ (смерти) ихъ хотячы хто оѣсти и опановати тое Панство, Великое Князство, и Господаремъ быти на немъ, войско, людъ служебный, сбиралъ и выводилъ; хто бы тежъ зъ непріятелми порозумѣнне мѣлъ, листъ до нихъ, або послы противъ намъ, Господарю, и Речи Посполитое, або остерегаючи слалъ, тымъ непріателемъ якую жъ кольвекъ помочъ давалъ, хотя бы тежъ замокъ нашъ непріателеви подалъ; ⁷⁶ хто бы тежъ люди непріятельскіе въ Панство наше, Великое Князство Литовское, зрадливе привелъ, а то бы на него слушне и справедливое было переведено... таковый с права зъ розсудку нашего съ Паны Радами нашими, Великого Князства Литовского, честь горло тратить, и такового зрадцы дѣти, сынове, за таковый выступокъ отца своего безсцными будутъ, а имѣнія того зрадцы отчизные выслужонные, которымъ кольвекъ обычаемъ набытые, мимо дѣти и близкіе, на насъ, Господаря, приходятъ. Вѣдь жо жоны таковыхъ зрайцъ, которіе не будутъ ли вѣдали тое зрады мужовъ своихъ, а съ того ее выведутъ присегами своими, таковыя имѣней своихъ отчизныхъ и матерыстыхъ и вена, предъ учынкомъ тое зрады имъ отъ мужей ихъ описаного, не тратять». ⁷⁷ «Тежъ уставуемъ, хто бы кольвекъ съ подданныхъ нашихъ съ Панства нашего утекъ до земли непріятельское умысломъ злымъ на зраду ку шкодѣ намъ, Господарю, и Речи Посполитой, такий честь тратить; а если бы поиманъ былъ, тогды и горломъ маеть быти каранъ. А дѣти ачъ кольвекъ (хотя) для того выступку отца своего почтивости свое не тратять, але имѣнія вси отцовскіе тратять, нижъ бы што мѣли власного набытья своего, або передъ тымъ учынкомъ отца своего отдѣлены были, тогды при томъ зостати мають. Такимъ же обычаемъ и жоны, если будутъ не вѣдали таковое зрады мужовъ своихъ, таковыя въ томъ будутъ захованы...» ⁷⁸ «Тежъ хто бы монету нашу фалшовалъ... ку шкодѣ Речи Посполитое, а то бы на нихъ досвѣдчано, тые мають огнемъ караны безъ милосердя...» ⁷⁹ Тежъ обѣцуемъ и маемъ давати о безпечность здоровья подданныхъ нашихъ, Шляхту, за похвалками и звязиѣніемъ (ссора) чимъ кольвекъ противко ихъ каждого... съ Канцелярии наше листы за-

ручные и заклады на нихъ казати описовати, пять сотъ копъ грошей наименьшей, а болшей двѣ тысячи копъ грошей... даваны быти не мають... А хто бы за похвалкою, або звазненьемъ своимъ, обнесень будучы урядовне листомъ нашимъ заручнымъ, а черезъ тотъ закладъ кого забилъ, тогда с права, за слухнымъ доводомъ, горломъ маеть каранъ, а закладъ на насъ Господаря, до скарбу нашего Земского Великого Князства Литовского, на имѣнью его маеть быти справлено. А хто бы за руку выневши, сторону противную, на которую заруку взялъ, самого его забилъ, або билъ, або ранилъ, тотъ самъ таковою жъ виною маеть быть каранъ.⁸⁰ Бѣжавшій съ поля битвы во второй разъ также тратить честь.⁸¹ Тежъ уставуемъ, если бы хто, будучы на службѣ нашей, одинъ другого умыслне, або оборочаючи, або обычаемъ звady наѣхалъ, або на станъ кгвалтомъ, кого забилъ, або ранилъ, а было бы на него переведено, тотъ горло тратить.⁸² Тежъ уставуемъ, коли бы хто, будучы стану Шляхетского, стоечи передъ Судомъ, корда, меча, або шабли и якое кольвекъ брони безъ слухное причыны добылъ, хотя бы и не ранилъ, таковой руку тратить; кгда бы ранилъ, тогда ни чимъ инымъ, только горломъ маеть быти каранъ.... Хто бы на Судѣ Судью, Подсудка, або Писаря, такъ в раду Земского, яко и Замкового, ранилъ, або забилъ, таковой маеть горломъ каранъ быти.... Если бы Судья, Подсудокъ и Писарь самъ кгвалтъ мѣстцу нашему и Суду учинилъ, а кого ранилъ, або забилъ, тогда маеть быти каранъ горломъ.⁸³ Хто бы на чій домъ а госпуду умыслне наѣхалъ, хоччи его забити, а умыслне наѣхавши, або нашедши, а въ томъ дому кого кольвекъ ранилъ, або забилъ, а то бы на него переведено было слухнымъ доводомъ, таковой горло тратить.... Тымъ же тежъ обычаемъ, естли бы хто кому въ мѣстѣ на госпуду нашолъ кгвалтовнѣ, а кого забилъ, або ранилъ, и тымъ покой посполитый взрушилъ, маеть быти сужонъ и сказанъ на горло.... Тежъ если бы хто пришедши кгвалтовнѣ на костелъ, або на цвинтару въ школѣ, або въ капланскомъ поповскомъ дому кого забилъ, або ранилъ, а тые бы раны значны были, тогда подъ таковымъ же способомъ и доводомъ маеть быти каранъ, яко выше о кгвалтовникахъ описано ... Хто бы съ подданныхъ нашихъ Господарскихъ людей подозрѣныхъ злочынцовъ, разбойниковъ, явныхъ выволанцовъ въ дому, або въ имѣнью своемъ, переховывалъ,

маючи вѣдомость, кимъ которую раду помочь ку шкодѣ Речи Посполитой давалъ и чынилъ, або тежъ и речей злодѣйскихъ вѣдомо поживалъ, а то бы на него было переведено слухнымъ правомъ, тогда таковой маеть быти горломъ каранъ, таковой и онъ злочынца, котораго онъ въ дому переховывалъ... Кто бы дѣвку, або учтивую невісту якого кольвекъ стану, сильствомъ згвалтилъ, а оная дѣвка, або невіста, имѣла бы на это доказательство, тогда таковой маеть быти каранъ горломъ.... Кто бы безъ воли отца и матки, стрывѣвъ, або близкихъ, взялъ въ малженство «какую ни будь женщину и «кгда то покажетъ съ права, же яко пріятель кривныхъ, такъ тежъ и ее самое, на то позволенія не было, тогда тотъ, хто ее того важылъ, маеть горломъ каранъ быти.» Тому же наказанію подвергается чловѣкъ, отравившій, или убившій своего мужа, или жену. «Если хто отца, або матку свою, изъ якон замсти забилъ, якимъ кольвекъ обычаемъ родича своего о горло приправилъ, тогда таковой сынъ, або дѣвка .. не только горломъ маеть быти каранъ, але и почитивость и вси имѣнья тратить, и таковою смертью и потварностью ганебною (позорною) маеть каранъ быти, по рынку возечи и клещами тѣло его торгати, а потомъ у мѣхъ скураный (кожаный) усадившы до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посполу въ мѣхъ завезавши, гдѣ наглубей до воды утопити.» Смерть также убійцѣ сестры, или брата. ⁸⁴ Изъ этого слѣдуетъ, что, по силѣ Литовско-Русскаго законодательства, самымъ страшнымъ преступленіемъ считалось убіеніе родителей; другія преступленія были менѣе виновны, и по тому на нихъ палагалось и не такое сложное наказаніе. Преступленія, подлежавшія наказанію смертью, были: 1, Убіеніе отца, матери, брата, сестры, мужа, жены и другихъ родственниковъ. 2, изнасилованіе женщины и прелюбодѣйство; 3, убіеніе кого ни будь въ Судѣ, или на Сеймѣ; 4, нападеніе на чье ни будь имѣніе и разбой, произведенный въ немъ. По 3-му Статуту еще поджогъ и тайное убіеніе Шляхтича. ⁸⁵ 5, *Crimen laesae Majestatis*. Къ нему относились: убіеніе, или покушеніе на жизнь Короля, Государственная измѣна (помощь и содѣйствіе, оказанныя врагамъ Государства), поддѣлка монеты, Государственной печати, руки Канцлера, Подканцлера... и повторившееся съ поля битвы бѣгство. Преступленія же противъ родственниковъ Короля не входили въ разрядъ той области преступленій, которая называ-

дась оскорбленіемъ Величества. Преступленіе противъ нихъ равнялось преступленію противъ частнаго лица. Вотъ всѣ преступленія, за которыя Дворянинъ XVI вѣка могъ подвергнуться лишенію жизни, но не иначе, какъ по разслѣдованіи и по судебному доказательству вины; преступленія другія, какого бы рода они ни были, не вели за собою этого наказанія.

Законодательство 1566 года, по настоянію Дворянства, было въ концѣ этого столѣтія нѣсколько смягчено. По Статуту 1588 года дѣти, не знавшія о преступленіи отца, не лишаются чести, но за то теряютъ отцовское наслѣдіе, если это наслѣдство раньше преступленія не было раздѣлено между ними. Также не лишался жизни тотъ, кто сдавалъ непріятелю крѣпость, будучи вынужденъ къ тому голодомъ.⁸⁶

Вникая въ сущность уголовного законодательства Статутовъ, находимъ въ немъ то начало, что насиліе, противъ кого бы оно ни было учинено, противъ личности ли Дворянина, или противъ личности Короля, или противъ сборной личности Государства, заслуживаетъ самаго высокаго наказанія. Въ круга насилія нѣтъ такого преступленія, которое влекло бы за собою наказаніе лишеніемъ чести, или жизни. Простое оскорбленіе личности, включая сюда особу Короля и его семейство, наказывалось денежной пеней, или темничнымъ заключеніемъ, смотря по силѣ оскорбленія. И такъ, жизнь Дворянства, по видимому, получила полное обезпеченіе; ибо безъ суда ни кто не могъ быть преданъ смерти; но тутъ надо еще знать, кто Судья.

Судовъ и Судей въ тогдашнее время было очень много. Судьями уголовныхъ дѣлъ были Воеводы, Старосты, Державцы Королевскихъ имѣній, Судья Главнаго Трибунала (съ 1578 г., ихъ было нѣсколько),⁸⁷ Король съ Сенаторами и наконецъ Сеймъ. «Воеводове, Старосты и Державцы наши, каждый въ Повѣтъ и врьдѣ своемъ, судятъ и справуютъ и позвы свои даютъ о тые артыкулы, меновите тутъ описаные, то есть, о наѣздѣ квалтовный на дома Шляхетскіе, не толко на самый дворъ, але и на гумно, або на дворець, гдѣ быдло и инѣшое господарство домо-

вое бываетъ ховано, къ тому и квалтъ костела Христіанскаго (Стат. 1588 г.), квалтъ въ мѣстѣхъ нашихъ, о пожогу (дому, або гумна; Стат. 1588 г.) и разбои по дорогахъ, и злодѣйство, о фалшъ, о голову Шляхетскую (о чародѣйство, о трутизну и отповедь Шляхѣтича Шляхѣтичу на здоровье, або огнемъ, такъ же и поручниковъ такихъ, которые бы о похвалку на горъло, або огнемъ кого ручили, але о збегі слуги и подѣданныхъ вшелякиахъ и челеди невольное. Стат. 1588 г.). А въ небытности ихъ Намѣстники ихъ зъ судьєю замковымъ присяглымъ осялымъ мають судити и моцъ мѣти справовати и кончыти.» ⁸⁸

Этѣмъ судьямъ принадлежали, стало быть, всѣ дѣла по преступленіямъ противъ частныхъ лицъ. Жалоба на нихъ допускалась до 1578 года къ Королю, а съ этого времени въ Главный Трибуналъ, который такимъ образомъ сдѣлался послѣднею инстанцією и принималъ переносныя жалобы (апелляціи) на всѣ Повѣстовые Суды. ⁸⁹

Что же касается преступленій относительно Величества, то до 1588 года единственнымъ судьєю былъ Король, совмѣстно съ Сенаторами, а съ 1588 года на этомъ судѣ стали засѣдать еще послы отъ Повѣстовыхъ Сеймовъ; они судили преступления противъ Государства при участіи Короля, а преступления противъ послѣдняго сами, безъ Короля, какъ это видно изъ постановленія Коронаціоннаго Сейма, бывшаго въ этомъ году. ⁹⁰ Это событіе весьма знаменательно. вмѣстѣ съ другими, данными оно доказываетъ собою, что къ концу XVI в. Дворянство окончательно освободилось отъ преобладанія Короля и Вельможъ. Перевѣсъ послѣднихъ обнаруживался именно въ томъ, что они были безъ обжалованія Судьями. Лишившись права судить заочно и безконтрольно, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишились и перевѣса.

И такъ, судьєю въ дѣлахъ, касающихся оскорбленія Величества (т. е., покушенія на жизнь Короля и бунта противъ него), съ 1588 г. былъ Сеймъ, составленный изъ Сенаторовъ и Шляхты. Руководясь началомъ: никто въ своемъ дѣлѣ не судья, Король не присутствовалъ на судѣ, а это очень важно. Судьи, не связанные присутствіемъ Короля, могли свободнѣе и безпристра-

стиже относиться къ дѣлу. Король только тогда присутствовалъ при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣла, когда преступленіе было направлено не противъ его личности, а противъ Государства, таковы, на пр., сношеніе съ врагами страны, содѣйствіе, оказанное имъ подвозомъ оружія, сдачею крѣпости и т. п. Въ преступленіяхъ этого рода Король становился въ ряды Судей, Сенаторовъ и Пословъ, какъ гражданинъ одной съ ними земли, которому, на равнѣ съ ними, дорога эта земля.

Разбирая выше приведенныя данныя, мы получаемъ глубокую увѣренность въ томъ, что стремленіе Дворянства въ области бореній съ Королевскою властью за жизнь достигло полного осуществленія: жизнь его получила полное обезпеченіе. Вторая цѣль его стремленій состояла въ огражденіи личности отъ разнаго рода лишеній; сюда относятся: лишеніе должностей, отнятіе имущества и темничное заключеніе. Всѣ должности давались сначала по волѣ Короля; очень естественно, что Король могъ и отнимать ихъ, если находилъ, что лицо, отправлявшее какую ни будь должность, не удовлетворяло его ожиданіямъ. Такъ какъ отнятіе должностей сопровождалось всегда большимъ, или меньшимъ, произволомъ, не ограничивалось ни какимъ закономъ, а по слѣдствіямъ вредило самостоятельности Дворянства, то не удивительно, что послѣднее, имѣя возможность заявить свою волю, являлось съ прошеніями предъ престоломъ, прося установленія закона, который обезпечивалъ бы личность Дворянина и съ этой стороны. Созданіе Короля, по естественнымъ законамъ человѣческой природы, готово всегда заявить больше усердія и привязанности къ особѣ своего благодѣтеля, чѣмъ къ той средѣ, въ которой было поставлено въ качествѣ судьи, или начальника. Разумѣется, что дѣятельность его не всегда совпадала съ выгодами Дворянства, особенно, если выгоды послѣдняго приходили въ столкновеніе съ выгодами Короля. Для устраненія опасности, Дворянство избрало два пути. Оно понимало очень хорошо, что Чиновникъ перестаетъ находиться въ рабской зависимости отъ Короля, когда онъ 1, избранъ не имъ, а обществомъ; или, 2, хотя бы его избраніе и зависѣло отъ Короля, но когда онъ не можетъ быть смѣненъ безъ суда. Вотъ по чему въ 1544 г. Литовскіе Послы просили, чтобы Король раздавалъ должности только извѣстнымъ лицамъ,⁹¹ а въ 1547 г. чтобы Ко-

роль, согласно статьямъ перваго Статута, не наказывалъ ни кого «отнятіемъ врядовъ.» Изъ отвѣта, даннаго Королемъ въ 1544 г., видно, что Король имѣлъ тогда большую власть распоряжаться должностями.⁹³ Въ 1547 году тотъ же Король, въ лицѣ Сигизмунда-Августа, уже не могъ отвѣчать такъ смѣло и рѣшительно. «Его Королевская Милость казалъ вамъ повѣдिति, ижъ Его Милость вѣдомости того мѣти не рачить, кому бы якій врьдъ безъ слушноѣ причины былъ взять, яко жъ и впередъ браны не будутъ, хто бы тому самъ на себе причины не далъ.»⁹⁴ Судя по этому отвѣту, должность никогда не отнималась безъ суда, по изъ часто повторявшихся жалобъ видно, что это бывало не рѣдко. Въ 1551 г. на Виленскій Сеймъ поступила снова жилаба на безвинное отниманіе должностей. Король отвѣчалъ, что «вряды безъ причины и безъ очевистого мовенья и шоконанья у правѣ, яко первѣй не были браны, такъ и теперь не мають быть браны, на которыхъ чти и достоенства суть положоны и присѣгами утвержены; бо таковыя врьды и достоенства не отходятъ безъ причинъ слушныхъ; и не только таковыхъ врядовъ прислужныхъ, але и тыхъ иныхъ посполитыхъ ещо Его Королевская Милость.... ни кому не рачилъ брати, хiba естли бы ся хто въ державѣ, альбо въ намѣстничествѣ своемъ, нерядиѣ и неслушиѣ и шкодливѣ справовалъ и подданныхъ Его Королевской Милости обтяжливимъ былъ; альбо естли бы што скарбъ Его Королевской Милости, для несправы оного врьдника, шкодovati мѣлъ; таковымъ Его Королевская Милость врьды може брати, не яко врьдникомъ, але яко тымъ, которые не подлѣ воли Его Королевской Милости, противъ подданныхъ Его Милости заховываються.»⁹⁵ Наконецъ, упорною настойчивостью Дворянство достигло того, что ни кто изъ должностныхъ лицъ не былъ наказываемъ безъ суда отнятіемъ урядовъ, по крайней мѣрѣ, со времени изданія втораго Статута затихли всякія жалобы. Въ 11 артик. 3-го Раздѣла ясно и опредѣленно, безъ всякихъ условій, говорится, что «достоиностей всякихъ врядовъ, староствъ, державъ, тивунствъ на справу чію кольвекъ и на обновы заочныя, мы и потомки наши не мають отнимати, але коли бы который изъ врьдниковъ нашихъ былъ распрошитель (расточитель), або шкодникъ нашъ и дворовъ нашихъ, и до насъ бы въ томъ обмовенъ и обвиненъ былъ, тогда обоя сторона, якъ тая, кто ведетъ, такъ, на кого ме-

нить, мають передъ нами очевидно стати, а мы съ Паны Радами нашими Великого Князства Литовскаго, выслушавши ихъ, и разознавши тую речъ, винного вода въ выступку его карати маемъ, а безвинные и безъ права на заочное повѣданье не будемъ ни въ кого врядовъ брати, а ни ихъ зъ нихъ рушати.» И такъ, начиная съ 1566 г., отрѣшиться отъ должности Король могъ не иначе, какъ съ позволенія Пановъ Рады.

Приступая къ изученію имущественныхъ условій, въ которыхъ вращалось Дворянство XVI столѣтія, мы должны предварительно замѣтить, что поземельная собственность его распадалась на двѣ части: имущество родовое и, какъ бы его называли теперь, имущество благопріобрѣтенное (вотчины, выслуги, данины). Стремясь охранить неприкосновенность первыхъ, Дворянство не упустило случая превратить въ родовыя послѣднія, какъ это видно изъ тогдашняго законодательства. Въ челобитной 1507 г. жители (Шляхта) Кіевской области домогались неприкосновенности имѣній своихъ, и получили грамоту, въ которой Король обѣщалъ «имѣній не отнимати» ни у кого, за исключеніемъ «зрадцы, хто иметь на насъ (Короля) лихо мыслити, алибо на землю нашу..... А отчины и выслуги не отнимати, што которые будутъ выслужили у Великого Князя Витовта и Жякгимонта и въ отца нашего, Короля Его Милости, и въ брата нашего, и што придали предки наши, то имъ подтверждаемъ. А што придали Князь Александръ и Князь Семень, а не отчины чужбы, и съ того ихъ не рушаемъ, оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ зъ ласки наше, и то вже будетъ нашо данье. ²⁶ А по животѣ жонѣ и дѣтямъ держати имѣніе, а у кого дѣтей не будетъ, ино ближнему, а жона тая, покуль усхочетъ по мужѣ вдовѣти, и она мужнію (далѣе въ этомъ актѣ пробѣль, восполюемый другою грамотой, подтверждающею настоящую, и она володѣетъ. Ак. З. Рос. т. II, № 164), а записати жонѣ пенязи на имѣніи (не на всемъ, въ Ак. З. Рос. № 164 этого же тома), на одной части, а имѣнія не записывати; а похочетъ за оный мужъ пойти, и она съ тымъ идетъ, што будетъ мужъ ей записалъ, а имѣнье дѣтямъ оставити; а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустой человекъ, ни дѣтей, ни влемежи, ино на насъ то имѣнье. А Князи и Панове, которые выслуги держатъ,

а кому подтвердимъ листы нашими, въ томъ вольни по души къ церкви дати, замѣнити и продати, и отдати зъ нашимъ произволеньемъ.» ⁹⁷ Подобная же грамота дана въ 1511 г. жителямъ Полоцкой области (Ак. З. Рос. т. II, № 70). Въ Статутѣ Сигизмунда I-го имущественное право состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1, отчизны переходятъ по наслѣдству дѣтямъ и ближайшимъ родственникамъ; 2, дѣти преступника, бѣжавшаго за границу, не имѣютъ права наслѣдства; если до побѣга отца они не были выдѣлены, или знали о преступномъ намѣреніи отца, уже надо разумѣть и о наслѣдованіи послѣ брата; 3, имѣніе бѣглаго поступаетъ въ Государственную казну; 4, тотъ, кто держалъ земли и людей за Казимира и Александра, и никто не протестовалъ противъ пользованія ими, тотъ можетъ свободно пользоваться ими, и даже третью часть дать, или продать, кому угодно. Въ случаѣ крайней нужды, на пр., въ военное время, владѣлецъ такого имѣнія могъ даже заложить и остальные двѣ части, но ни въ какомъ случаѣ не дозволяется продать ихъ. 5, Что же касается до данинъ, розданныхъ Сигизмундомъ самимъ, то было постановлено, что продавать и вообще отчуждать ихъ могъ владѣлецъ не иначе, какъ съ дозволенія Короля. 6, Если кто имѣлъ листъ на имѣніе, и не воспользовался имъ въ теченіи 10-ти лѣтъ, то такое лицо теряетъ право владѣть послѣ этого срока дарованнымъ нѣкогда имѣніемъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и жившихъ за границей. Какъ во всякомъ другомъ, такъ и въ этомъ случаѣ, Дворянство клало предъ каждымъ новымъ Королемъ свои старые листы, и просило ихъ подтвержденія. По смерти Сигизмунда I-го, вступившій на престолъ его сынъ слушалъ просьбу Литовцевъ, заявленную въ слѣдующихъ словахъ: «Кды Король, Его Милость, старшій, отецъ Его Милости, рачилъ насъ зъ ласки своее, за службы наши, правомъ и вольностями обдароваты, и то въ Статутъ права земскаго вписати, ижъ хто за Короля Казимира спокойнѣ што держалъ, и за Короля Александра никто о то ся не вспомнилъ, абы то вжо было вѣчне держано, жебы Его Королевская Милость вси выслуги, купли и иныи имѣнья, которымъ кольвекъ обычаемъ отъ предковъ нашихъ набытыи, и чего предкове наши и по нихъ мы сами въ спокойнемъ держаньи были... ажъ до сего часу, рачилъ розсказати все то особымъ привиліемъ своимъ Государскимъ на вѣчность намъ подтвердить, жебы есмо съ по-

гомки своими на таковыхъ всихъ имѣньяхъ спокойнѣ были захованы. И который тежъ артикулъ въ Статутѣ права земскаго есть описанъ, ижъ Его Королевская Милость давности не маеть, мы за то его Королевскоѣ Милости просимъ, абы Его Милость рачилъ намъ въ томъ ласку свою Господарскую оказати, а тотъ артыкулъ особливимъ привилеємъ своимъ съ Статута казалъ вынати, ижъ бы вжо черезъ то ни котороѣ моцы не мѣлъ, жебы есмо за тымъ зъ спокойного держанья имѣній нашихъ на вѣчныхъ часы не были рушоны.» ⁹⁸ Такъ какъ это прошеніе вело къ превращенію всѣхъ имѣній (и тѣхъ, на которыя Король имѣлъ право, какъ верховный раздаятель) въ наследственные, и къ устраненію Короля отъ вліянія на нихъ, то, очевидно, что Король не могъ удовлетвориться. Онъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Его Королевская Милость, намовивши въ томъ съ Паны Радами, ихъ милостью, тую просьбу о давности Его Милости Господарскую, и о имѣнья ваши выслужоныи и купленыи и якимъ кольвекъ обычаемъ набытыи, рачить, водлѣ старыхъ привилеєвъ земскихъ предковъ Его Королевскоѣ Милости и ухвалы першоѣ Статутовоѣ, отъ отца Его Милости даноѣ, застановити а иншого ся Его Милости нового ничого въ томъ чинити не видить.» ⁹⁹ Въ 1551 г. Литовская Шляхта передала на Сеймъ въ Вильнѣ нѣсколько просьбъ, изъ которыхъ въ одной высказано желаніе, чтобы завѣщаніе признавалось законнымъ въ томъ случаѣ, если бы одинъ, или два, три пункта его были испорчены и признаны незаконными. ¹⁰⁰ Въ Статутѣ 1566 года, въ Розд. 3, арт. 2, сказано: «Мы, Господарь, обѣцуемъ словомъ нашимъ, за насъ и за потомки наши, Великіе Князи Литовскіе, ижъ всихъ Князей и Пановъ Радъ и всихъ врядниковъ земскихъ и дворныхъ, Пановъ хоруговныхъ, Шляхту, Рыцарство, мѣщанъ и всихъ людей посполитыхъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и во всихъ земляхъ того Панства, намъ заховати при свободахъ и вольностяхъ... на привилєяхъ и лостѣхъ Великихъ Князей Литовскихъ, предковъ нашихъ, и отъ насъ всихъ вообще, яко и каждому зособна, на учтивости, достоинства, вряды на имѣнья, на люди, на кгрунты и на что кольвекъ даныхъ, и что еще будутъ даваны впередъ, непорушне неотмѣние (вѣчными часы); ховати. А хто бы тежъ што хотя безъ привилеєвъ за отчызанымъ правомъ якимъ кольвекъ обычаемъ набытыхъ людей кгрунтовъ своихъ въ держанью былъ такъ за славного пано-

ванья предковъ нашихъ, Короля, Его Милости, Казимира и Александра, яко тежо за святой памяти и отца нашего и за нашего щасливого панованья, тые сами съ потомки ихъ близкими и теперь то вѣчнѣ держати мають и будутъ.» ¹⁶¹ «Тежъ уставуемъ, ижъ по смерти отцовъ, матокъ ихъ дѣти, сынове и дочки, отчизны и материзны не мають быти отдалены, але они сами и щадки (чады) ихъ властные кровные и близкіе правомъ прироженнымъ и слушне набытымъ, звычайемъ стародавнымъ и тежъ Статутомъ першымъ и теперешнимъ мають посягнути и одѣржати и тые добра на пожитокъ свой оборочати вѣчными часы. А то се тежъ будетъ разумѣти о близкостяхъ, спадкохъ, выслугахъ и всякомъ набытии водлугъ права тымъ же обычаемъ, если бы было колко братьи и сестеръ роженныхъ выданныхъ, албо и не выданныхъ замужъ, а тые бы братья межы собою отчизною подѣлилися, албо еще не подѣлили, а который бы зъ нихъ потомъ умеръ, не оставившы по собѣ плоду, тогда его часть отчизны толко на братью приходитъ и на ихъ потомство, а на сестры толко выправа съ четвертое части всякого имѣнья, если бы предъ тымъ которая замужъ идучи отъ отца своего, або тежъ отъ тое жъ братьи, не была дана, поколь бы се мѣли межы собою не подѣлили; а естли бы была материзна, тогда мають братья зъ сестрамы равно подѣлити межы собою. Пакли жъ бы Богъ такъ допустилъ, жебы оная братья померли вси, а у жадного потомства по нихъ не осталось, а хотя жъ бы и было, а потомъ се звало, тогда оная вся отчизна и всякимъ обычаемъ набытые имѣнья за се на сестры ино ихъ потомство спадываетъ. Нижли если бы еще также Панъ Богъ допустилъ, жебы оныхъ братьи и ихъ сестры, а ни ихъ потомство и щадковъ не осталось, тогда оная отчизна ихъ вся, также всякимъ обычаемъ слушное набытие имѣнья и маетности, на близкихъ спадывати маеть, который естъ наиблизшій до отчизны по мечу; водлѣ того жъ поступку также тежъ и материстые мають спасти на тыхъ, которые будутъ до материстаго имѣнья и маетности наблизшии по матцѣ оныхъ змерлыхъ, если бы черезъ нихъ кому слушнымъ записомъ не было заведено. Кромѣ тежъ того, которые безъ потомства близшихъ щадковъ и наслѣдниковъ своихъ зомрутъ, а ни на кого права своего прироженного, выслужного и набытого, не влившы, а ни записавшы; бо по тыхъ тымъ обычаемъ имѣнья спадкомъ на насъ, Господаря,

Великого Князя Литовского, и потомковъ нашихъ, Великихъ Князей Литовскихъ, приходятъ и приходятъ будутъ. А гдѣ потомство близкихъ и щадковъ изъ сядковъ (наслѣдниковъ) и надальшого вже бы въ поколѣнью кровныхъ близкихъ не достало и ни кому отъ нихъ записано и заведено не было, тогда по тыхъ и по таковыхъ обычаемъ имѣнья спадковъ на насъ, Господаря, Великого Князя Литовского, и потомковъ Великого Князства Литовского, приходитъ будетъ.» ¹⁰² «Тежъ уставуемъ, ижъ всимъ станомъ Шляхетского народу, яко и людемъ вольнымъ вольность будетъ имѣніями своими отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми, шафовати, подлѣ потреби воли и подобонья своего отдати, продати, даровати, записати, заставити въ долгу и въ сумахъ завести, замѣняти.» ¹⁰³ Этѣ законы были подтверждены еще два раза: первый разъ на Люблинской Уніи, 1569 года, ¹⁰⁴ другой разъ 1588 г., при составленіи третього извода (редакціи) Статута.

Разборъ сейчасъ приведенныхъ законовъ объ имуществѣ приводитъ къ постановкѣ слѣдующихъ положеній: 1) Шляхта въ теченіи XVI столѣтія стремилась сдѣлаться собственникомъ земли на прочныхъ основаніяхъ, на такихъ основаніяхъ, чтобы ни Король, ни другой кто ни будь не въ силахъ былъ ослабить ея право въ этой области условій; 2) она хотѣла, *per consequentiam*, превратить всѣ имѣнія, въ томъ числѣ и пожизненные раздачи Короля, въ наслѣдственные, и достигла этого въ значительной степени; ибо къ концу XVI столѣтія оставались не наслѣдственными въ родѣ Шляхтичей только королевскія имѣнія; 3) она приобрѣла право распоряжаться ими съ полною свободою, могла ихъ отдать кому угодно, продать, дарить, заложить, завѣщать; даже могла закладывать и продавать, впрочемъ, съ позволенія Короля; 4) она выхлопотала ту статью Закона, по которой имѣніе переходитъ къ Королю только въ случаѣ крайности, когда не остается въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ наслѣдователя. Очевидно, что эта статья закона согласована съ задушевными стремленіями Шляхты—ограничить власть Короля, лишая его возможности обогатиться и усилиться (на счетъ ея же самой, разумѣется); 5) въ постановленіи о наслѣдованіи женщинъ просвѣчиваетъ задняя мысль предотвратить переходъ

Шляхетскихъ имѣній, во 1-хъ, въ другой родъ, а главное, во 2-хъ, въ чужія руки, въ руки иностранцевъ. Женщина, получившая большую часть имѣнія въ наслѣдство, по выходѣ замужъ, могла перевести, конечно, это имѣніе, Богъ знаетъ, въ какія руки. Если коснемся вопроса о темничномъ заключеніи, и прослѣдимъ его по памятникамъ такимъ же образомъ, какъ мы поступали доселѣ съ другими вопросами, то легко убѣдимся, что требованія Дворянства въ этомъ отношеніи къ концу XVI в. получили полное удовлетвореніе. Въ началѣ этого столѣтія повторялись, вѣроятно, довольно часто случаи темничнаго заключенія безъ суда, по одному подозрѣнію; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ часто приводимые нами акты. Такъ, на прим.: «А хто кого обидитъ, алибо обмовитъ, тайно ль, явно ль, ино того ни одною виною не казнити, ни нятствомъ (отъ слова имати, т. е., арестомъ, заключеніемъ), ни шыєю (1507 г.). Оли жъ поставити на явномъ Суду Хрестыанскомъ того, который вадитъ, и того, на кого важно, и, досмотрѣвъ межъ ними, право вчинить; а хто будетъ што заслужилъ, тотъ тое утерпитъ». ¹⁰⁵ А Князей, Пановъ, Землянъ, Старость нашему (Старостѣ въ Волынской землѣ) злыми словы не соромотити, у казнъ и у вѣжу ихъ не сажати, не дождавшись Королевскаго распоряженія». ¹⁰⁶ (1509 г.). Подобное же узаконеніе находится въ уставной подтвердительной грамотѣ жителямъ Полоцкой области 1511 года (Ак. З. Рос. т. II, № 70), Кіевской 1529 г. (тамъ же № 164) и Полоцкой 1547 г. (тамъ же т. III № 5). И отдѣльныя области, а, наконецъ, вся Литовская Русь заговорила о взятіи подъ стражу и темничномъ заключеніи однимъ языкомъ, прося Правительство руководствоваться въ этомъ случаѣ приговоромъ Суда (Zbiór Działyńskiego). Это дѣлалось при Сигизмундѣ I, а при Сигизмундѣ II и III постановлено за правило и внесено въ Статутъ, что Король «везеньемъ карати не маеть и не будетъ, ажбы перво у Суду явнымъ рядомъ и поступкомъ права.... достаточнѣ будутъ поконаны.» Любопытно знать, за что и на какой срокъ назначалось въ то время темничное заключеніе.

По третьему Статуту темничному заключенію подвергались:

1. Тотъ, кто заочно поносилъ Государя, или составлялъ на него пасквили, срокомъ на шесть недѣль, а не болше. ¹⁰⁷

2. Бѣгушій въ непріятельскую землю и задержанный во время бѣгства. Онъ содержался въ темницѣ до будущаго Сейма. ¹⁰⁸
3. Тотъ, кто въ присутствіи Короля ударилъ кого ни будь, или ранилъ, или въ Дворцѣ выбранилъ кого ни будь непристойными словами. Въ первомъ и во второмъ случаѣ онъ подвергался трехмѣсячному заключенію, а въ послѣднемъ шестинедѣльному. ¹⁰⁹
4. Тотъ, кто выстрѣлилъ въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе Государь, кто выстрѣлить и ранить; кто ходитъ по городу съ запрещеннымъ оружіемъ. Въ первомъ случаѣ назначено темничное заключеніе на три мѣсяца, во второмъ на шесть недѣль, въ третьемъ на двѣнадцать недѣль. ¹¹⁰
5. Тотъ, кто побьетъ Вознаго или Королевскаго посланца, срокомъ на полгода, ¹¹¹ а по артикулу II-му, Розд. 4-го, на двѣнадцать недѣль.
6. Возный, не исправно разносящій листы, призывающіе на Сеймъ, или въ Судъ. ¹¹²
7. Тотъ, кто бы произвольно распоряжался въ Королевскихъ имѣніяхъ, срокомъ на двѣнадцать недѣль. ¹¹³
8. Шляхтичъ, оскорбившій честь другаго Шляхтича, на шесть недѣль. ¹¹⁴ Сюда же относится, между прочимъ, слѣдующая любопытная быль: «Ижъ коли бы хто кому рекъ, же съ ты не учтивое матки и не чистого ложа сынъ, а того на него не довелъ, а тотъ, которому примовено, съ того слушне бы се вывелъ, тогда скажемъ, ижъ таковый маєтъ онога навезати совито сорокъма копами грошей, а тую примовку передъ тымъ же судомъ за разомъ справа не отходячи, такъ очистити и тыми словы одъмовити маєтъ, што есьми менилъ на тебѣ, же бы ты былъ неучтивое матки и не чистого ложа сынъ, такъ на тебе брехалъ, яко песь; а гдѣ бы такъ упорнымъ былъ а тыми словы за разомъ у Суду того одъмовити не хотѣлъ, тогда маєтъ седѣти у везенью на замьку нашомъ такъ долго, ажъ тыми словы, яко въ томъ артикулѣ написано, одъмовитъ.....» ¹¹⁵

9. Тотъ, кто произведетъ грабежъ, раны, или убійство, въ Повѣтъ, въ которомъ онъ не имѣетъ осподности, до тѣхъ поръ пока онъ не удовлетворитъ обиженнаго. ¹¹⁶

10. Тотъ, кто ворвался въ Судъ и, не смотря на напоминаніе Судьи, не хотѣлъ выйти, платитъ наказанія 12 копъ грошей, а если не заплатитъ, подвергается темничному заключенію на 12 недѣль, ¹¹⁷ а тяжущійся, который бранится въ Судъ, на шесть недѣль. ¹¹⁸

11. Стряпчій, съ умысломъ пропустившій какія ни будь доказательства, говорившія въ пользу защищаемаго, срокомъ на четыре недѣли. ¹¹⁹

12. Тотъ, кто вызвалъ на поединокъ и ранилъ своего соперника, срокомъ на полгода ¹²⁰

13. Шляхтичъ, посадившій въ свою собственную темницу другого Шляхтича, на три мѣсяца. ¹²¹

14. Сумасшедшихъ сажали тогда въ темницу. Сумасшедшій, вырвавшійся изъ темницы и убившій кого ни будь, подвергался темничному заключенію въ крѣпостной мѣшокъ на годъ и шесть недѣль; а если онъ только ранилъ, то на полгода и не въ мѣшокъ. ¹²²

До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ отношеній Дворянства къ особѣ Короля. Мы видѣли, что въ области этѣхъ отношеній все полнѣе и полнѣе вырабатывалась личность Дворянскаго сословія, выросла его самостоятельность. Среди этѣхъ отношеній выдвигалось на первое мѣсто его стремленіе забрать въ свои руки управленіе всѣми вѣтвями Государственного строя. Мы видѣли, что Шляхта, въ борьбѣ съ Королемъ, не только отстаивала свои права, которыя прибрѣла раньше XVI в., но расширяла ихъ болѣе и болѣе. Разсматривая подробнѣе отношенія ея къ Правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ, мы увидимъ, что не простаго обезпеченія своего сословія, а господства, желала она. Ближайшее столкновеніе съ властью она встрѣчала въ лицѣ мѣ-

стныхъ Чиновниковъ каждого Повѣта. Въ началѣ этого вѣка Повѣтовыми Чиновниками были Воеводы, Старосты и Намѣстники: они сосредоточивали въ своемъ лицѣ судебную, полицейскую и управительскую власть, а въ военное время предводительствовали ополченіемъ

Такъ какъ тогда еще не были въ точности опредѣлены ни область ихъ дѣятельности, ни кругъ ихъ обязанностей, ни прѣдѣлы ихъ власти; такъ какъ, кромѣ этого, они не имѣли закона, съ которымъ могли бы согласовать свои поступки, а все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія, то, понятно, сколько путаницы и произвола должны были выражать ихъ дѣйствія. Желая, съ одной стороны, опредѣлить границы ихъ власти, съ другой же поставить ихъ въ стѣснительное относительно себя положеніе, Шляхта постепенно укладывала въ форму закона новыя и новыя требованія, несомнѣнно клонившіяся къ ограниченію власти Правительства. Стоя на этой почвѣ, Шляхта Кіевской земли еще въ 1509 году выхлопотала у Короля слѣдующій законъ: «а коли поступитъ Бояринъ, ино Намѣстнику нашему, осудивъ и на поруку давши, до насъ отложить; мы наки волни будемъ въ той винѣ взяти и отпустить.» Такъ какъ Воеводы, не допуская обжалованія на ихъ рѣшенія престолу, ставили Шляхту въ затруднительное и тягостное положеніе, то, для избавленія ея отъ него, Король, по ея же ходатайству, опредѣляетъ: «А кто бы, не ступая у право, передъ нашимъ Воеводою отозвался на насъ, на Господаря, того пустити предъ насъ, и призвавши ихъ обоихъ, сутяжцевъ, передъ собою, дати имъ рокъ (срокъ) подобный, передъ нами имъ стати.» ¹²³ Въ уставной грамотѣ жителямъ Волынской области Король запрещаетъ Чиновникамъ (Старостѣ, Намѣстнику, Земскому Маршалку, Ключнику и Конюшему), во 1-хъ, брать голову (подать за голову) съ убійцы, который находится въ услуженіи Шляхты. Эта дань идетъ въ пользу Господина; 2, посылать Дѣцкаго за слугою Шляхтича; 3, «А Князей, и Пановъ, и Земянъ Старостѣ нашему злыми словы не соромити, у казнѣ и вѣжу ихъ не сажати; а если бы ся который провинилъ въ чомъ, ино Старостѣ насъ обослати, какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, штобы умѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки наше ¹²⁴ то вчинити.» Давая подобные листы

Шляхтѣ, слѣдовало также дать наказъ самимъ Чиновникамъ, чтобы они знали, что относится и что не относится къ ихъ власти. Этѣ наказы мы встрѣчаемъ еще на двѣнадцать лѣтъ передъ изданіемъ перваго Статута. Такъ въ 1511 г. посланъ наказъ Старостѣ Дорогицкой ¹²⁵ земли, въ 1514 г. данъ на азъ Юрію Радивилу, Городенскому Старостѣ, ¹²⁶ и другимъ. Но всѣ этѣ наказы, имѣя свойство случайности, мѣняясь, смотря по обстоятельствамъ, для каждой области, не могли удовлетворить ни кого: нуженъ былъ законъ: онъ появился въ болѣе обыкновенной формѣ не раньше второй половины этого вѣка. Съ этого же времени появились многія выборныя должности, какъ-то: Судьи, Подсудка, Писаря, Старосты Гродскаго, Подстаросты, Возного, Вижа (присяжнаго свѣдѣтеля), тогда же ограничена власть Сенаторовъ и появилась отчетность Министровъ.

Разсмотримъ каждую изъ главныхъ должностей особо.

Воевода. На Литовской Руси Воевода получилъ полное опредѣленіе своей власти не раньше второй половины XVI вѣка, со времени Люблинской Уніи. ¹²⁷ Воеводства — это были военные округа, а Воевода — начальникъ войска, составленнаго во время войны изъ Шляхты этого округа. Воеводства были слѣдующія: 1) Виленское. Къ нему относились Повѣты: Ошмянскій, Брячеславскій и Вилькомирскій. 2) Троцкое; оно дѣлилось на Повѣты: Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій и Унитскій. 3) Минское съ Повѣтомъ Рѣчицкимъ. 4) Новогородецкое съ Повѣтами: Слонимскимъ и Волковыскимъ. 5) Берестъ-Литовское имѣло одинъ Повѣтъ Пинскій. 6) Подольское; 7) Брячеславское съ Повѣтами того же имени. 8) Кіевское съ Повѣтомъ Мозырскимъ. 9) Волинское съ тремя Повѣтами: Луцкимъ, Владимирскимъ и Кременецкимъ. 10) Мстиславское; 11) Витебское съ Оршанскимъ Повѣтомъ. 12) Полоцкое; 13) Смоленское. ¹²⁸ Каждымъ изъ Воеводствъ управлялъ Воевода. За исключеніемъ Воеводы Полоцкаго, избираемаго народомъ, всѣ остальные назначались Королемъ. ¹²⁹ До Люблинской Уніи Воевода имѣлъ право судить Шляхту (см. приведен. Акты Зап. Рос.), но съ этого времени онъ былъ Судьею въ уголовныхъ дѣлахъ между Евреями, главнымъ Судьею города, ¹³⁰ устанавливалъ цѣны на разные предметы торговли и былъ Предводителемъ Воеводства

во время посполитаго рушенія. Онъ имѣлъ помощника, называвшагося Подвоеводою. Такъ какъ онъ устанавливалъ цѣну на товары въ цѣломъ Воеводствѣ и занимался повѣркою мѣръ и вѣсовъ, то ему приходилось разъѣзжать по Воеводству и входить въ разнообразныя столкновенія и съ Шляхтою, и съ горожанами.⁴³¹ По всей вѣроятности, Воеводы, въ угоду Шляхтѣ, устанавливали очень низкія цѣны на товары и брали за это съ нихъ взятки, по тому что въ уставной грамотѣ, данной Полочанамъ, Воеводѣ запрещается разъѣзжать по волости: «а поѣдитъ ли когда въ ловы (на охоту), ино по станомъ не дарити.» Воевода, по важности сана, считался первымъ свѣтскимъ лицомъ въ Государствѣ; послѣ Епископовъ ему принадлежало переднее кресло въ Сенатѣ. Между Воеводами почетнѣйшее мѣсто въ Сенатѣ принадлежало Воеводѣ Виленскому; за нимъ пониже сидѣли Воеводы: Троцкій, Берестъ-Литовскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Смоленскій, Полоцкій, Новогородецкій, Витебскій, Мстиславскій, Брячеславскій и Минскій.⁴³² Какъ Члены Сената, они принадлежали къ высшимъ Правительственнымъ органамъ страны.

Каштелянъ. Каштеляны также входили въ составъ Сената. Порядокъ ихъ въ Сенатѣ такой же, какъ и Воеводъ. За Каштеляномъ Виленскимъ сидѣлъ Троцкій и т. д. до Минскаго. Каштелянъ считался ниже Воеводы, исключая Каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, которые не уступали имъ въ значеніи, садились между ними и даже выше многихъ изъ нихъ.⁴³³ Обязанности Каштеляна состояли въ надзорѣ за крѣпостью (castellum) во время мира. Во время войны онъ, какъ начальникъ Повѣта, велъ Шляхту на сборное мѣсто, представлялся съ нею Воеводѣ и подчинялся такимъ образомъ послѣднему, какъ своему начальнику. Каштелянъ — лицо, избираемое въ должность Шляхтою.

Староста. Старосты были двоякаго рода: городскіе и не городскіе. Первые предсѣдательствовали въ Городскихъ Судахъ и судили по уголовнымъ дѣламъ, возникшимъ въ городѣ или же въ области Староства. Къ ихъ вѣдомству относились также гражданскіе искы, по переноснымъ жалобамъ отъ Городскаго Суда и даже, въ особенныхъ случаяхъ, указанныхъ Статутомъ, гражданскія дѣла, возникшія между Шляхтою. Обжаловать рѣшеніе Старосты

и Городскаго Суда можно было къ Королю, или же въ Трибуналъ. Староста избирался Шляхтою и утверждался въ должности Королемъ. Староста негородской — только титулъ. Онъ не имѣлъ судебной власти. Такъ называлось лицо, которому Король пожаловалъ имѣніе, называвшееся Староствомъ. Староста, имѣвшій въ рукахъ судебную власть, избиралъ себѣ помощника, который назывался Подстаростою, и Писаря. Вмѣстѣ съ ними и съ нѣсколькими выбранными Засѣдателями онъ составлялъ судебное мѣсто. Обязанность Подстаросты состояла не только въ томъ, чтобы судить вмѣстѣ съ помянутыми лицами, но и председательствовать въ Судѣ въ отсутствіе Старосты. Писарь вносилъ въ актовыя книги Суда жалобы истца, донесенія Вознаго, который при Судѣ исполнялъ роль чиновника особыхъ порученій,⁴³⁵ и записывалъ рѣшеніе Суда. Онъ обязанъ былъ также дѣлать выписки изъ протоколовъ, если этого желала которая ни будь изъ тяжущихся сторонъ. Въ вознагражденіе за это онъ получалъ извѣстную, такою установленную, плату.⁴³⁶

Судья. Судовъ, т. е., Судебныхъ мѣстъ, тогда было очень много. Смотря по роду возбужденныхъ вопросовъ, и Суды дѣлились на нѣсколько частей. Кромѣ Воеводскихъ и Старостинскихъ Судовъ, были Суды Подкоморные, къ которымъ обращались въ дѣлахъ по межеванью. Когда возбуждался споръ о границахъ между смежными имѣніями, тогда на спорное мѣсто назначалъ Подкоморій и при свѣдѣтеляхъ разбиралъ тяжбу. Были еще Суды Верховные; они назывались Трибуналами. Сюда поступали жалобы на неправильное рѣшеніе Повѣтоваго Суда.⁴³⁷ Сеймы также имѣли Судебную власть. Къ рѣшенію Сеймовъ относились всѣ дѣла касательно оскорбленія Величества и жалобы на злоупотребленіе высшихъ Чиновниковъ Государства. Всѣ гражданскіе иски, тяжбы по имѣніямъ, принадлежали къ первой инстанціи вѣдомства Повѣтовыхъ, Земскихъ Судовъ. Подобно Городскому, Земскій Судъ состоялъ также изъ Судьи, Подсудка, Писаря и Засѣдателей. Всѣ эти лица были выборныя и давали присягу въ томъ, что они честно и добросовѣстно будутъ исполнять свою обязанность. Члены Городскаго Суда были также присяжные.

Маршалъ Земскій. Его обязанности: председательствовать на Сеймикѣ и Сеймѣ (областномъ) и вести Шляхту на посполитое рушенъе.

Великій Маршалъ. Кругъ его дѣятельности: онъ управлялъ Королевскимъ Дворомъ, производилъ судъ надъ Королевскими подданными, называемыми «dworzanie», и надъ тѣми, кто, въ присутствіи Короля, отважился на драку (иногда рѣшеніемъ дѣлъ этого рода занимался Сеймъ), принималъ иностранныхъ Пословъ, завѣдывалъ постройкою шопы (зданіе для Генеральнаго Сейма) и налагалъ таксу на произведенія, закупаемыя Дворомъ.

Подскарбій Великій Литовскій. Онъ завѣдывалъ Государственною казною, монетнымъ дворомъ, собиралъ подати, выплачивалъ долги, велъ прихода-расходныя книги. Всѣ уплаты онъ производилъ не иначе, какъ съ позволенія Сейма, или, по крайней мѣрѣ, Сената. На каждомъ Сеймѣ онъ давалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и получалъ росписку на то, что суммы не растрчены.

Канцлеръ. Онъ самое близкое къ Государю лицо и первое свѣтское лицо въ Государствѣ. Обязанности онъ несъ очень важныя. На Сеймѣ, или во время приема иностранныхъ Пословъ, всегда, какъ представлялась надобность, чтобы Король заговорилъ съ престола, его выручалъ Канцлеръ. Онъ былъ главнымъ редакторомъ всѣхъ бумагъ, носившихъ печать Короля. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за тѣми, чтобы 1, ни кто не трогалъ Королевскихъ правъ, и 2, чтобы Король, въ свою очередь, на нарушалъ правъ Шляхты; въ силу этого закона, онъ могъ отказаться подписать актъ, уже подписанный Королемъ, и приложить къ нему Государственную печать, которой онъ былъ хранителемъ (чему бывали примѣры). Товарищемъ его былъ Подканцлеръ, хранитель малой печати, равный Канцлеру во всемъ. Онъ часто заступалъ его мѣсто.

Гетманъ. Главный полководецъ. Онъ назывался Великимъ, а его помощникъ Полевымъ. Гетманъ не имѣлъ права засѣдать въ Сенатѣ, по той причинѣ, что въ его распоряженіи было вой-

ско; слѣдовательно, онъ могъ быть опасенъ для общественной безопасности. Назначеніе его зависѣло отъ Короля.

Сенатъ — личность собирательная. Онъ состоялъ изъ лицъ, избираемыхъ на сеймѣ Шляхою и утвержденныхъ Королемъ. Сенатъ составлялъ верховный совѣтъ Короля и назывался по этому Радою. Во главѣ Рады стоялъ Архіепископъ Гнѣзненскій, называемый Примасомъ. Изъ Сената, независимо отъ этого, избиралось нѣсколько лицъ, которыя всегда присутствовали при Королѣ и наблюдали за его дѣйствіями.¹³⁸

Всѣ упомянутыя мною лица были отвѣтственны предъ Шляхою, не взирая на то, назначались ли они Королемъ, или Сеймомъ. Король былъ также отвѣтственнымъ предъ нею. Во главѣ Государства стоялъ Сеймъ, т. е., Шляхта. Такъ было къ концу XVI вѣка; къ этому вели всѣ стремленія и ожиданія Шляхты. Шляхта стремилась къ господству, и ея стремленія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, если не принимать въ расчетъ городского населенія. Чтобы убѣдиться въ подлинности этого вывода, обратимся къ событіямъ. Памятники этого времени докладываютъ, что не было ни одного явленія въ общественной жизни, ни одного вопроса, которыя не чувствовали бы силы Шляхтской личности. Шло ли дѣло объ управленіи Государствомъ, или о сборѣ на войну, или о деньгахъ, или объ образованіи, или о законахъ, вездѣ слышалось присутствіе этой силы, вездѣ она обнуживала громадное вліаніе. Господство Шляхты въ Правительственной области и надъ ея орудіями проявлялось на разныхъ мѣстахъ. Шляхта могла требовать, чтобы не предпринимали ни одного дѣла безъ соизволенія Сейма,¹³⁹ чтобы Король назначалъ въ должности тѣ, а не другія, личности, какъ, на прим., для обереганія границъ.¹⁴⁰ Такъ какъ всѣ Чиновники непосредственно и посредственно были назначаемы самою же Шляхою, то, разумѣется, они находились отъ нея въ зависимости. Шляхта могла требовать у Короля, чтобы онъ дѣлалъ имъ замѣчанія, если увидить, что они допускаютъ упущенія, или злоупотребленія по службѣ, могла сама дѣлать Правительственныя замѣчанія и напоминанія и наконецъ требовать удаленія отъ должности.

Въ 1572 г. Сеймъ, высылая пословъ въ Варшаву, далъ имъ полномочіе поблагодарить Сенаторовъ, что они убили столько времени на бесполезные сѣзды, отъ которыхъ не осталось ни чего, кромѣ, развѣ, вреда для Рѣчи Посполитой; а Люблинское Воеводство напоминало Примасу, чтобы онъ не превышалъ своей власти. Въ 1505 году на Петрковскомъ Сеймѣ Мацѣевскій лишенъ печати, а Краковскій Каштелянъ—Староства. На Сеймѣ 1563 г. хранителемъ большой печати послѣ Оцѣскаго былъ сдѣланъ Дембинскій. ¹⁴¹ «Намъ, Господару, давати Воеводу нашего Полочанамъ по ихъ воли; а который Воевода будетъ нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу иного дати по ихъ воли.» ¹⁴² Посредствомъ Сейма Шляхта могла требовать, чтобы монета чеканилась такая, а не другая, могла устанавливать подати, требовать, чтобы собранныя деньги употреблялись для той, а не другой, цѣли, ¹⁴³ чтобы они хранились въ томъ, а не другомъ, мѣстѣ, ¹⁴⁴ требовать измѣненія и поправленія Статута. Если бы Король отказался исполнить которое ни будь изъ требованій, то она, помимо воли Короля, могла собраться на Сеймъ и рѣшить вопросъ, какъ ей было угодно. «Я самъ соберу Сеймъ, говоритъ Архіепископъ Гнѣзненскій Дзѣржковскій Сигизмунду-Августу, если ты не хочешь созвать его.» При Сигизмундѣ Вазѣ было нѣсколько Сеймовъ, не разрѣшенныхъ Королемъ. ¹⁴⁵

На основаніи сказаннаго выше, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что Шляхта обнаруживала большое вліяніе на общественную дѣятельность Короля; мы можемъ сказать больше: она господствовала надъ домашнею, семейною жизнью его. Когда Шляхта увидѣла, что молодой Сигизмундъ-Августъ проводитъ жизнь среди увеселеній, она напомнила отцу вести воспитаніе сына лучше. Когда Король Генрихъ слишкомъ много времени тратилъ на развлеченіе, то къ нему былъ посланъ отъ Шляхты Геронимъ Осолинскій съ пятью товарищами сказать, что если онъ не хочетъ отдѣлять больше времени для исполненія обязанностей, которыя онъ принялъ на себя виѣстѣ со скинетромъ, то нѣтъ сомнѣнія, что весьма скоро будетъ низложенъ. ¹⁴⁶ Шляхта посягала даже на права сердца Короля, чему доказательствомъ служить трогательная исторія отношеній Сигизмунда-Августа къ Варварѣ Радивилѣ и бурные Сеймы при Сигизмундѣ III, укорявшіе его за бракъ съ женщиною, которая не правила Шлях-

тѣ. Сигизмунду III-му запрещенъ былъ выѣздъ въ Швецію. ¹⁴⁷ Имѣнія Короля сравнены были во всѣхъ отношеніяхъ съ Дворянскими: онъ платитъ съ нихъ одинаковую съ другими подать, въ спорахъ за границы, или въ другихъ какихъ ни будь спорныхъ дѣлахъ, онъ подлежалъ вѣдомству однихъ и тѣхъ же Судовъ; но для Шляхты этого оказывалось не достаточно; ей хотѣлось большаго, а именно, ей хотѣлось лишить Короля поземельной собственности.

Въ 1551 году Шляхта въ числѣ просьбъ помѣстила такую: «которая братья наша, Шляхта, мѣвала пожитки у волостяхъ, Вашей Королевской Милости поданныхъ, и теперь покорнѣ просимъ, абы то было не уймовано, и по старому заховано, а звлаща то, што ся на мѣстахъ окажется.» ¹⁴⁸

Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ видъ, что онъ не понимаетъ просьбы и не знаетъ, къ чему она клонится. Ему трудно было согласиться на утвержденіе просьбы, лишавшей его права на поземельную собственность; ибо, подтверждая Шляхтѣ изъ году въ годъ право на доходы отъ своей земли, онъ дѣлался собственникомъ только по имени, не болѣе того. Не только надъ Королемъ, но и надъ цѣлымъ его семействомъ, тяготѣла Дворянская опека. Такъ, по смерти Сигизмунда-Августа, Подскарбій получилъ приказъ принять Королеву подъ свою опеку, и даже приставили къ ней караулъ, въ особѣ Полоцкаго Старосты и нѣсколькихъ Дворянъ. ¹⁴⁹ Послѣ всего этого на долю Короля выпадала одна лишь исполнительная власть. Имѣй онъ въ своемъ распоряженіи войско, тогда другое дѣло; но этого войска не было. При наступленіи войны Шляхта сама выходила на битву; если и собирались иногда наемники, которые за деньги могли бы служить Королю и составлять, такимъ образомъ, его силу, то Король не могъ воспользоваться ими, по тому что законъ обязывалъ его, по минованіи войны, тотчасъ распустить ихъ.

Раскрывши тѣ страницы Исторіи, въ которыхъ описана жизнь горожанъ (мѣщанъ), мы читаемъ, что въ столкновеніи съ ними Шляхта заявляла притязаніе на такое же господство, какъ и въ другихъ случаяхъ. Мы знаемъ, что въ тогдашнее время горожане при-

надлежали къ двумъ видамъ. Одни изъ нихъ находились подъ защитою Магдебургскаго права, другіе судились Литовскимъ Статутомъ. Тотъ, кто пользовался правами и судился по законамъ Статута, тотъ самимъ дѣламъ (*ipso facto*) подпадалъ подъ управленіе Шляхты и становился хотя, не хотя (*volens, nolens*) ея рабомъ. Шляхта была тутъ владычицею. Кто же находился подъ управленіемъ правъ Магдебургскаго и Холмскаго, тотъ могъ еще пользоваться свободою и обезпеченіемъ личности, если только самъ не хотѣлъ дѣлать насилія Шляхтичу. ¹⁵⁰ Король, ручаясь за неприкосновенность Нѣмецкаго, какъ тогда выражались, права, долженъ былъ оберегать его также отъ тѣхъ, кто бы осмѣлился напасть на него и угрожать его цѣлости. «Многократъ первѣй сего жаловали намъ Лентвойтъ и Бурмистры и Рядцы и всѣ мѣщане мѣстца нашего Полоцкого о кривды и утиски, о грабежи и о злamanье права ихъ Майтборскаго и привилія нашего, што ся имъ отъ твоей милости стало, и о иншіи многіе кривды, о забійство головъ, и о бои и грабежи, которыи ся имъ отъ вранниковъ и отъ слугъ твоей милости стали; о чемъ же мы первѣй не однократъ до твоей милости писали, и Дворянъ нашихъ посылали, приказуючи тебѣ, абы ты имъ жадныхъ кривдъ и утисковъ не чинилъ, и во всемъ далъ имъ покой, и заховалъ ихъ подлѣ права Майтборскаго и привилія нашего, который есмо имъ на то дали. И твоя милость о то не дбаючи, и еще большей кривдъ и втисковъ имъ подѣлалъ потомъ...» Наступая на ихъ права Шляхта напирала на двѣ точки. Прежде всего она хотѣла подчинить ихъ своему суду. Въ просьбахъ, посылаемыхъ на Сеймъ, часто повторяется желаніе, чтобы горожане Вильны, Трокъ, Луцка и другихъ городовъ, судились съ Шляхтою не Городскимъ правомъ (т. е., Мѣщанскимъ), а Земскимъ (т. е., Шляхетскимъ). ¹⁵¹ Но горожане ссылались на привилегіи Казимира, Александра и Сигизмунда I, данныя имъ при вступленіи на престолъ, и Шляхта заявившая, что она стоитъ за старину, за неприкосновенность правъ, принуждена была замолчать. Но чего она не могла сдѣлать прямо, то дѣлала окольными путями. Для чего ей желать, на пр., чтобы горожане, принадлежащіе ей ¹⁵² и живущіе въ городахъ, находились подъ властью Магдебургскаго, а не Земскаго, права? ¹⁵³ Очевидно, проводя своихъ людей въ кругъ городскихъ жителей и не теряя на нихъ права, какъ владѣльцы, Шляхтичи портили такимъ образомъ строй городского управленія. На горожанахъ ле-

жали многія податныя повинности, довольно обременительныя для нихъ. Шляхта старалась соблазнить ихъ на этомъ пути лестными видами на благополучіе, которое представлялось будто бы тогда, когда они зададутся за нее, и легковѣрные переходили въ собственность Пана, закладывались за него. Остальнымъ приходилось отбывать за нихъ платежи и нести еще тяжелейшее бремя. Въ приведенныхъ выше актахъ записана жалоба горожанъ, въ которой они просто, но краснорѣчиво, изображаютъ свое стѣснительное положеніе съ этой стороны: «А которыи, дей, мѣщане выломилсь зъ нашего права Майтборского и задали ся за него (за Воеводу) въ городовое право, не хотячи серебщизны и ордынщины и иныхъ платовъ мѣстскихъ посполъ зъ нами Королю платити, какъ же за Владыку и за Князей и за Бояръ Полоцкихъ многіи мѣщане для того жъ ся задали.»¹⁵⁴ Потрясая городской строй въ одномъ, они не переставали тревожить его и на другомъ мѣстѣ. Главное средство существованія для горожанъ состояло въ торговлѣ, но, благодаря таксамъ, торговля не могла получить правильного, развитія. Установленіемъ таксы Шляхта надѣялась поставить горожанъ въ зависимое относительно себя положеніе, но далеко не достигла осуществленія своихъ цѣлей. Такса подавала поводъ къ стачкамъ и, въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, къ разбоямъ и жалобамъ.

Въ Статутѣ 1588 года читаемъ подтвержденіе правъ горожанскихъ относительно ихъ самостоятельности съ значительнымъ противъ прежнихъ правъ измѣненіемъ привилегій или, какъ тогда выражались, съ поправленіемъ стараго законодательства, а именно: въ Статутѣ говорится, что «гдѣ бы ся трафило жаловати которому Шляхтичу на мѣщанъ нашихъ Виленскихъ о збитъе, о раны и о забойство и о каждое обложенье, тогды о то врьдъ мѣстскій справедливость чинити маєтъ правомъ ихъ Майтборскимъ водлугъ привильевъ ихъ, къ тому месту Виленскому и мѣщаномъ нашимъ, подъ мѣстскимъ правомъ мешкающимъ, отъ предковъ нашихъ и отъ насъ, Господара, поданныхъ... Если бы кому зъ мѣщанъ нашихъ права Майтборского которая кривда деяла отъ Князей, Пановъ и Земянъ а подѣданныхъ ихъ, а они бы се сами добровольно усправедливити не хотѣли, або справедливости съ подѣданныхъ своихъ не вчинили, тогды такового кожного мѣщанинъ

маеть до Суда Земьскаго Повѣтоваго позвати и далей поступовати противъ ему подлугъ поступку права и Статуту Земьскаго. ¹⁵⁵ По видимому, горожанинъ не проигрывалъ отъ этого ни чего. Литовскій Статутъ позволяетъ ему доискиваться правды и защиты. Король обязывался давать ему судъ и чинить справедливость на равнѣ со Шляхтою. Но дѣло-то въ томъ, что законъ былъ безсиленъ предъ такой мощной силой, какъ Шляхетская. Судъ въ большинствѣ случаевъ существовалъ только такъ, рго forma; онъ судилъ, писалъ рѣшенія; но этѣ рѣшенія теряли всякую силу, всякій смыслъ, какъ только приходилось столкнуться съ живою дѣйствительностью: слаба была въ то время исполнительная власть. Чтобы заставить кого ни будь изъ Шляхтичей покориться рѣшенію Суда, приходилось иногда употреблять въ дѣло военную силу, созывать посполитое рушенье изъ цѣлаго Повѣта, или даже изъ нѣсколькихъ, но и тогда выходило мало толку. Безчисленные примѣры, взятые изъ бытовой жизни, доказываютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Передъ Дворцомъ Короля (Генриха Валуа) нѣкій Шляхтичъ, Самуиль Зборовскій, позволилъ себѣ вступить въ бой съ Паномъ Тенчинскимъ. Съ обѣихъ сторонъ билась не на шутку, употребивши въ дѣло огнестрѣльное оружіе. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ Ваповскій, находившійся въ отрядѣ Тенчинскаго. Начинателемъ этой драки былъ Зборовскій, и по тому, по закону, онъ подлежалъ наказанію, и при томъ, наказанію самому жестокому, по тому что онъ отважился на бой въ присутствіи Короля. Послѣ долгихъ колебаній, Сеймъ и Король приговорили его къ баниціи, т. е., къ лишенію имущества и изгнанію. Въмѣсто того, чтобы удалиться за границу, онъ, съ толпою вооруженныхъ людей, выходилъ на дорогу и занимался разбоемъ и грабежемъ, нападая на имѣнія, безъ сомнѣнія, тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ осужденіемъ на баницію. Мало того: онъ хвасталъ, что онъ вѣдетъ въ Краковъ въ одинъ день съ Замойскимъ, на то время Канцлеромъ, на которомъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ Королевскаго рѣшенія. ¹⁵⁶ Только несостоятельностью органовъ можно объяснить то безчисленное множество случаевъ грабежей, разбоевъ по дорогамъ и дома, которыми переполнены акты, хранящіеся въ сдѣшнемъ (Кіевскомъ) Центральномъ Архивѣ. Изъ этѣхъ актовъ можно узнать, что Шляхтичи просто издѣвались надъ приговорами Суда.

Нападеніе совершалось на Князей и Духовенство, на горожанъ и Шляхту, на мужчинъ и на женщинъ, совершалось оно и Панами, и Духовенствомъ, частными лицами и Чиновниками, мужчинами и женщинами. Для примѣра возьмемъ нѣсколько актовъ, и прочтемъ ихъ.

1. Управляющій имѣніемъ Загоровскаго «способившись зъ слугами Пана своего, помочниками своими, маючи въ себѣ разное оружіе, наѣхавши мощно и квалтомъ на дворецъ мой (принадлежащій Дубницкому), ворота дворные побили и порубали и, вбѣгши на коняхъ до двора, за слугами и челядью начали гонити и ихъ бити; я, дей, седечы въ светлицѣ въ дому моемъ зъ гостями и пріятельми моими, послышавшы на дворе крыкъ, и не вѣдаючи о томъ ни чого, што ся дѣеть, выбегъ, дей, есми зъ свѣтлицы на дворъ безъ жадное брони, толко маючи на себѣ однорядокъ на опашку безъ жупицы, и обачилъ, дей, есми, что тотъ врядникъ Грицко съ помочниками своими по двору на конехъ за слугами и челядью моими гонять, бьютъ; я, дей, почалъ ихъ упоминати, абы мнѣ такого квалту не чинили и зъ двора моего себѣ прочь поѣхали; врядникъ, дей, Пана Загоровскаго, Грицко, не мовячи зо мною ни чого, одно скочивши ко мнѣ на кони, конемъ мя потрупилъ, ажемъ упалъ на землю, и отъ оногo потрученья кровь, дей, ми зъ носа пошла такъ гвалтовне, же ми вся кошуля кровью сплынула, а въ тотъ, дей, часъ врядника, слугъ и челядь мою дворную позбивали и поранили, а сами зъ двора уѣхали.» ¹⁵⁷

2. Пани Шелвовская жалуется Суду на своего сына, который нѣсколько разъ уже нападалъ на ея имѣніе, грабилъ и разбивалъ ея людей и, не смотря то, что Судъ нѣсколько разъ принуждалъ его къ уплатѣ убытковъ, напалъ снова на ея имѣніе, а чтобы избѣгнуть платежа пени, записалъ все имѣніе своей женѣ. ¹⁵⁸

3. Иваницкій напалъ на домъ своей матери: она въ это время разбирала притязанія и жалобы своихъ крестьянъ. Обвиняя ее въ растратѣ отцовскаго наслѣдства, онъ разогналъ крестьянъ, которыхъ судила мать, и, схватившись за саблю, кричалъ: «Пули,

дей, себе до дябла зѣ дому моего! бо то, дей, домъ мой, а не твой; ты, дей, до того ни чого не маешъ, и такъ промотала все золото и серебро и деньги моего отца.» ¹⁵⁹

4. Панъ Мировицкій такъ похвалялся горожанину Дешку: «Батько твой зѣ непріятельми моими бурсуетъ (якшается), за то его ненавижу; я, дей, говорю и теперь не пивши, ни ѣвши; Боже мя убей, если я которого Радковича не повѣшу; бодай быхъ я, дей, самъ висель где кольвекъ; дей которого зѣ нихъ збивши, то вже ихъ буду вѣшати; однаково, дей, я вже вѣ лиси хожу; нехай же, дей, мене хлопн до Князя позываютъ, и тамъ, дей, мнѣ ни чого не вчинять; я, дей, о то ся не бою, а имъ ся мстити буду зѣ братьею моею; бо, дей, насъ брати чотыре.» ¹⁶⁰

5. На вопросъ, сдѣланный нѣкому Шишкѣ, за чѣмъ онъ занимается разбоями, Судъ получилъ такой отвѣтъ: «Я женою, а ни дѣтьми, ся не осадилъ, человекъ есмь вольный; учинивши што злого, жадная рѣчь мя не загамуеть.» ¹⁶¹

6. Земскій Судья Немиричъ явился въ Судъ по дѣлу съ Княгинями: Вишневецкою и Капустянкою. Подсудокъ и Писарь разбирали это дѣло: какъ они разбирали его, не извѣстно; только Немиричъ былъ недоволенъ ихъ разбирательствомъ, тутъ же въ Судѣ разбранилъ Подсудка, а его сына, схватившись за саблю, готовился къ дракѣ. На вопросъ Писаря, за чѣмъ берется за саблю, онъ отвѣчалъ: «Сабля моя, и мнѣ вольно браться за нее.» ¹⁶²

7. Возный прибылъ въ имѣніе Пана Выгнанскаго и объявилъ ему Королевскій приговоръ, по которому онъ обязанъ расплатиться съ Паномъ Дубовицкимъ, возвративши ему долгъ, или отдать послѣднему свое имѣніе въ пользованіе. Выгнанскій, не смотря на то, что приказаніе получено отъ имени Короля, отказался и отъ платежа, и отъ уступки имѣнія. ¹⁶³

8. Возный Луцкаго Повѣта пріѣхалъ въ Межиречи, имѣніе, принадлежащее тогда Старостѣ Луцкому, Брячеславскому и Виницкому, Князю Корецкому, съ тѣмъ, чтобы ввести во владѣніе этѣмъ имѣніемъ Сангушка; но Корецкій не только не допустилъ

его до ввода, но еще поколотилъ его, когда узналъ, что онъ, исполняя свою обязанность, объявилъ Суду о сопротивленіи его рѣшенію Суда. ¹⁶⁴

9. Шляхтичъ, служившій у одного изъ Пановъ, отличался буйствомъ. Судъ приговорилъ его къ наказанію, но онъ отказался принять это наказаніе; тогда дѣло перешло въ Королевскій Судъ, который подтвердилъ прежнее рѣшеніе. Когда ему прочли приговоръ Короля, то онъ объявилъ, что онъ служить не у Короля, а у своего Пана, и ни какихъ приговоровъ Короля знать не хочетъ и подчиняться имъ не намѣренъ. ¹⁶⁵

10. Въ XVI вѣкѣ началъ приниматься слѣдующій обычай. Если кто изъ Шляхтичей провинился, и Судъ приговорилъ его къ баниціи, т. е., къ лишенію правъ и имущества, или если преступленіе было не такъ велико и влекло за собою только изгнаніе изъ имѣнія, то Возный объявлялъ это рѣшеніе Суда провинившемуся; послѣдній по закону долженъ былъ сдать свое имущество, кому слѣдуетъ. Судъ ждалъ, и если, по истеченіи извѣстнаго срока, онъ не принялъ приговора, тогда Члены Суда, вмѣстѣ съ посполитымъ рушенъемъ Повѣта, отправлялись въ его имѣніе и старались приступомъ взять его. Такое рушеніе прибыло въ имѣніе Пана Краевского (или Граевского), «хотячи у тое имѣніе Пана Виценного Репковского увезати, и оное имѣніе ошачовавши въ суммѣ пенязей, ему подати; то пакъ Панъ Янъ Граевскій, братъ Пана Станислава Граевского, собравшиися зъ слугами и пріятельми своими, осадивши около того села Родовичъ стрельбу, пушчалками (малая пушка: полъ дѣла), гаковницами (отъ слова hak, крючекъ, стѣнобитное орудіе), зъ ручницами, обачивши насъ, за разомъ до насъ стреляти казалъ, и мощно боронили, стреляли, а когда мене, Возного, и Шляхту, при мнѣ будущую, твоя Милость (Подстароста) до Пана Яна Граевского послалъ, упоминаячи его въ томъ, абы ся вряду не спротивлялъ, а въ вязанья бы допустилъ, за оное стрельбы стреляти не казалъ, а Панъ Янъ Граевскій на то повѣдалъ: «Нехай Князь Подстароста съ Повѣтомъ до насъ не выѣзжаетъ, бо мы будемъ бить и того села Родовичъ боронити, и въ вязованья не доущу, по-

куль мене ставати буде, и моцно бороню.» Подстароста и посполитое рушеніе принуждены были отступить. ¹⁶⁶

11. Благодаря такому порядку вещей, не было ни одного мгновенья свободнаго отъ опасности; нужна была всегда на готовѣ сила, способная дать отпоръ насилію. Опасность особенно сильною становилась въ военное время. Не даромъ, по этому, Сангушко, отправляясь на войну, даетъ довѣренность двумъ Шляхтичамъ сражаться съ сосѣдами, въ случаѣ нападенія на его имѣнія. ¹⁶⁷

Если мушны дрожали за свою жизнь и имущество, то каково было положеніе женщинъ вдовъ?

12. «Зоставивши мне вдовою по небощику малжонку моемъ, Ѳедорѣ Шишкѣ, говоритъ женщина, и не могучися въ кривдахъ своихъ, которую маю отъ братье свое стрыечные, Пановъ Болобановъ, обороны и ратунку себѣ учинити и доходити, въ опеку и въ моць и въ оборону ся поддаю такъ сама себе, яко и всю маетность свою, ихъ милости, Вельможному Князю Александру Пронскому, Стольнику Великого Князя Литовского, Пану Григорію Колмовскому и Пану Ермогену Шишцѣ, деверу своему.» ¹⁶⁸

Не давали спуска и Королевскимъ имѣніямъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ актовъ, видѣнныхъ мною. Такъ, на пр.:

13. Врядникъ Князя Андрея Михайловича Курбскаго съ оружіемъ и нѣсколькими сотнями людей сдѣлалъ нападеніе на Королевское имѣніе Рѣчицы, перебилъ крестьянъ, работавшихъ въ это время въ полѣ, насилывалъ дѣвокъ и грабилъ. ¹⁶⁹

Въ заключеніе приведемъ два свѣдѣтельства, показывающія, какъ трудно было привести въ исполненіе не только рѣшеніе мѣстныхъ Судовъ, но даже рѣшеніе Сейма. Такъ, Послы Брячеславской земли отказались платить какія бы то ни было подати (цло, мыто, покоморки), по тому, что Сеймъ не удовлетворилъ просьбамъ ихъ земли. ¹⁷⁰

По той же причинѣ Шляхта Вольнскаго Воеводства отказалась признать сборщикомъ податей Сѣмашка, присланнаго къ нимъ

Королемъ, и отъ самихъ податей даже, наконецъ объявила, что она не допустить ни Старосту, ни кого бы то ни было, приступить къ исполненію. ¹⁷¹ Кромѣ того, она отправила къ Королю Пана Древинскаго съ просьбою, чтобы Король позволилъ собраться на Сеймикъ и рѣшить, нуженъ ли поборъ, и, если нуженъ, то въ какомъ размѣрѣ, и чтобы дозволилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ самимъ избрать себѣ сборщика. Король согласился. ¹⁷²

Если Шляхтѣ не удалось поработить горожанъ, по тому что они умѣли отстаивать свои права, то за то она одержала побѣду въ другомъ мѣстѣ, надъ крестьянами. Уже въ началѣ XVI вѣка крестьяне Югозападной Россіи рассматриваются, какъ крѣпостные, которыхъ приказано ловить и возвращать Господамъ, когда они убѣгутъ съ земли ихъ, которые не имѣютъ права свидѣтельствовать въ судѣ на Шляхту, которыхъ наконецъ судить самъ Господинъ. Правда, что не вездѣ и не всѣ еще были закрѣплены тогда, но тѣмъ не менѣе дѣло клонилось къ повсемѣстному закрѣпленію. Въ концѣ этого вѣка все земледѣльческое населеніе было крѣпостнымъ. Въ уставной грамотѣ Дворянству Волынской земли сказано: «Старостамъ и Намѣстникамъ нашимъ вины и за руки на ихъ самихъ не брати и людей ихъ не судити и не рядити; судити имъ самимъ люди своя и вины брати каждому съ своего человѣка.» ¹⁷³ Во второй половинѣ этого вѣка нигдѣ уже не встрѣчается опредѣленія отношенія Шляхты къ крестьянамъ; значить, этѣ отношенія были опредѣлены въ первой половинѣ, и опредѣлены такимъ образомъ, что крестьянинъ отданъ въ собственность Шляхтичу; ибо потомъ принято за правило «холопу и рабѣ вѣры не няти,» когда они свидѣтельствуютъ на Пана, и возвращать бѣлаго на мѣсто жительства. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена цѣна за голову убитаго крестьянина, изъ чего можно заключить, что законъ признавалъ крестьянина личностью гражданскою, живою. Да, онъ признавался за личность только на бумагѣ, въ дѣйствительности же она не существовала; ибо кто могъ заговорить о крестьянинѣ, когда онъ подвергался обидѣ, насилію, или же смерти отъ неудержимаго ни чѣмъ произвола Пана? Шляхтичу не было нужды заботиться объ его личности; самъ крестьянинъ не имѣлъ права на свидѣтельствованіе въ Судѣ. Если Шляхтичъ иногда и требовалъ вознагражденія за голову убитаго крестьянина, то изъ

видовъ чисто корыстныхъ. Обходясь съ нимъ, какъ съ вещью, какъ за вещь онъ требовалъ и получалъ вознагражденіе. Какъ жилось крестьянину у Пана, видно изъ безчисленнаго множества случаевъ бѣгства крестьянъ отъ своихъ Господъ, записанныхъ въ актовыхъ книгахъ тогдашняго времени. Наконецъ, крестьянское и Козацкое возстаніе XVII вѣка, котораго ближайшую причину слѣдуетъ искать въ общественномъ порядкѣ XVI столѣтія, оставили потомству кровавой документъ ихъ бѣдственнаго положенія.

Достигши господства въ общественной области почти надъ всѣми ея органами и проявленіями, Шляхта окружила себя непроницаемою оболочкою, проникнуть за которую равнялось чуду. Кастическое отчужденіе, къ которому она стремилась и котораго достигла, не допускало ни кого проникнуть въ ея заколдованный кругъ. Великія, особенныя заслуги могли доставить ищущему Шляхетское званіе; но пріобрѣтеніе его сопровождалось необыкновенными трудностями; современники съ нѣкоторымъ отвращеніемъ смотрѣли на этѣхъ *homines novos*, не исключая даже и самыхъ образованныхъ изъ нихъ. Бѣльскій, на пр., знаменитый, образованный лѣтописецъ, съ негодованіемъ говорить, что какіе-то Прованы, которые нѣкогда разносили вино, получили индигенатъ, т. е., Дворянское достоинство. ¹⁷⁴

Получившій индигенатъ не вдругъ становился Шляхтичемъ: самъ онъ пользовался только нѣкоторыми правами Шляхетства; полное Шляхетство давалось уже его потомкамъ. Обособивши себя такимъ образомъ отъ всѣхъ, Шляхта гордилась своимъ достоинствомъ и подвергала строгому наказанію оскорбителя ея чести. Быть Шляхтичемъ значило быть великимъ; не быть имъ значило не значить ни чего. Въ слѣдствіе такого пониманія вещей кто сказалъ бы Шляхтичу, что онъ не Шляхтичъ, тотъ подвергался темничному заключенію. ¹⁷⁵ Шляхтичъ, который захотѣлъ бы заниматься торговлею, оскорблялъ честь своего сословія, и терялъ по этому, право называться Шляхтичемъ. ¹⁷⁶

Въ довершеніе всего Шляхта освободилась отъ всѣхъ податей

На этомъ мы остановимся.

Въ заключеніе намъ кажется не лишнимъ установить нѣкоторыя положенія, которыя вытекаютъ изъ нашего изслѣдованія.

Вотъ они:

I. XVI столѣтіе было временемъ процвѣтанія образованности въ Литовско-Польскомъ Государствѣ, но человѣчный характеръ ея не проникъ въ массу Дворянства.

II. Дворянство того времени слагалось въ кастическую форму быта.

III. Дворянство XVI вѣка стремилось стать выше Короля, и достигло этого.

IV. Дворянство XVI вѣка поработило крестьянъ окончательно.

V. XVI вѣкъ въ Польско-Литовскомъ Государствѣ есть вѣкъ насилій въ области общественныхъ отношеній.

И. Тумасовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Zbior praw Litewskich стр. 95.

2. Тамъ же.

3. Ак. Зап. Рос. т. III, № 4, просьбы 19, 20 и 21. «Абы уряды земскіи и дворнии, и тежъ держанья замковъ, дворовъ, мѣсть и волостей Его Королевской Милости не были даваны чужеземцомъ... Абы объѣзжанье и попись замковъ, дворовъ и волостей Его Милости, и тежъ личбы съ доходовъ Его Милости, не были справованы черезъ чужоземцы... Былъ тотъ обычай завжды хованъ изъ стародавна за щастного панованья предковъ Его Милости, ижъ кгда кольвекъ Его Королевская Милость съ Коруны Польскоѣ ѣзджали до Великого Князьства Литовского, тогды на границы вси вридники дворнии корунныи оставалися; а естли который до Князьства Литовского ѣхалъ, тогды бывалъ яко бы гостемъ... теперъ вжо ся во всемъ стародавній обычай около тыхъ вридовъ змінилъ... За что жъ просимъ, абы Его Королевская Милость рачилъ ласкою и бачностью своею Паньскою такъ то осмотрѣти, яко бы вже, черезъ то, панове вридники корунныи въ тѣхъ вридѣхъ дворныхъ жадноѣ моцы, а ни владности въ справованью не мѣли, одно тыи братья наши, которые то съ предковъ своихъ предкомъ Его Королевской Милости, и тежъ Его Милости самому, добрѣ и цютивѣ заслуговали».

4. Тамъ же.

5. Тамъ же.

6. Тамъ же. № 11, просьбы 2-я и 22-я (въ Октябрѣ) и 13-я (въ Ноябрьѣ).

7. Тамъ же.

8. Тамъ же. № 13, просьбы 5, 6-я и 12-я.

9. Акты Влад. Гродск. Суда № 919, 922, 923, 928, 934, 935, 950, 961; Житом. Уѣзд. Суда № 8. (Кіев. Центр. Арх.).

10. Т. 1, стр. 33—35; см. также книги Кіев. Центр. Арх.

11. О древне-Русскихъ училищахъ, Лавровскаго.

12. Kondratowicz т. 1, стр. 171.

13. Она основана Казимиромъ В. въ 1364 г. Bandtke, Kondratowicz, Łukaszewicz, Jaroszewicz.

14. Внѣшнее устройство Академіи было, также какъ и на Западѣ Европы, цеховое. Всѣ Доктора, Магистры, студенты, педеля, переписчики и книгопродавцы, со всѣми слугами, не взирая на то, исправляли ли они какую ни будь обязанность въ Академіи, имѣли ли къ ней какое либо отношеніе, или нѣтъ, по тому только, что жили въ Краковѣ, составляли членовъ Академическаго братства. Во главѣ ихъ стоялъ Ректоръ, избираемый изъ среды учениковъ, и это не противорѣчило понятіямъ вѣка, по тому что 16-ти, или 17-тилѣтній, юноша признавался совершенно-

лѣтнимъ и могъ достигать вскорѣ высокихъ должностей. (За границей дѣлалось то же самое: Янъ Замойскій сдѣланъ Ректоромъ Павіанскаго Университета на 20-мъ году отъ роду. См. *Życia sławnych Polaków: Jan Zamojski*). Члены братства выполняли присягу на повиновеніе Ректору, который имѣлъ надъ ними верховный судъ по всѣмъ дѣламъ объ имуществѣ и личномъ оскорбленіи; рѣшеніе его въ этѣхъ случаяхъ не допускало обжалованія. Въ дѣлахъ важныхъ Ректоръ отсылалъ виновнаго къ суду Епископскому, если онъ духовное лицо, и къ суду Короля, если онъ лицо свѣтское. Кого Ректоръ исключалъ изъ братства, тотъ обязанъ выѣхать изъ Кракова не медля, и ни кто изъ жителей города не смѣлъ давать ему ни пищи, ни питья. Въ періодъ управленія Академіею, Ректоръ не могъ держать испытанія ни на какую степень. Морачевскій *Dzieje* кн. XIV, стр. 278.

15. Тамъ же, стр. 282.

16. *Kondratowicz* т. 1, стр. 142—143.

17. Тамъ же, стр. 142—154.

18. *Łukaszewicz* стр. 55.

19. Между Шляхтою происходили непрерывныя ссоры за землю. При недостаткахъ межевой системы трудно было установить прочныя границы; отъ этого происходили частыя недоразумѣнія, а людямъ извѣстнаго разбора всегда представлялся удобный случай захватывать и присвоивать себѣ чужое.

20. Мнѣ случилось читать Езунтское сочиненіе, названное «*Kauterye*». Сочинитель старается быть поучительнымъ, но, вмѣсто, того дѣлается циническимъ шутникомъ, по тому что пороки, которые онъ изображаетъ, выставлены въ онѣ полнаго сладострастія, т. е., такъ, что видно, что сочинителю самому нравится порокъ, изображаемый имъ, и что онъ самъ не далекъ отъ него. Такова, на пр., каутерія: «*Diabeł zwodzi smieszkciem, mieszkkiem i grzeszkciem*». Въ ней сказано, что грѣхъ начинается всегда съ хи, хи, хи, а всѣ говорятъ: «*to nic, to nic; i wróbel mówi nic, nic* (подражаніе воробью), а pełna strzecha potomstwa; остальное все въ этомъ родѣ.

21. «*Ku kapłaństwu go wieszysz, chociaż syn żadnej weny ku tej godności nic czuje. Niech raczej twój syn, panie ojcze, weźmie radło i koziee* (бороздникъ), а ożeniwszy się, doma treluje, paganiając woły, i będzie raczej dobrym chłopem, niż złym, jak Polacy mówią, popem.»

22. «*Patrzeć więcej na dobroć i cnotę, niż na gładość lica lub pieniądze*».

23. *Zbiór pamiętn.* т. 2, стр. 262.

24. Есть очень много писателей, которые только выхваляютъ различныя стороны характера Шляхты. На сколько правдивы этѣ похвалы, можно видѣть изъ описанія, приведеннаго выше; а этому описанію нельзя не вѣрить; ибо оно составлено горячими патриотами, которые никогда не лгутъ, говоря подобнымъ образомъ.

25. *Zbiór pam.*, *Niemcewicza* т. 2, стр. 141: «*Диариушъ Моганте*». Есть нѣсколько описаній Польши, Литвы и Московскаго Государства, какъ въ физическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи, но не многимъ изъ нихъ можно дать вѣру, по тому что въ нихъ много неправды, выравшейся отъ пристрастія къ Полякамъ и ненависти къ Православію и Московскому Правительству. Не нужно думать, чтобы составителями такихъ описаній были одни Поляки; нѣтъ, не одни Поляки. Ино-

странцы также гнали, или по незнанію страны, или умышленно, въ благодарность за богатое угощеніе, которымъ ихъ принимали Поляки. Такъ, вы найдете у нихъ рассказы о необыкновенныхъ добродѣтеляхъ Поляковъ, объ ихъ образованности, объ ихъ кротости и т. д., и въ то же время рассказы о небывалыхъ порокахъ Русскихъ. Для примѣра приведемъ отрывки изъ нѣкоторыхъ. Іоаннъ Ласкій, Архі-епископъ Гнѣзненскій, такой отчетъ далъ о Русскихъ на Латеранскомъ Соборѣ: «Русскіе крестятъ младенцевъ въ яблочномъ квасѣ, или въ сокѣ другихъ плодовъ. Они не считаютъ грѣхомъ обмануть Католика и оклеветать его. Они не вѣруютъ въ смертельный грѣхъ. Они убѣждены, что воръ освобождается отъ грѣха, если скажетъ на исповѣди семи Священникамъ, какой онъ имѣлъ поводъ къ совершенію воровства, и помажется муромъ (*furi sufficere rationem furti sui representare e petere olei unctionem ab eis*). Они не признаютъ дѣйствительности второго и третьяго брака», и т. д. Hist. Rus. топ. т. 1, N CXXXIII.

Или:

«Несомѣнно, что всѣ Православные, сколько ни есть въ Литвѣ, охотно перешли бы на сторону Великаго Князя Московскаго, если бы ихъ не пугала его тиранія (Іоанна III). У этого человѣка нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни клятвы, ни религіи, ни законовъ. Никто изъ его подданныхъ не имѣетъ собственности, все ихъ имущество принадлежитъ ему. Обращеніе его съ подданными ужасное. Нерѣдко, когда имъ овладѣваетъ *furor atque amentia*, онъ велитъ гнать Бояръ изъ Думы въ шею и, раздѣвши до нага, ихъ гонять чрезъ всю площадь кнутами; послѣ такой раздѣлки ихъ опять вводятъ въ Думу. Несчастные! они еще прославляютъ тирана и благодарятъ его. По его приказанію, они часто сами себя убиваютъ, вѣшаютъ. Если кто ни будь изъ его подданныхъ попадетъ въ плѣнъ, то его не только не стараются выкупить, но даже объ немъ и рѣчи не заводятъ, какъ бы онъ тамъ ни былъ храбръ и полезенъ въ будущемъ. Если же къ нему кто ни будь попадетъ въ полонъ, то его сейчасъ заковываютъ въ цѣпи, приковываютъ къ стѣнѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ; по этому съ Русскими всегда бьются на смерть, чтобы только не попасть въ плѣнъ. Нигдѣ, ни у Турокъ, ни у Татаръ, ни у Гарамантовъ (такъ!) нѣтъ такой неволи, какъ у нихъ. Къ этому немилосердому, свирѣпому народу, управляемому Сатурномъ, перешли изъ ада всѣ казни, пытки, всѣ дьявольскія истязанія. Тамъ женщины колдуньи, Цирцеи и Данаиры, тамъ Верресы, Діонисіи, Нероны; къ нимъ, этѣмъ медвѣдямъ, переселились тѣни всѣхъ жесточайшихъ тирановъ міра. Тамъ мучатъ несчастныхъ людей всевозможными мученіями:

Однихъ въ смолѣ и сѣрѣ жгутъ,
Другихъ на рожнахъ тамъ пекутъ,
Инымъ вдѣваютъ раскаленный шлемъ на голову,
Иныхъ варятъ въ кипячущей водѣ,
Тѣхъ руки, всадивъ въ кашу, варятъ,
И, обрѣзавъ мясо, обнаженные кости ломаютъ,
Иныхъ обуваютъ въ туфли съ горячими сливами (такъ!),
Инымъ надѣваютъ на голое тѣло раскаленные латы
Иныхъ смертельнымъ голодомъ мучать,

Инымъ вливаютъ кипятокъ въ ротъ,
 Инымъ шпильки подъ ногти забиваютъ,
 Иныхъ, зашивъ въ медвѣжью шубу, травятъ собаками,
 Инымъ обрѣзываютъ уши, губы и носъ,
 Инымъ вырываютъ зубы и глаза,
 Инымъ выламываютъ руки,
 Инымъ ломаютъ ноги и голени,
 Иныхъ на колъ сажаютъ,
 Иныхъ колесуютъ,
 Иныхъ растерзываютъ лошадыми,
 Иныхъ четвертуютъ,
 Въ пныхъ, какъ въ цѣль, стрѣлы пускаютъ,
 Иныхъ варятъ въ пищу змѣямъ,
 Иныхъ изголодавшихся кормятъ ихъ же собственными дѣтьми.

Трудно перечислить все», прибавляетъ сочинитель. Очевидно, и выдумки подчиняются закону усталости; однако надо удивляться обилію его измышленій, Acta Tomić. т. III, стр. 10, 11.

26. «Pragnąc tylko bogactwa i swietności, nauki i ten wszystek uczenia się i nauczania warsztat ludziom podłym zostawują». Kondratowicz т. 2, стр. 23; Wójcicki, т. 2, стр. 211.

27. Выше стр. 32.

28. «U nas, Polakow, płacić pieniędzy snadź drugi woli się za szeląg, albo za grosz, dać ukrzyżować, aniżeli by miał go udzielić na nauki synowi swemu, i ten obyczaj jest nie tylko u troche zamożnych ludzi, ale prawie u panów samych, jako szlachty, gdzie nie tylko pieniądze są, ale też i gumna naprawione i nasadzone brogami stoją. Ma pan ociec pieniądze na co inszego, ma na piwo i na ubiory, ale ich nie ma dla nauczyciela. Przez wszystek kwartał nie chce się mu wiele wydać, jedno dwiema groszami, albo trzema chce odbyć, dzierżąc się zwyczajn jako by pospolitego; introitales два pieniądze, kretales pieniądz, remissionales szeląg, a pretium kwartalne два groszy. Nie wchodzi w to, że nauczyciel z tego żywie, z tego sobie księgi, odzienia sprawuje. Krótко go też tzyma w szkole i zawczasu odbiera, jako to więc czynią oni, którzy sobie na rzemieśle tęsknią, z którego gdy wystaną, dla tego iż go troche zakusili, będą też partolić, od czego zowiemy ich tem słowem partaczami. Drugi też nie umie szanować człowieka, któremu na wychowanie dziecko swoje powierzył. Za syszkę waży sobie nauczyciela, woli psów graskać, muskać a konie tuczyć; w większej u niego jest wadze palacz (петопникъ), albo stróż, niż człowiek uczony, który mu syna na dobre życie uczy.» Гличнеръ у Вуйицкаго т. 2, стр. 320.

29. Хозяинъ считалъ священною обязанностью доставить своему гостю, въ числѣ другихъ удовольствій, и это, и, для удовлетворенія Барскому самолюбію, не щадилъ ни какихъ средствъ. Гость обыкновенно просиживалъ у него по нѣскольку дней.

30. Polska aż do połowy XVII w. т. 2, стр. 354—382, отдѣлъ объ охотѣ.

31. Диар. Моганте во 2-мъ т. Zbiór pamiętn. стр. 141.

32. Polska aż do poł. XVII w. t. 3. стр. 173—181.

33. Zbiór pamiętn. t. 3, стр. 28.

34. Polska aż do poł. XVII w. t. 3, стр. 377.

35. Дворян, содержимая Шляхтичемъ, была очень многочисленна; она дѣлилась на нѣсколько разрядовъ. Морачевскіи (Starożytności), Костомаровъ (Дмитріи Самозванецъ), Бусовъ (Rerum Rossic. script. exteri).

36. Кстати замѣтить, что Христіанская Религія не проникала въ глубь природы тогдашняго человѣка; благочестіе было болѣе внѣшнее, обрядовое чѣмъ внутреннее, сердечное. Ни Религія, ни высокій духовный санъ, не сдерживали человѣка, когда ему хотѣлось, во что бы то ни стало, показать свою физическую силу. Въ памятникахъ того времени мы встрѣчаемъ, рядомъ съ религіознымъ иступленіемъ, вещи крайне не религіозныя. Такъ, на прим., въ 1552 г. на Сеймѣ въ Петровѣ. въ церкви, во время богослуженія, нѣкоторые стояли въ шапкахъ и не хотѣли преклонять колѣнъ (Kron. Bielskiego стр. 594). Въ 1569 году во Владимірскій Городской Судъ поступила жалоба на Владыку Владимірскаго и Берестейскаго. что онъ «самъ особю своею зъ многими слугами своими, не бачучи на станъ свой духовный, разбойнымъ а рейтарскимъ обычаемъ на насъ ударили и пайпертѣи самъ рукою своею... Петра Лысовича Жуковского въ голову шkodливѣ зранили, и слугамъ своимъ всихъ, дей, насъ казали мордовати, бити, рубати, и за початкомъ, дей, его самого и розказаньемъ, слуги его насъ стали бити; мы, дей, спадши съ коней у воду передъ нами втопили (?), а они, дей, насъ з воды волочили, били, мордовали и шkodливо, дей, мене (Ставинского) зранили; не мало, дей, ми ранъ въ головѣ, на твари и по рукамъ задали... и въ тотъ, дей, часъ при томъ разбоѣ не мало речей въ насъ поотнимали и побрали зъ маетности нашею, которую есма на тотъ часъ при собе мѣли, насъ злушили.» Кн. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г., актъ 105-й (Кіев. Арх.).

37. «Ubolewano nad tym, że owczesny wiek, wzięwszy od przodków Rzeczpospolitą jako malowanie najpiękniejsze, jeno już przez starość nieco zeszło, nie tylko, że go odnowić zaniedbał, ale i tego nie uczynił, aby był przynajmniej wizerunek jego a zwierzchnie linije zachował. Wszyscy mówili źle, a nikt nie umiał pokazać drogi, jak by to źle naprawić». Реі, Кохановскіи у Мацѣвскаго стр. 186.

38. Ubory w Polsce, Голембевскаго.

39. Тамъ же стр. 10.

40. Zbiór pam. т. 2, стр. 477; Ак. Юж. и Зап. Рос. т. 2, стр. 188.

41. Морачевскаго Dzieje, кн. XIV, стр. 301.

42. Vol. leg. т. 1, стр. 40—42; Bandike стр. 272.

43. Vol. leg. т. 1, стр. 68—104.

44. Тамъ же стр. 161. «Мы, Александръ, обѣщаемъ хрaнить всѣ привилегіи, данныя Королевству блаженныя памяти предками нашими Князьями и Королями: tamen, propter majorem eorum firmitatem, annuentes votis consiliariorum nostrorum et nuntiorum terrarum, ex universis regni terris in hac conventionе existentium, privilegia, indulta, munimenta, statuta, donationes, libertates, praerogativas, immunitates.... per praedecessores nostros.... regni Poloniae datas, donatas, concessas et emanatas.... in omnibus punctis, articulis, clausulis, conditionibus et consuetudinibus.... roboramus, confirmamus et ratificamus».

45. Стр. 479.

46. Ак. Зап. Рос. т. 2; Vol. leg. т. 1, стр. 162.

47. Vol. leg. т. 2, стр. 5.

48. Chron. Bielskiego стр. 697; Vol. leg. т. 2, стр. 133.

49. Бѣльскій этотъ пунктъ передаетъ иначе (см. стр. 723). Онъ говоритъ: «przed swym przyjazdem 100,000 złotych przysłać»; но это показаніе не оправдывается Volumin'ами Legum. Мы приняли показаніе законодательнаго акта.

50. Vol. leg. т. 2, стр. 149.

51. Тамъ же стр. 247—248.

52. «Si in aliquibus juramentum meum violavero, nullam mihi incolae regni omniumque dominiorum uniuscujusque gentis obedientiam praestare debebunt». Vol. leg. т. 2, стр. 135, 148, 246.

53. «Posłowie cudzoziemscy jeździli po Polsce i po Litwie wsządzie od domów do domów szlacheckich, pieniędzmi sypiąc, a drugim też listy dając i obietnicami karmiąc.» Bielski стр. 635.

54. Тамъ же стр. 692.

55. Тамъ же стр. 676.

56. Тамъ же стр. 724.

57. Этѣмъ именемъ называлась военная повинность выходить на войну.

58. Дѣцкій—то же, что въ послѣдствіи Возный. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы обвиненнаго позвать къ Суду, вручивши ему повѣстку.

59. Ак. Зап. Рос. т. 2, № 30.

60. «Старосты и Намѣстники наши не мають на нихъ Дѣцкихъ своихъ слати первымъ разомъ; а коли на кого жалоба прійдетъ, ино того первымъ листомъ и другимъ обослати; и коли на тыи два листы не станетъ, тогда Дѣцкого послати; а коли за тымъ Дѣцкимъ не станетъ, ино дѣцкованье маєтъ заплатити, а Старостѣ и Намѣстникомъ нашимъ на томъ усказати отправить. Тежъ который слуга, або человекъ Князскій, або Панскій, а либо Земьянскій, убьетъ кого, ино Старосты и Намѣстники наши, и Маршалокъ Земскій, и Ключникъ, и Конюшій на нихъ головщины бирали; и отецъ и братъ нашъ то имъ отпустили, и листы права ихъ милости на то передъ нами покладали: ино мы тыхъ листовъ и правъ выслушавше и также.... то есмо имъ отпустили: нехай они зъ слугъ и людей своихъ, хто въ головщину упадетъ, сами головщину на слугахъ и на людехъ своихъ берутъ; а Старостамъ и Намѣстникомъ нашимъ не надобѣ зъ ихъ слугъ и людей головщины брати. А Князей и Пановъ и Земьянъ Старостѣ нашему злыми словы не соромити, у казнѣ и у вѣжу не сажати; а если бы который ся провинилъ въ чомъ, Князь, або Панъ, або Земьянинъ, ино Старостѣ насъ обослати; какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, што бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки наше то вчинити.... Старостѣ и Намѣстникомъ нашимъ вины и заруки на ихъ самыхъ и на ихъ людехъ не брати, и людей ихъ не судити и не рядити; судити имъ самымъ люди свои, и вины брати каждому съ своего человека».... А далѣй: «Старостѣ судити на замку нашемъ Князскихъ, або Панскихъ, або Земьянскихъ людей, што ся дотычетъ розбою приличного, гвалту, Шляхетскоѣ раны, пожоги, абы ся злодѣйство не множило; а злодѣя приличного гдѣ коли имутъ на чьемъ имѣнии, тамъ его мають судити и тамъ

жо маеть каранъ быти, подлугъ давного обычая, а поличное тому, на чьемъ имѣньи злодѣи изымають.... А слугамъ Старостинымъ ѣздячи по селомъ зарукъ не заручати, нижили бы хто хотѣлъ на чье имѣнье мощно наѣхати, альбо кого збити, а онъ будетъ заручати, а на то доводъ вчинить: то есть справная зарука». Тамъ же № 54.

61. Тамъ же № 70. «Напервѣй въ церкви Божьей и въ имѣнья церковные намъ не вступатися, въ домъ Божіей Святой Софїи и въ домъ Божіей Святого Спаса, и въ иные дома церковные намъ не вступатися. А хто кого обвадитъ (обвинить) явно, а любо тайно, ино намъ его не казнити ни одною виною, а ни имѣньемъ, ни нятствомъ (арестомъ), ни сребромъ, ни шыею, али жъ поставити его очн на очн на явномъ судѣ Хрестыянскомъ, и того хто вадитъ, и того на кого вадитъ, и досмотрѣвши межъ ними справедливости, хто будетъ што заслужилъ, и какъ право укажетъ, такъ его казнити. А который которую вину будетъ заслужилъ, ино того самого казнити по вины его, а жоны и дѣтей не займати и имѣнія не рушати, нижили который будетъ въ томъ дѣлѣ, а то вѣдалъ, тыхъ и казнити... Также хто держитъ отчизныя имѣнья свои, а любо што кому будетъ Великій Князь Витовтъ далъ, и Великій Князь Скиргайло далъ, и отецъ и братъ нашъ, Короли, Ихъ Милость, што кому дали, и мы што кому дали, то ему и держати, какъ въ Королевствѣ Польскомъ Князи и Панове и мѣщане держатъ: всхочетъ ли имѣнья свои хто продати, или отдати, или замѣнити съ кимъ, ино намъ, або Намѣстникомъ нашимъ явивши, продати и замѣнити. Также на Боярскіе люди и на мѣщанскіе сябры дѣцкихъ намъ и Намѣстникомъ нашимъ не давати; а будетъ ли кому кривда, ино перво у Господаря его искати правомъ; пакъ ли не всхочетъ Господарь его подобнымъ рокомъ права ему вчинити, ино намъ и Намѣстникомъ нашимъ дѣцкихъ давати; а вина которая будетъ осужена, ино тую вину Господарю своему заплатити, а въ люди намъ Боярскіе не вступатися».

62. Въ этомъ актѣ (см. также актъ подъ № 30) есть одно мѣсто, котораго смыслъ необыкновенно темный. Вотъ оно:

«А о выдачку, коли ся обада выдадутъ, и оба шапками вергутъ, ино то выдачка; а одинъ ся выдастъ, а другій ся не выдастъ, ино то не выдачка.

А которые Полочане межъ собою побьются, а за дѣцкимъ простятся, ино намъ кунца шерстью съ мирщины; также коли посварятся Полочане и выдадутся оба въ кольцѣ, ино то вина наша; а будетъ ли одинъ выдастъся, а другій не выдастъся, то есмо имъ отпустили.»

Для надлежащаго пониманія этѣхъ выраженій, необходимо знать: 1) что такое выдачка; 2) что такое шапками вергутъ, и 3) что такое кольцо?

У Литовцевъ искони употреблялась Древне-Славянская форма судебного разбирательства при посредствѣ денежнаго залога и шапки; она называлась техничскимъ терминомъ «покладать шапку рублемъ грошей» (Jaroszewicz т. 1, стр. 161). Тяжущіеся,—истецъ и отвѣтчикъ,—явивши на Судъ, говорили каждый: я закладываю этѣ деньги (при этомъ клалъ деньги въ шапку) и отказываюсь отъ нихъ, если виновнымъ по Суду окажусь я, а не ты. Этѣмъ одинъ другого какъ бы выдавалъ Судѣ. Виновный терялъ тогда право на залогъ, который поступалъ въ собственность Судьи. Могло случиться, что обѣ стороны представляли залогъ, а, стало быть, обѣ соглашались подчиниться Суду, и могло случиться также, что

одна сторона представляла залогъ, а другая нѣтъ, выражая этѣмъ нежеланіе подчиниться рѣшенію такого-то Судьи. Примѣняя этотъ обычай къ настоящему случаю, мы сообщаемъ первому выраженію слѣдующій смыслъ: «относительно выдачи постановляемъ (т. е. Король): если оба тяжущіеся представляютъ залогъ въ шанкъ, и оба согласны подвергнуться судебному разбирательству дѣла въ томъ Судѣ, въ который явились, то это выдачка; но если только одна сторона согласна на Судъ и представила залогъ, то это не выдачка, т. е., тяжущіеся должны обратиться къ другому Суду, или покончить между собою дѣло другимъ какимъ ни будь способомъ.»

Всякое состоявшееся судебное рѣшеніе влекло за собою оправданіе одной стороны и обвиненіе другой. Обвиненный платилъ Судѣ судебную пошлину или, какъ тогда выражались, вину. Отсюда понятно, по чему во 2-мъ выраженіи сказано: также коли посварятся Полочане и выдадутся оба въ кольцо, ипо то вина наша; а будетъ ли одинъ выдастся, а другій не выдастся, то (такъ какъ при этомъ не было Суда) есмо имъ отпустили. Кольце есть слово, заимствованное, по всей вѣроятности, изъ Польскаго языка. Польское *koło*, *kołko* имѣетъ значеніе собранія, міра. *Koło Rycerskie*, *koło Senatorskie*, *kołko ludzi*; *wdać się w koło*, значить войти въ кругъ, въ середину собранія. Вдаться въ кольцо, послѣ того, когда посварятся, значить по этому подвергнуться Суду общины или старцевъ (и тотъ, и другой Судъ существовали въ XVI в.).

Вотъ всѣ соображенія, которыя я могу представить и которыми надѣюсь содѣйствовать къ раскрытію темнаго смысла сихъ выраженій.

63. Vol. leg., Ленгнихъ, Морачевскій.

64. Первые Повѣстовые Сеймики относятся къ 1521 г. Бѣльскій говоритъ, что начало ихъ было несчастливое; ибо собравшіеся чуть не порѣзались по поводу вопроса о томъ, какую власть предоставить посламъ, назначаемымъ на Главный Сеймъ. Дѣло дошло до того, что Король вынужденъ былъ закрыть ихъ. Стр. 549. Въ промежуткѣ между 1521 и 1550 гг. они были забыты.

65. *Dalszy ciąg chr. Bielskiego* стр. 3—5.

66. Ак. Зап. Рос. т. 3. № 13.

67. Ленгнихъ, т. 2, стр. 419; Морачевскій *Staroż.*, tit. *Sejmiki*.

68. Стат. 1566 г., Разд. 1, арт. 1.

69. Тамъ же Разд. 1, арт. 4. Въ первомъ Статутѣ также есть эта статья, но она изложена въ немъ не такъ ясно, какъ во 2-мъ и 3-мъ Статутахъ. Вообще, первый Статутъ запечатлѣнъ краткостью выраженія и недоразвитостью мысли.

70. Vol. leg. т. 2, стр. 125.

71. Тамъ же стр. 184; Законъ 1510 г.; см. тамъ же т. 1, tit.: *roena consiliorum*...

72. Стат. 1566 г. Разд. IV, арт. 39. Кто же осмѣлится въ присутствіи Короля ранить кого ни будь, тотъ подвергается баниціи, т. е., лишенію права на имущество, иногда на жизнь, и изгнанію изъ Государства, словомъ, тотъ лишается покровительства и защиты закона.

73. *Dzieje*, Морачевского кн. XV, стр. 124—125.

74. № 30 въ Ак. Зап. Рос. т. 2.

75. Этотъ привилей данъ Владиславомъ Ягайломъ въ Едльнѣ 1433 г., и въ немъ сказано: «Nullum terrigenum possessionatum pro aliquo excessu seu culpa capiemus, nec capi mandabimus, nec aliquam vindictam in ipso faciemus, nisi iudicio rationabiliter fuerit convictus.» Jaroszewicz т. 2, стр. 48—49.

76. Въ 3-мъ Стат. прибавлено: «кроме причины голоду квалтовного».

77. Стат. 1566 г. Разд. 1, арт. 3.

78. Тамъ же арт. 6.

79. Тамъ же арт. 13.

80. Тамъ же арт. 21.

81. Тамъ же арт. 14, Разд. 2.

82. Тамъ же арт. 23.

83. Тамъ же Разд. 4, арт. 39, 40, 41.

84. Тамъ же Разд. 11, арт. 1, 3, 5, 8, 9, 10, 16 и 17.

85. Тамъ же арт. 17 и 18.

86. Разд. 1, арт. 3. «Хто бы тежъ замокъ нашъ неприятелю зрадою подавъ, кроме причины голоду квалтовного... А тые сынове, которые бы не были дѣти зупольныхъ dorosлыхъ, або другые и dorosлыми будучы, а тое зрады отцовское не были вѣдомы, таковыя чести а ни горьза не будутъ тратити». Арт. 6 «а вѣдъ же дѣти того зраицы, естли бы што мѣли властного пабытья своего, альбо передъ тьемъ учыномъ отца своего отъ него отъделены быш, тогда при томъ зостати мають.» См. также арт. 7.

87. Хвалковский (Jus publ. стр. 419) говоритъ, что Трибуналъ, учрежденный въ 1578 г., былъ принять Литвою только въ 1681 г., но оправданія его словъ я не нашелъ нигдѣ.

88. Стат. 1566 г. Разд. 4, арт. 20.

89. «Pertinent ad haec judicia tribunalitia appellationes sive, ut loquuntur, motiones omnes a judiciis terrestribus, succamerarialibus, capitanealibus, vice-capitanealibus et commissarialibus ratione divisionum.» Jus publ. стр. 427.

90. Стат. 1566 г. Разд. 1, арт. 3. «Законоу (т. е., помыслителъ Величества) съ права, зъ розсудку нашего съ Паны Радами нашими Великого Князства Литовского, честь горло тратить».

91. Vol. leg. т. 2, стр. 251—252. «Jesliby kiedykolwiek Nam i Potomkom naszym Królom Polskim,» сказано во 2-мъ параграфѣ этого постановленія z poddanym swym szlacheckiego, zawołania przyszła sprawa o crimen laesae Majestatis, które tylko in personam regiam, podług prawa, machinatione, conspiratione, violento conatu et, quod longe absit, facto ipso in vitam committitur, tedy od Instygatora naszego (Ипокрора), za wiadomością Marszałka naszego, ma na takowego pozew.... byдъ położony na sejm, i onego położenia relacya w xiągach grodzkich tegoż Powiatu ma byдъ zapisana, w którą pozew ma byдъ wpisany: i na sejmiku takie położenie pozwu, dla dostatecznej wiadomości przez Woznego ma byдъ publikowane. Który tak pozwany ma peremptorie stanąć; i gdy sprawa z pozwu takowego przypadnie, mamy, wysłuchawszy propozycją i dowody Instygatora naszego, także i strony obwinionej, Panom Radom naszym i posłom ziemskim niżej opisanym, w tym dać czas, aby na tę sprawę na sejmie onym, bez bytnosci naszej wotowali, i w niej się wedle potrzeby rozmówili. A gdy by się spólnie

wszyscy na jedną sentencją zgodzili, tedy taki dekret przez nie w niebytności naszej konkludowany, przez Nas ex scripto ma być ferowan przez Marszałka. A gdzieby się wszyscy na jeden dekret zgodzić nie mogli, tedy przy większej części konkluzya zostawać ma. Do którego takowego sądu z koła poselskiego deputowani być mają ośm osób, który, przysiąwszy na prawne i na sprawiedliwe podług sumienia wotowanie, przy Paniech Senatorzech wotować i wołać ich także, jako i Panów Rad, liczone i porachowane być mają.... Jeżeliby była wotorum paritas, tedy obwiniony do odwołu (признание невиннымъ) bliższy być ma.... Takież postępek być ma in causa perduellionis contra R. P., to jest, gdyby kto czynił bunt przeciwko Rzeczypospolitej, porozumiewając się z nieprzyjacielem Koronnym ku szkodzie Koronnej, wynosił tajemnice Rzplptej zwierzone nieprzyjacielowi Koronne-mu, podał mu zamek na znowie, wzruszał pacta et foedera z postronnymi Pany, rebelliją faoto popełnił, który by właśnie był contra Rempubicam, jednak już in tali casu, My jako głowa, i z Pany Radami, i z ośmiu deputatów poselskich, sądzić, i przy większej części konkluzją uczynić mamy: w których juxta qualitate excessus et illius iudicii sententiam, poenae debent irrogari. To warując, iż gdzieby in ea causa perduellionis delatora (доносителя) nie stało, tedy sam Instygator, z wiadomością Marszałka naszego, mając certa et evidentialia documenta, taką kauzę może instituere et continuare».

92. Zbiór Дзялынскаго.

93. Тамъ же.

94. Ак. Зап. Рос. т. 3, стр. 6.

95. Тамъ же стр. 26.

96. Вездѣ данина стоитъ независимо отъ выслуги; это не по тому, что бы между ними была существенная разница. Въ сущности и выслуги, и данины—одно и то же, значить пожалованіе; разница только та, что выслуги — это имѣнія, пожалованныя прежнимъ Государемъ, а данина — имѣніе, пожалованное живымъ Государемъ. Этою, по видимому, ничтожною разницею очень дорожили въ то время; ибо на основании ея Шляхта жале по жалу превращала первый жалъ собственности, т. е., выслуги, въ потомственное владѣніе.

97. Ак. З. Р. т. 2, стр. 33—34, № 30.

98. Тамъ же т. 3, № 4, прос. 2.

99. Тамъ же.

100. Тамъ же стр. 36, прос. 10: «Если бы testamentъ въ одномъ которомъ члону, або и въ двухъ и въ трехъ, былъ скажонъ, тогда абы предъся вси иные рѣчи, въ томъ testamentѣ описанные, были при mocy захованы».

101. Стр. 43—44; Стат. 1588 г. Разд. 3, арт. 2. Этотъ Статутъ даетъ подтвержденіе на право владѣнія имуществомъ, которое находилось въ пользованіи Шляхтыча до 1588 г., хотя бы и незаконно «безъ превильевъ».

102. Стат. 1566 г., Разд. 3, арт. 14.

103. Тамъ же арт. 33.

104. Vol leg. т. 2, стр. 82 и 86. «Execucya, to jest odbieranie dóbr i miast, zamków, dworów, wsi i ziem, gruntów, zamian, wysług, danin wszystkich, od przodków naszych przodkom ich i ich samym nadanych, teraz i na potym ich samych i potomków ich nie dołęże, a ni im i potomkom ich żadnemi sejmy, wynalazki

і konstytucjami sejmowymi Koronnemi, nie szkodzić nie może. А на оstateк а ni też z ich strony obywatelów i posłów ziemskich Wołyńskich (и Киевскихъ) stanowiona być nie ma wiecznemi czasy.... А jesliby którzy z nich na dobra swe ojczyście i dziedziczne listów nie mieli, а bez listów onych dobrъ spokojnie używali, tedy takowe dobra tymże W. X. Litewskiego prawem wedle starego i nowego Statutu, jako to tego czasu trzymali, będą dzierżyć wiecznemi czasy.»

105. Ак. З. Р. т. 2, № 30.

106. Тамъ же № 54.

107. Разд. 1, арт. 4: «а вѣдже естли бы хто зъ глупѣства, або шаленства, въ томъ выступиъ, за то мы господаря братися не будемъ».

108. Тамъ же арт. 7, 11.

109. Тамъ же арт. 9.

110. Тамъ же арт. 10.

111. Тамъ же арт. 24.

112. Тамъ же арт. 35.

113. Тамъ же Разд. 3, арт. 6; Разд. 4, арт. 9.

114. Тамъ же Разд. 3, арт. 27.

115. Тамъ же арт. 28.

116. Тамъ же арт. 29.

117. Тамъ же арт. 53.

118. Тамъ же арт. 59.

119. Тамъ же арт. 62.

120. Тамъ же Разд. 11, арт. 14.

121. Тамъ же арт. 28.

122. Тамъ же арт. 35.

123. Ак. З. Р. т. 2, № 30.

124. Тамъ же № 70.

125. Тамъ же № 64.

126. Тамъ же № 87.

127. Ленгичъ говоритъ, что Воеводства въ Литовской Руси учреждены въ 1566 году. По всей вѣроятности, онѣ существовали сдѣсь гораздо раньше этого года, и происхождение ихъ такъ же старо, какъ появленіе Воеводъ, о которыхъ упоминается въ актахъ Зап. Рос. подъ 1506 г., т. 2, стр. 3.

128. Vol. leg. т. 2, стр. 93; Хрон. Гваньина стр. 326 — 332; Staroż. Морачевского.

129. Ленгич. т. 1, стр. 422; Ак. Зап. Рос. т. 2, стр. 89. «Также намъ, Господару, давати Воеводу нашего Полочаномъ, по ихъ воли; а которыйи будетъ Воевода нашъ не любъ имъ, ино намъ имъ Воеводу иншого дати по ихъ воли».

130. Кромъ Воеводствъ Минскаго и Брестскаго. См. Морачевского Starożytn.

131. Staroż.; Jus public. стр. 137. «Palatini munera sunt: esse ductorem copiarum suae satrapiae in expeditionibus bellicis, indeque habet nomen lingua vernacula, ut Vojevoda dicetur. In conventibus nobilitatis praesidet, praetia rebus venalibus imponit, ponderum et mensurarum curam gerit, Judaeorum etiam patrociniū et iudicia ad eundem pertinent».

132. Vol. leg. т. 2, стр. 98.

133. Тамъ же.

134. Starożytn.; Jus public. стр. 138.

135. Возный исполняет не только порученія Суда, но и порученія частныхъ лицъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ. По требованію истца, онъ часто относилъ позовы (повѣстки) къ отвѣтчику, съ требованіемъ его на Судъ.

136. Въ каждой Канцеляріи висѣла доска, на которой было выставлено, сколько въ какомъ случаѣ давать Писарю. Обыкновенно давали больше противъ таксы, и такой пемпшекъ назывался *plus offerentia*. Staroż.

137. Тамъ же.

138. Всѣ Чиновники должны были имѣть поземельную собственность, т. е., быть настоящими Шляхтичами. См. множество указаній въ Vol. leg., въ Стат., въ Ак. З. Р., въ Хроникѣ Бѣльскаго и т. д.

139. Ак. З. Р. т. 3, стр. 26, 27.

140. Тамъ же. «Абы влады пограничные людемъ въ годности дознанымъ и заслуженымъ были даваны».

141. Бѣльскій стр. 591, 613, 637; Альбертранди стр. 134. «Дембинскій за нерадѣніе былъ низложенъ» (1376 г.).

142. Ак. З. Р. т. 2, стр. 89.

143. Тамъ же т. 3, стр. 98, 99.

144. Тамъ же стр. 7. «Не малое вонтиѣнье межъ нами есть, гдѣ ся тые пѣязи подѣли, и на которую потрѣбу земскую обернуты, которые есмо передъ тымъ не однокротъ на оборону земскую давали? А для того Его Королевской Милости просимъ, абы вжо отъ сего часу и на потомныи часы, кгда бы ся колъвекъ притрафилъ для обороны земскоѣ серебщизну складати, абы то намъ было особливымъ листомъ Его Милости описано, ижъ бы тыи пѣязи не до скарбу Его Милости были даваны, але ижбы есмо сами зъ братьи своее обрали людей добрыхъ, вѣры годныхъ, одного закону Римского, а другого закону Греческого, а три нихъ третяго, Писаря, который бы тыи пѣязи серебщизныи отъ насъ отырали и за своимъ ключомъ ховали, и тыхъ пѣязей ни на жадные нышныи потребы и ни на чый розказъ не выдавали, одно на посполитую оборону земскую, на люди служебныи, и съ того всего абы предъ нами личьбу чинили».

145. Бѣльскій, стр. 591; Dalszy ciąg. стр. 140, 146.

146. Альбертранди стр. 23.

147. Dalszy ciąg chroniki Bielskiego стр. 194 и слѣд.

148. Ак. З. Р. т. 3, стр. 31.

149. Бѣльскій стр. 653.

150. Пользовавшіися Магдебургскимъ правомъ имѣли свой Судъ, свое правленіе и были вольны отъ Суда Шляхты (то же самое по Хелмскому праву). Если мѣщанинъ обидѣлъ Шляхтича, то послѣдній могъ требовать его на Судъ, но только на Судъ городской (мѣщанскій).

151. Ак. З. Р. т. 3,

152. Былъ и такой разрядъ горожанъ (мѣщанъ).

153. Ак. З. Р. т. 3, № 11, просьба 12.

154. Тамъ же т. 2, стр. 179.

155. Разд. 3, арт. 35.

156. Альбертранди стр. 7, 162, 170.

157. Влад. грод. 1566 г. № 53.

158. Влад. грод. 1580 г. № 498.

159. Тамъ же № 321.

160. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г., безъ нумера между актами 304 и 305.

161. Тамъ же № 198.

162. Жит. Уѣзд. Суда № 8, кн. 1, годъ 1584.

163. Влад. Грод. 1580 г., № 492; такой же актъ подъ № 348.

164. Влад. Грод. 1563 г., № 160.

165. Влад. Уѣзд. Суда 1569 г. № 234.

166. Влад. Грод. 1580 г. № 571. Полоб. акты подъ №№ 611, 622, 634

и слѣд.

167. Влад. Грод. 1567 г., № 279.

168. Влад. Грод. 1580 г., № 243.

169. Тамъ же № 497.

170. Влад. Грод. 1593 г., № 133.

171. Тамъ же № 513.

172. Тамъ же № 559.

173. Ак. З. Р. т. 2, стр. 65.

174. Стр. 601.

175. Стат. 1588 г. Разд. 3, арт. 27.

176. Тамъ же арт. 25. Этотъ законъ важенъ по послѣдствіямъ. Такъ какъ

Шляхтичъ, занимающійся ремесломъ, или торговлею, терялъ право на званіе Шляхтича, а потерять это право значило потерять все, то Шляхта, разумѣется, неохотно посвящала себя этому занятію. Розрастаніе же ея неминуемо вело къ обѣднѣнію многихъ фамилій и потерѣ поземельной собственности. Потеря земли заставляла ихъ избрать себѣ какой ни будь родъ жизни. Не промышленностью же заниматься имъ; ибо это занятіе считалось постыднымъ; и вотъ они обратились къ военной службѣ и къ службѣ при Дворѣ, какъ занятію почетному и благородному. По образцу Королевскаго Двора, вельможи устраивали и у себя дворъ, куда толпами важила бѣдная Шляхта. Такимъ образомъ она содѣйствовала возвышенію нѣсколькихъ фамилій и преобладанію ихъ въ Государствѣ.